

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ СТРАХА

ЛАРС СВЕҢДСЕН

LARS FR. H. SVENDSEN

FRYKT

Universitetsforlaget

ЛАРС СВЕНДСЕН

ФИЛОСОФИЯ
СТРАХА

Перевод с норвежского Наргис Шинкаренко

Прогресс-Традиция
Москва

ББК 87.774
УДК 18
С 24

*Издание осуществлено при содействии
норвежского фонда NORLA*

Свендсен Л.

С 24 Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.

ISBN 978-5-89826-350-8

В своей книге «Философия страха» норвежский философ Ларс Свендсен утверждает, что страх проник всюду – он властвует и в частной жизни человека, и в жизни общества. СМИ, политики и организации, лоббирующие свои интересы, то и дело предостерегают нас от всевозможных опасностей и угроз, в результате чего многие наши действия подчинены страху.

Автор исследует феномен страха, размышляет о том, почему он отталкивает и в то же время притягивает нас.

Книга заставляет задуматься о последствиях эксплуатации страха в политике и бизнесе, а также о том, к чему может привести чрезмерная концентрация на опасностях, мнимо или реально присутствующих в повседневности.

УДК 18
ББК 87.774

На переплете: Хокусай. «Монстры». Фрагмент

ISBN 978-5-89826-350-8

© Universitetsforlaget, 2007
© Н.В. Шинкаренко, перевод, 2010
© Г.К. Ваншенкина, оформление, 2010
© Прогресс-Традиция, 2010

*Единственной страстью моей жизни
был страх.*

Томас Гоббс

Содержание

Предисловие переводчика 8

ПРЕДИСЛОВИЕ 13

1. КУЛЬТУРА СТРАХА 19

2. ЧТО ТАКОЕ СТРАХ? 39

3. СТРАХ И РИСК 85

4. ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ СТРАХА 131

5. СТРАХ И ДОВЕРИЕ 163

6. ПОЛИТИКА СТРАХА 183

7. ПО ТУ СТОРОНУ СТРАХА? 221

ПРИМЕЧАНИЯ 236

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 265

Предисловие переводчика

«Вся наша жизнь пропитана страхом», – пишет философ Ларс Свендсен.

Как возникает страх? В чем проявляется? Какую функцию он выполняет? От чего зависит его появление и интенсивность? И наконец, как он влияет на нашу жизнь?

Литература всех времен и народов изобилует описаниями состояний страха, начиная от смутных покалывающих опасений до панического всепоглощающего ужаса: «закралась тревога», «неопределенный страх», «болезненно-мучительная тревога, перерождавшаяся даже в панический страх», «смотрел с тупым бессмысленным страхом», «страх опять охватил его все-

го, с ног до головы...», «страх как лед обложил его душу, замучил его, окоченил его...». Воображение читателя живо рисует эти картины, они знакомы и понятны каждому из нас, ведь страх испытывают все. Порой авторы, представляющие совершенно разные культуры, пишущие на разных языках, используют одинаковые, полностью совпадающие образы: побледнеть, онеметь, съежиться от страха, удушливый страх, «волосы зашевелились от страха», «дрожа от страха», и образы эти связаны с физиологическими процессами, которые происходят в организме человека, испытывающего страх. Сегодня нам многое известно о физиологии страха. Нам также известно, что появление страха сигнализирует о некоей угрозе, и его функция заключается в избегании этой угрозы, а также ситуаций, при которых она может возникнуть. Однако, хотя страх – явление общечеловеческое, мы все боимся разного и по-разному. Объединяет нас то, что боимся мы только тогда, когда существует угроза чему-то для нас *значимому*: здоровью, благополучию близких людей, карьере, потере материальных ценностей и др. С другой стороны, важно понимать, что люди боятся по-разному и самых разных вещей, поскольку то, что имеет значение для одного, другому может показаться пустяком. Кроме того, страх может предвосхищать угро-

зу. Пожилая женщина, убежденная в том, что все подростки – малолетние преступники, будет испытывать страх за собственную жизнь, увидев идущую навстречу компанию молодежи, хотя прямой угрозы для жизни в этой ситуации нет. Таким образом, даже появление, а также интенсивность «универсального» страха потерять жизнь может зависеть не от ситуации, в которой находится индивид, а от его *отношения* к этой ситуации. На то, каким будет это отношение, влияет множество факторов...

Во множестве факторов, воздействующих на человека, пытаются разобраться, в частности, культурологи, антропологи, социологи, физиологи и, конечно, представители различных направлений психологии, которая, как и многие другие науки, многим обязана философии – матери всех наук. Лишь чуть более ста пятидесяти лет назад психология начала обособливаться от философии, хотя, как пишет в своей книге «История психологии» профессор университета Осло Пер Саугстад, такие известные ученые, как Р.Б. Хегенхан, Зигмунд Кох и Томас Лихи, полагают, что «эмпирическая психология всегда была и остается до сих пор составной частью философии»*. Сам про-

* Пер. на русский Элеоноры Панкратовой. *Per Saugstad* «Psykologiens historie – en innføring i moderne psykologi», Gyldendal Norsk Forlag, 1996, 2001, 2003.

фессор Саутстад, как и большинство психологов, относит создание научной эмпирической психологии ко второй половине XIX века. С тех пор психология бурно развивалась, и результаты этого развития сегодня используются в социальных, естественных и технических отраслях знаний.

В «Философии страха» Ларс Свендсен также обращается к достижениям психологической науки, описывая различные подходы к объяснению механизмов возникновения страха у людей (Глава 2: *Что такое страх?*). Однако данная работа не сводится к анализу страха исключительно с точки зрения психологии, имеющей свою задачу, а именно, изучение закономерностей функционирования психики человека. В «Философии страха» вопрос ставится шире, а упоминаемые психологические теории и исследования являются не более чем звеном в цепи аргументов, с помощью которых автор строит свою концепцию. В психологии страх определяется как эмоция, тем не менее автор предпочитает использовать слово «чувство», подчеркивая комплексность рассматриваемого феномена и имея в виду аффективную сферу личности вообще. Кроме того, страх, ставший «обусловленной культурой призмой, сквозь которую мы видим мир», действительно является сложным образованием и не уместается в понятие «эмоция». Поэтому

му в русском переводе слово «чувство», используемое автором, сохранено везде, кроме главы 2, где рассматриваются психологические теории эмоций и употребление слова «чувство» привело бы к терминологической двусмысленности. В остальном же его употребление вполне согласуется с целью данной книги – объединив важнейшие результаты научного знания, применить интегративный подход в описании и объяснении феноменов, возникающих в обществе, обнаружить тенденции его дальнейшего развития и ответить на главный вопрос: как страх влияет на нашу жизнь? Ведь в современном мире представляет интерес только такое исследование, которое помогает сделать выводы, имеющие значение для настоящего и будущего.

Наргис Шинкаренко

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга есть результат дошедшего до предела раздражения, вызванного во мне неумеренным вторжением страха в нашу жизнь. Книги, написанные под влиянием раздражения, обычно отличаются полемичностью, и эта книга не исключение. Это вызов тенденции видеть всякое явление через призму страха. Парадоксом культуры страха является ее появление именно в то время, когда наша жизнь, судя по всему, стала безопаснее, чем была когда-либо в истории. Одним из важнейших моментов, заставляющих меня выступить против культуры страха, является уничтожение в таком обществе сво-

боды, поэтому можно сказать, что критика, изложенная в этой книге, основана на принципах либерализма.

Может показаться странным, что, написав книгу о нашей жизни в культуре скуки, я пишу книгу о нашей жизни в культуре страха. Оба диагноза нашего современного общества, т. е. страх и скука, на первый взгляд могут показаться противоречащими друг другу. Возможно, мою точку зрения отражает песня группы «*De Lillos*» «*Накрытый страхом с головой*» (1997):

Если тебе казалось, что жизнь
Так скучна, так тиха,
То теперь ты устыдишься,
Накрытый страхом с головой.

Если человек «накрыт страхом с головой», он не скучает. Однако всякая жизнь имеет обе эти стороны. В стихотворении «*Dockery and Son*» (1963) Филипп Ларкин, по-видимому, выражает мнение, что оба эти чувства составляют человеческую жизнь: «*Life is first boredom, then fear*»*.

Для всякого общества, и не в последнюю очередь для новейшего, характерно множе-

* См. перевод эпиграфов в конце книги после примечания.

ство противоречивых устремлений и явлений. Два феномена, такие, как скука и страх, не только находятся в противоречии друг с другом, но также могут порождать друг друга. Страх – это не только то, от чего мы страдаем против воли, но также и то, чему мы добровольно подвергаем себя, спасаясь от скучной повседневности. Тема этой книги во многом перекликается с темой, обсуждавшейся в *«Философии зла»*, где страх рассматривался как один из источников агрессии, направленной против других людей. Однако в *«Философии страха»* вопрос ставится шире, здесь я делаю попытку выявить сущность чувства страха, его роль в современной культуре и, не в последнюю очередь, показать, как оно используется в политике.

Книга состоит из семи глав. В главе 1 кратко описана «культура страха», т. е. причины того, что страх стал своего рода обусловленной культурой призмой, сквозь которую мы видим мир. Глава 2 – это попытка описать суть такого явления, как страх, используя категории нейробиологии, феноменологии и других отраслей знаний. В главе 3 я изучаю роль страха в «обществе риска» и демонстрирую среди

прочего, что наши попытки свести риск к минимуму, во многом иррациональны. Глава 4 повествует о том факте, что зачастую мы сознательно ищем острых ощущений – к примеру, занимаясь экстремальным спортом и в развлечениях, – что само по себе парадоксально, ведь обычно мы стараемся избегать того, что внушает страх. В главе 5 рассмотрен феномен доверия, который сходит на нет в культуре страха, что, в свою очередь, приводит к усилению подверженности устрашению. Падение доверия в целом разрушает социальные связи, однако страх может оказывать интегрирующее воздействие. Эта интегрирующая функция страха является ключевой предпосылкой многих политических философий, таких, как философия Макиавелли и Гоббса, и в главе 6 я обращаюсь к изучению страха как основы политической философии, а также к использованию страха в политических целях, что имело место в «войне против терроризма», ведущейся в последние годы. Наконец, в заключительной главе рассматриваются возможности выхода из состояния запуганности, изменения этого гнетущего климата, в котором мы сейчас живем.

Также косвенно будет затронута тема страха или боязни смерти вообще, поскольку это весьма масштабная тема – так как она требует основательной систематизации наших представлений о смерти, – она не может подробно обсуждаться в данном контексте. Понятие об экзистенциальной тревоге будет рассмотрено также сжато¹. Возникает справедливый вопрос: зачем писать «философию страха», если не страх, а, скорее, тревога традиционно является предметом философских рассуждений? Тогда как экзистенциальной тревоге приписываются серьезные метафизические импликации, страх представляется совершенно тривиальной величиной. Тревога «глубока», а страх «мелок». Как сказал Роланд Барт, страх – «чувство заурядное и недостойное»². Страх, однако, сегодня имеет бóльшие культурные и политические последствия, чем тревога. К тому же гораздо удобнее не таскать за собой «метафизическую поклажу», связанную с понятием «экзистенциальная тревога».

Выражаю благодарность Анне Гранберг, Хельге Йордхейм, Ингрид Санде Ларсен, Томасу Севениусу Нильсену, Эрику Торстенсену, Ингрид Угельвик и Кнуту Улаву Омосу за ряд конструктивных замечаний. Все

допущенные ошибки и недочеты, разумеется, лежат целиком и полностью на моей совести.

Ларс Свендсен
Осло, июнь 2007

КУЛЬТУРА
СТРАХА

*Quite an experience, to live in fear, isn't it?
That's what it is to be a slave.**

Репликант Рой Бати, Бегущий по лезвию (1982)

*Oh, Baby, here comes the fear again.
The end is near again**.*

Pulp: "The Fear", This is Hardcore (1998)

Прохождение через систему контроля в аэропорту стало настоящим испытанием. Неужели всего несколько лет назад можно было просто вынуть из карманов мелочь, ключи и пройти через детектор? Я много путешествую, бывает, что улетаю и возвращаюсь в тот же день, в этом случае мой багаж состоит только из пары книг и сумки с бумагами. Однако при мне всегда есть один предмет, который расценивается как источник опасности, – зажигалка. Поэтому каждый раз я должен вынимать ее из кармана, упаковывать в прозрачный пластиковый пакет, отдельно пропускать через просвечивание, и лишь затем я могу снова достать ее из

пакета и положить обратно в карман. Если речь идет о длительных поездках, в которые необходимо брать зубную пасту, дезодорант и шампунь, то все, что в широком смысле можно причислить к категории «жидкость», должно быть упаковано в прозрачный пластиковый пакет объемом не более литра, а отдельная емкость не должна превышать 100 граммов. Если у вас есть наполовину наполненный флакон шампуня емкостью 150 граммов, надо предъявить его службе безопасности. И разумеется, можно забыть о том, чтобы взять с собой бутылку воды или вина.

Эти новые правила были введены после того, как осенью 2006 года в Лондоне были раскрыты планы взрыва самолетов с использованием жидких взрывчатых веществ. Другими словами, правила, ежегодно ограничивающие свободу миллионов пассажиров, введены по причине террористической атаки, которая *не* была осуществлена. Тем не менее пассажиры без особых протестов принимают эти ограничения своей свободы. Страх перед терроризмом здесь является своего рода козырем, перед которым пасуют все остальные соображения.

Это всего лишь один пример того, как страх влияет на наше поведение и поступки. Похоже, он проник всюду, в том смысле, что на сегодняшний день едва ли существует какая-либо

область общественной жизни, где не принимаются в расчет соображения безопасности. Чувство страха управляет общественным сознанием, и многие социологи считают, что современному обществу лучше всего подходит определение «культура страха»³. Страх превратился в обусловленную культурой призму, сквозь которую мы смотрим на мир.

В «*Tractatus logico-philosophicus*» (1921) Людвиг Витгенштейн пишет: «Мир счастливого, не таков, как мир несчастного»⁴. Несколько перефразировав формулировку Витгенштейна, можно сказать: мир уверенного не таков, как мир запуганного. Жан-Поль Сартр подчеркивает: ощущение полностью меняет мир⁵. Уверенный живет в надежном мире – слово «надежный», по-норвежски «trygg», образовано от древненорвежского «tryggr», что означает «верный, надежный, беззаботный», – в то время как неуверенный живет в мире, который в любой момент может обратиться против, а почва может в любой момент уйти из-под ног. Можно сказать, жить стало страшно. Опасность подстерегает повсюду: на темных улицах и за входной дверью, с чужими и с близкими людьми, таится как в природе, так и в технологиях, внутри организма и во внешних воздействиях. Кажется, что больше не осталось ничего по-настоящему надежного.

Мы боимся столкнуться с внешними силами, которые идут вразрез с нашими устремлениями. Мы боимся потерять то, что для нас важно – свободу, достоинство, здоровье, социальное положение – или в конечном счете потерять жизнь. Мы боимся не только за себя, но и за тех, кто нам дорог. Если что-нибудь из вышеназванного находится под угрозой, то страх является нормальной реакцией. Мы должны защищать себя от такого рода угроз. Ведь человеческая жизнь *уязвима*. Как пишет Монтень, «человек уязвим и поэтому больше склонен бояться и избегать, чем к чему-либо стремиться»⁶. Таким образом, в страхе проявляется нечто основополагающее, и едва ли случайно, что именно чувство страха первым упоминается в *Библии*: когда Адам вкусил от дерева познания и увидел свою наготу, он испугался прежде, чем устыдился⁷. Мы приходим в мир голые и безоружные, и пребываем в этом – относительно большинства животных – беззащитном с точки зрения телесной организации состоянии всю оставшуюся жизнь. Кроме того, наш мир по многим причинам устроен так, что разрушение и страдание воплощаются проще, чем противоположное.

Тем не менее, оптимальность такого отношения к человеческой жизни далеко не бесспорна. Осмелюсь утверждать, что воображаемый риск или одержимость мыслью о возможном риске

является бóльшей опасностью, нежели все существующие риски⁸. Суть моей точки зрения заключается не в том, что мы живем в безопасном мире. Например, совершенно очевидно, что глобальное потепление может иметь весьма драматичные последствия для жизни на нашей планете. В большинстве крупных городов необходимо избегать определенных мест в темное время суток, так как велика опасность подвергнуться нападению. Надо смотреть по сторонам, прежде чем переходить на другую сторону улицы. Существует множество явлений, которых нам следует опасаться. Проблема заключается в том, что мы в столь значительной степени склонны воспринимать *все*, руководствуясь страхом.

Если мы проанализируем a-tekst – электронную базу данных газет, то обнаружим серьезное увеличение количества упоминаний слова «страх» за десять лет – от 3331 в 1996 году до 5883 в 2006-м⁹. Очевидным объяснением этой тенденции на первый взгляд кажется террористическая атака 11 сентября, однако любопытно, что увеличение началось задолго до этого нападения. Таким образом, мы можем утверждать, что террористическая атака не только спровоцировала рост уровня запуганности-запугивания, но также и вписалась в уже существующую модель, а количество упоминаний продолжает расти вплоть до се-

годняшнего дня. Мы видим подобную тенденцию и в отношении близких по смыслу слов, таких, как, например, «риск», упоминание которого возросло от 2060 в 1996 году до 4731 в 2006-м, т. е. за десять лет более чем в два раза. Эти числа говорят о том, что СМИ постоянно напоминают нам о том, насколько «опасен» мир, – и, кроме того, о том, как мы его боимся. Это ни в коей мере не является чисто норвежским феноменом. Британские газеты позволяют построить еще более выразительную кривую роста, от 2037 упоминаний «опасно» (*at risk*) в 1994 году до 18 003 в 2000-м¹⁰.

Похожая картина появляется во многих других исследованиях. К примеру, в 2005 году Норстат проводил для компании «Siemens» – производителя и поставщика охранного оборудования – исследование: 1000 норвежцев опрашивали, чтобы выяснить, возрос ли у людей за последние годы страх попасть в разного рода неприятности. Результаты были таковы: 51 % опрошенных говорили о том, что стали больше бояться разбойного нападения, 47 % – попасть в автомобильную аварию, 36 % – стать жертвой террористического акта, 26 % стали больше опасаться пожара и 19 % – стихийных бедствий¹¹. Стоит отметить, что бóльший, по сравнению с мужчинами, рост тревожности наблюдался у женщин.

Мы считаем, что земля, воздух и вода загрязняются все сильнее, что преступность неуклонно растет, что еда по большей части состоит из вредных для здоровья добавок и инсектицидов и т. д. Мы убеждены, что всевозможные опасности подстерегают нас на каждом шагу, они становятся все многочисленней и ужасней. В одном из исследований людей просили оценить степень риска 90 потенциальных источников опасности, от занятия бегом и использования косметики до терроризма и вакцин, и только 25 источников стали казаться менее опасными, в то время как в 62 случаях оценка опасности возросла, причем в 13 из них – в значительной степени¹². Практически любой аналитик, занимающийся факторами риска, подтвердит, что потенциальная опасность большинства предложенных в исследовании предметов, явлений и ситуаций, напротив, существенно уменьшилась. Результаты исследования тем не менее не лгут – вопреки всему большинство людей склонны считать, что сегодня мы подвергаемся большей опасности, чем раньше, а в будущем станет только хуже¹³.

Страх заразителен. Стоит кому-то испугаться чего-либо, как сразу беспокойство распространяется вокруг на других, и те, в свою очередь, передают страх дальше. Это происходит даже в том

случае, когда страх изначально не имеет рационального обоснования¹⁴. Тот факт, что многие испытывают страх в отношении некоего явления, не является гарантией того, что это явление действительно представляет опасность.

Запуганное сознание даже вошло в моду, недаром появляются такие обороты, как «*Paranoid Chic*»¹⁵. Пуленепробиваемая одежда, сшитая по последнему слову моды, тоже, вероятно, имеет все шансы на успех¹⁶. В музее современного искусства в Нью-Йорке зимой 2005/06 года проходила выставка «*Safe: Design Takes on Risk*», где все возможные объекты, которые, тем или иным образом защищают нас, были преподнесены как произведения искусства дизайна. В каталоге выставки это формулируется так: «Сегодня простая потребность в защите преобразовалась в сложный мир, который мы именуем модой»¹⁷. Куратор выставки, определяя страх как источник творческого вдохновения, пишет: «Индустрия безопасности находится в непрерывном развитии, особенно это касается повседневной жизни, ведь – поскольку случиться может все что угодно – творческие и коммерческие возможности, которые открывает дизайн, безграничны»¹⁸. Мораль выставки такова: «Отличный дизайн в сочетании с чуткими инстинктами – вот наша самая лучшая гарантия достижения безопасного, более сносного мира»¹⁹. Страх

повлиял и на архитектуру, ведь одной из важнейших функций возводящихся зданий стала защита людей от угрозы «извне»²⁰.

Кажется, мы одержимы всеми мыслимыми опасностями. Мы не просто испытываем страх; опасность также может служить неплохим развлечением. Как, например, сериал «*So you think you're safe*», британского телевидения. Это сериал об опасностях, таящихся в повседневной жизни, и обо всех тех несчастьях, которые могут постигнуть современного человека в течение самого обычного дня. Это идеальная передача для продвинутого параноика. Для параноика, не чуждого самоиронии, рекомендуется книга «*I'm afraid, you're afraid*: 448 things to fear and why (2000)», представляющая собой своего рода мини-энциклопедию опасностей повседневности²¹. В последние годы вышло множество книг, повествующих о том, что глобальная катастрофа уже стоит у дверей. Среди наиболее популярных можно выделить «*Collapse: how societies choose to fail or succeed*» (2004) Джаред Даймонда, «*The long emergency: surviving the end of oil, climate change, and other converging catastrophes of the twenty-first century*» (2005) Джеймса Говарда Канслера и «*The winds of change: climate, weather, and the destruction of civilizations*» (2006) Юджина Линдена²². Кроме того, существуют пособия, обу-

чающие действиям, необходимым в условиях разразившейся катастрофы, – «*When technology fails: a manual for self-reliance and planetary survival*» (2000) Мэтью Стайна и «*Crisis preparedness handbook: a complete guide to home storage and physical survival*» (2002) Джека А. Спигарелли²³. Такие книги наталкивают на мысль о том, что апокалипсис не за горами.

Страх также является немаловажным инструментом, используемым властью, политическими партиями и различными союзами и объединениями. Если старая идеология потеряла свою прежнюю силу, страх становится одним из самых эффективных средств воздействия в политических дискуссиях. Страх готовит сознание к восприятию определенной информации, его можно использовать против оппонентов, утверждая опасность их намерений. Тогда дебаты зачастую превращаются в обсуждение того, какой опасностью надо озаботиться в первую очередь.

Такие политические деятели существуют в идеальном симбиозе со средствами массовой информацией, которые, вне всякого сомнения, используют запугивание, чтобы продать газету или привлечь зрителей к экрану телевизора, – именно поэтому новости часто напоминают конкурс страшных историй. Индустрия

развлечений тоже включилась в эту кампанию. Фильмы-катастрофы снова популярны. Фильм «Послезавтра» (2004) был с одобрением встречен экологами-активистами, ведь он содержал «правильный» посыл, и это несмотря на то, что с научной точки зрения в фильме было допущено максимальное количество ошибок в том, что касается глобального потепления, за исключением совершенно очевидного факта, что существует серьезная экологическая проблема.

В книге о природных катаклизмах «*Enden er nær*» (Конец близок) (2006) геолог Хенрик Свенсен пишет:

Если мы заглянем в будущее, то поймем, что стихийных бедствий станет только больше. Изменения климата, спровоцированные человеком, и глобальное потепление приведут к более сильным погодным колебаниям. Ураганы могут стать более свирепыми, оползни – более частыми, наводнения – более разрушительными и периоды засухи – более длительными²⁴.

В приведенном отрывке утверждается то, что природные катаклизмы *могут стать* хуже, и то, что они *станут* хуже, однако между этими высказываниями целая пропасть, ведь одно из них предполагает гипотетическую возможность реализа-

ции чего-либо, а другое выражает уверенность в реализации чего-либо. Возможность переходит в реальность, и до тех пор, пока находишься в сфере возможности, все катастрофы находятся в пределах досягаемости.

Сейчас многие факты говорят о том, что мы действительно должны беспокоиться по поводу изменения климата, однако этого не скажешь о бесконечном множестве угроз, которые ежедневно предлагаются нам в новостях. Опасным можно изобразить все что угодно, достаточно предоставлять соответствующую однобокую информацию²⁵. СМИ по большей части не проверяют информацию, идущую от идеалистических организаций, даже несмотря на то, что те, вне всякого сомнения, занимаются саморекламой и зачастую их информация далека от объективности²⁶. Разумеется, не каждого человека просто так, без всякой причины, напугают страсти, которые пропагандируются различными объединениями и союзами, однако многие люди безоговорочно принимают утверждения, нуждающиеся в более серьезном обосновании.

Наиболее характерно представление *потенциальных* рисков как *актуальных* угроз. Жизнь полна потенциальных рисков. Кто-то может толкнуть вас под трамвай, вам на голову может упасть метеорит, террорист может захва-

титель самолет, на котором вы летите, однако руководствоваться этими соображениями в повседневной жизни – едва ли хорошая идея. Большинство потенциальных рисков никогда не станут актуальными.

Во все времена люди чего-то боялись, но объект страха постоянно меняется. Сегодня в той части света, где мы живем, не многие страшатся вечной гибели, однако все больше тех, кто боится рака, терроризма и экологической катастрофы. Новое британское исследование показало, что 50 % 11-летних британцев зачастую по ночам лишаются сна, поскольку испытывают беспокойство из-за изменений климата²⁷. Когда я был маленьким, ядерная угроза была главным источником страха апокалипсиса. Я отношусь к последнему – по крайней мере, последнему на сегодняшний день – поколению, которое выросло, безоговорочно веря в то, что существует реальная опасность надвигающейся ядерной войны, в результате которой человечество может погибнуть. Выражение «ядерная зима» было составляющей нашего представления о будущем мира. В 1983 году более половины всех британских подростков были уверены, что увидят начало ядерной войны²⁸. Угроза применения ядерного оружия остается, в известной степени, частью сегодняшнего понятия о глобальной угрозе, однако

в сознании большинства людей она уже не является тотальной, пусть даже некоторые весьма обеспокоены возможностью использования ядерного оружия террористами²⁹. Скорее, ядерное оружие стало единицей более широкого арсенала, представляющего собой не только ракеты дальнего действия, но и компактные бомбы, уместяющиеся в кофре. Страшно представить, что маленький пластиковый пакет может разорваться и выпустить сарин в вагоне метро³⁰ или что бактерии сибирской язвы могут быть отправлены в обычном конверте. Вопрос в том, какую роль мы позволим этому страху играть в нашей жизни.

«Террорист» – это на сегодняшний день, вероятно, самый устрашающий образ. Терроризм, разумеется, не является неким принципиально новым явлением, однако он как нельзя лучше подстроился под глобализирующийся мир, в котором ничего не стоит вызвать страх. В глобализирующемся мире терроризм может нанести удар где угодно, поэтому сложно вообще определить какое-либо место как безопасное. Кажется, всякое место на планете, даже такое отдаленное, как Норвегия, не защищено от этой угрозы. Опрос, проведенный весной 2006 года после разразившегося скандала, связанного с карикатурами на пророка Мухаммеда, выявил, что 17 % опрошен-

ных норвежцев в возрасте от 18 до 74 лет боялись стать жертвой атаки террористов. Это число соответствует приблизительно половине миллиона норвежцев, этот результат удвоился по сравнению с предыдущим годом³¹. Тем не менее вероятность быть убитым при террористической атаке остается ничтожно малой, к этому я еще вернусь в главе 6.

Если рассматривать ситуацию на планете в целом, то в последнее время заметны некоторые улучшения с той точки зрения, что количество гражданских войн, случаев геноцида и нарушений прав человека стало меньше³². Всякая статистика подтверждает, что в особенности западное общество, в котором мы живем, является самым надежным из когда-либо существовавших: здесь кроется меньше опасностей и наши возможности с ними справиться значительно шире, чем когда-либо. В действительности надо жить в практически тепличных условиях, чтобы испытывать страх в отношении всяческих потенциальных опасностей, которые могут обрушиться на голову. Все начинается с того, что мы пугаемся раз затем другой, но при достаточном количестве повторов и растущем распространении на различные явления, страх постепенно может стать основой жизненной позиции. В культуре, для которой характерна социальная дезин-

теграция, страх присущ всем, он является общей для всех исходной точкой в отношении к жизни. Страх стал основной чертой нашей культуры в целом. Как пишет британский социолог Франк Фуреди: «В западном обществе влияние культуры страха становится все сильнее. Отличительной чертой этой культуры является убежденность в том, что людям противостоят могущественные, разрушительные силы, несущие в себе угрозу нашей повседневной жизни»³³. «Конец близок», это систематически утверждается, идет ли речь о неуправляемой генной инженерии или же о птичьим гриппе. Кроме того, преувеличивается важность всевозможных других, не столь значимых опасностей, которые, по сути, касаются абсолютно всех аспектов жизни человека.

Страх, без сомнения, является одним из важнейших инструментов продаж на рынке массмедиа, и его коммерческая ценность растет день ото дня³⁴. СМИ стараются запугать нас так, чтобы градус страха был неадекватно высок по отношению к его реальному источнику. Они забрасывают нас сообщениями о смертоносных вирусах, террористах, учителях-педофилах, зверствующим подросткам, экологических катастрофах и ядовитой еде. Значение СМИ так велико, что едва ли можно считать опасность или катастрофу «реальными», пока они не были освеще-

ны в СМИ. Влияние телевизионных программ действительно носит запугивающий характер. Люди, которые проводят много времени перед телевизором, больше, чем другие, склонны считать свой район небезопасным, верят в то, что преступность неуклонно растет, а сами они находятся в опасности³⁵.

Политика СМИ является одной из важнейших причин расцвета культуры страха, однако в то же время очевидно, что такая культура не могла бы развиваться, не будь мы восприимчивы к этой политике. Люди по природе своей весьма уязвимые создания. Мы приходим в мир, который не можем держать под контролем, словно обреченные на пожизненное экзистенциальное неведение. Тем не менее наш страх все меньше и меньше основывается на личном опыте. Много ли среди нас тех, кто подвергся атаке террористов, уличному насилию, серьезно заболел, употребив в пищу продукты, содержащие добавки, или подхватив новый вирус? Ответ таков: это касается меньшинства. Большинство из нас доживают до 70–80 лет и умирают от старости, не испытав на себе ничего из вышеперечисленного. Наша жизнь достаточно безопасна для того, чтобы мы получили возможность обратить свое внимание на целый ряд потенциальных угроз, которые, судя по всему, не станут реальностью, пока мы живы.

Наш страх – это побочный эффект благополучия. Однако это, разумеется, не делает его менее реальным.

ЧТО ТАКОЕ
СТРАХ?

Dolendi modus, timendi non item.
(страдание имеет предел, страх безграничен)
Фрэнсис Бэкон. «О смутах и мятежах»,
Эссе (1625)

Причина эволюционирования страха совершенно очевидна: существо, не наделенное способностью бояться, просто-напросто имеет меньше шансов на выживание и размножение по сравнению с существом, которое этой способностью обладает. Ясно, что страх часто помогает нам. Он приводит нас в состояние готовности и, таким образом, выручает нас в случае возникновения опасности или же вообще предотвращает нежелательную ситуацию. Страх защищает нас не только от хищников и других опасностей, таящихся в природе, но также и от тех опасностей, которым мы могли бы подвергнуться по своей вине, например не глядя ринуться через улицу, по которой несут-

ся машины. Страх помогает нам выжить. Однако страх также может быть дисфункциональным. Он становится таковым, когда существует несоответствие между силой страха и объектом, его вызвавшим, или когда страх заставляет нас «терять голову». Прежде чем углубляться в вопрос о том, как нам следует относиться к собственным страхам, мы должны в первую очередь разобраться в том, что же такое страх. Я рассмотрю различные аспекты страха, от нейрофизиологии до феноменологии, и остановлюсь на позиции, согласно которой страх во многом может быть определен как *привычка*, обусловленная культурой.

Чтобы ответить на вопрос «Что такое страх?», мы, вероятно должны сначала ответить на вопрос, что такое чувство вообще. Это не так-то просто. Слово «чувство» может употребляться для обозначения множества самых разных явлений – начиная от боли, голода и жажды и заканчивая гордыней, завистью и любовью, т. е. от чистой физиологии до сложных переживаний. Мы видим, что первые из названных величин являются в большей степени «физическими», в то время как последние являются в большей степени «ментальными» величинами. В английском языке различают «feelings» и «emotions», где первое является обозначением более «физических» чувств, а «emotions» – чувств, в большей степени менталь-

ных. Конечно, необходимо отметить, что довольно долго и жарко ведутся дискуссии как раз по поводу того, какие именно критерии различия следует устанавливать между «feelings» и «emotions», а также какие состояния следует относить в ту или другую категорию. Некоторые различают эти категории «чувств» и «эмоций» и в норвежском языке. Что касается меня, то я предпочитаю избегать употребления норвежского слова «эмоция» и поэтому буду придерживаться выражения «чувства»*.

В этой главе я не стану много писать о чувствах в целом, а перейду непосредственно к страху, но тем не менее некоторые основные моменты и теории должны быть рассмотрены³⁶. Социальный антрополог Пол Экман приводит доводы в пользу того, что существуют некие базальные эмоции, т. е. эмоции, общие для людей из разных культур, эти эмоции не приобретенные, а врожденные³⁷. Похожую мысль можно встретить уже у Декарта. Сегодня многие разделяют эту позицию, однако в вопросе о том, сколько таких эмоций и какие именно, единого мнения нет. В большинстве случаев речь обычно идет о гневе, страхе, радости, отвращении и удивлении, однако полное согласие в том, что следует внести в этот список, не достигнуто. Поразительно, что в более

*См. предисловие переводчика стр. 11–12.

чем 14 списках «базальных эмоций» нет ни одной эмоции, которая была бы включена во все списки³⁸. Даже если мы предположим, что существует некий набор базальных эмоций, то это совсем не обязательно поможет нам лучше понять эти эмоции, поскольку в различных культурах они могут проявляться по-разному³⁹. Традиции, присущие культуре, во многом определяют способ и силу проявления чувств и эмоций.

Чувства и эмоции часто понимаются как целиком и полностью внутренние состояния, доступные лишь испытывающему их субъекту только посредством своего рода интроспекции. Однако они суть не только скрытые, чисто психические величины, но являются также поведением, поступками и проявлениями, которые можно наблюдать со стороны. Они существуют в лицах и жестах, а не прячутся за ними. Чувства и эмоции – это способ бытия в этом мире, способ его охватить и действовать в нем. Исходя из того, что чувства и эмоции не могут быть отделены от своего проявления, а проявления чувств и эмоций фактически несколько варьируют от культуры к культуре, мы можем заключить, что также и сами чувства и эмоции зависят от культуры.

Феноменолог Морис Мерло-Понти утверждает, что между эмоцией и ее телесным проявлением существует тесная связь. Он подчеркивает, что

эмоция не стоит за жестом и не сопровождает его, она включена в жест или является жестом:

Возьмем жест гнева или угрозы: чтобы его понять, мне не нужно вспоминать чувства, которые я испытывал, когда сам жестикулировал так же. [...] с другой стороны, я не воспринимаю гнев или угрозу как психический факт, скрытый за жестом, я читаю в нем гнев, жест не приводит меня к мысли о гневе, он сам есть гнев⁴⁰.

Разумеется, это не значит, что мы не можем скрыть эмоцию или что скрытая эмоция не «настоящая», однако скрытая эмоция обуславливает явную. Мерло-Понти считает, что эмоции, их проявления и соотношения между ними являются гибкими. Он утверждает, что проявления различных эмоций варьируют от культуры к культуре:

Однако мимика любви и гнева у японца и западного человека различна. Точнее, различие мимики скрывает различие самих эмоций. Случайным по отношению к телесной организации является не только жест, но и сам способ принятия ситуации и жизни в ней⁴¹.

По мнению Мерло-Понти, невозможно разделить «естественную» и «традиционную» составляющие в эмоции и в ее выражении человеком – естественное и традиционное неразрывно соединены одно в другом. Сейчас есть основания полагать, что Мерло-Понти несколько преувеличивает значение

произвольности в эмоциях и их проявлении, однако, его точка зрения отражает суть.

Многие эмоции имеют похожее физиологическое проявление. В одном из исследований, испытуемым показывали ряд фотографий и просили определить, какие эмоции испытывают изображенные на них люди. Большинство испытуемых определяли радостное, грустное и гневное выражение лица, однако очень немногие смогли распознать в лице испуг, который часто принимался за гнев, подозрительность или удивление⁴². Субъективные переживания этих эмоций, как правило, довольно однозначны, хотя стоит признать, что гнев, например, зачастую имеет примесь страха.

Невероятно сложно четко разграничить биологические, психологические и социальные аспекты чувств и эмоций. Хотя эмоции, несомненно, имеют биологическую основу, очевидно, что влияние на их формирование оказывают и личный опыт, и социальные нормы. Всякая эмоция имеет историю или, точнее, несколько историй. Они имеют историю в эволюции, социальную и личную историю, и нам следует учесть каждую из них, если мы хотим понять эмоции. Чувства и эмоции являются не просто «естественным» и непосредственным переживанием, они также воспитываются социумом⁴³. Уместность появления и де-

монстрации той или иной эмоции и чувства определяется нормами, которые варьируют от культуры к культуре, а также обуславливаются социальным статусом. Если провести параллель со способностью к изучению языков, которая также является общечеловеческой и имеет биологическую основу, то мы тем не менее увидим, что семантические ресурсы варьируют от культуры к культуре и от индивида к индивиду. По всей видимости, то же самое можно сказать о чувствах и эмоциях. Чего и как сильно мы боимся, зависит от нашего отношения к жизни, от опасностей, которые нам угрожают, и от того, какими возможностями защиты от них мы располагаем. Наши знания об эмоциях и чувствах и наш опыт переживания являются зависимыми от социального контекста, в котором мы находимся.

Чтобы понять, что такое эмоция, можно отталкиваться от ее биохимического аспекта. Однако отличить страх от многих других эмоций, опираясь на биохимический анализ, довольно сложно, например, страх и гнев имеют очень схожий биохимический состав⁴⁴. Как мы увидим далее, не существует определенного физического состояния, которое являлось бы необходимым или достаточным условием для появления определенного эмоционального состояния, другими словами, два человека могут иметь одинаковые

физиологические показатели, но эмоциональное состояние одного из них будет отличаться от эмоционального состояния другого, или же два человека могут иметь одинаковое эмоциональное состояние, но их физиологические показатели будут отличаться. Кроме того, различные варианты одной и той же основополагающей эмоции могут вызывать у одного и того же человека различные физические корреляции. Выявление страха на основании биохимического анализа осложняется тем, что различные виды страха имеют разные биохимические корреляции, т. е. человек, который боится подвергнуться насилию, как правило, имеет высокий уровень адреналина в крови, в то время как у человека, который боится заболеть, уровень адреналина, как правило, не повышается.

Некоторые реакции организма часто связываются с эмоцией страха, когда дыхание и сердцебиение учащаются или когда они, кажется, почти полностью остановились, когда человек начинает дрожать или когда все движения «сковываются». Физиологический механизм крыс и людей в этом случае работает практически одинаково: *amygdala* (отдел мозга, отвечающий за эмоциональные реакции) активизируется и начинает посылать сигналы в гипоталамус и гипофиз, которые дают команду надпочечной железе, и она начинает выброс гормонов стресса. Как и другие животные, мы

реагируем на опасность интенсивной выработкой таких веществ, как адреналин и кортизол, нервные импульсы передаются быстрее и зрачки расширяются. Amygdala посылает сигналы с такой скоростью, что мы беспомощны и не успеваем оказать какого-либо рационального сопротивления.

Человеческий разум едва ли способен противостоять атаке страха. Монтень подчеркивает, что это касается даже того, кто лучше других слышит голос разума, а именно философа:

Человек не может не начать моргать глазами, когда ему грозит удар. Он не может не задрожать всем телом, как ребенок, оказавшись на краю пропасти. Природе угодно было сохранить за собой эти незначительные признаки своей власти, которую не может превозмочь ни наш разум, ни стоическая добродетель, чтобы напомнить человеку, что он смертен и хрупок⁴⁵.

Дэвид Юм подчеркивает, что даже ничтожно малая угроза, реальность которой едва ли можно вообразить, может вызывать страх⁴⁶. И это еще не все, продолжает он: нас может охватить страх перед тем, что, как нам известно, не может случиться, так бывает, когда стоишь на краю пропасти, хотя знаешь, что находишься в полной безопасности.

Нельзя просто одним волевым усилием избавиться от страха, однако страх можно подавить

химическим способом, принимая лекарства, или со временем привыкнув к объекту, его вызвавшему. Стопроцентное исцеление от страха гарантируется, если вывести из игры amygdala, ведь известно, что люди с повреждениями amygdala не могут чувствовать страх, даже в ситуации, когда их жизни угрожает опасность⁴⁷. Кроме того, они не могут распознать страх на лицах других людей⁴⁸. Тем же, у кого amygdala функционирует нормально, очень тяжело бороться с накатившим страхом. Нельзя просто решить не бояться и перестать бояться, здравый смысл в такой ситуации «нокаутирован» amygdala, но, как было отмечено выше, можно со временем научиться реагировать иначе.

Американский нейрофизиолог Джозеф Ле Ду считает доказанным, что в головном мозге находятся две четко определенные цепи нейронов, контролирующие эмоцию страха⁴⁹. Одна из них реагирует незамедлительно, но имеет, однако, тенденцию к сверхчувствительности и часто поднимает «ложную тревогу». Вторая более медлительна, но обрабатывает большее количество информации и может остановить первый приступ страха, если таковой окажется безосновательным. Тем не менее следует отметить, что и действие этой второй цепи есть не что иное, как физиологический процесс, – речь не идет о том, что субъ-

ект сознательно останавливает приступ страха. Если человек однажды был сильно напуган неким событием или объектом, то этим в дальнейшем его будет напугать еще проще. Постоянно повторяющееся переживание страха, кажется, способствует тому, что органы, участвующие в этом процессе, фактически развиваются, как будто происходит совершенствование способности организма чувствовать страх⁵⁰. В конце концов это может загнать организм в хроническое состояние страха или тревоги.

Подход Ле Ду и другие подобные позиции страдают одним существенным изъяном, они не принимают во внимание культурный аспект наших переживаний. Ле Ду, по сути, не очень интересны эмоции вне их чисто физиологического проявления, поскольку процессы, происходящие в головном мозге, и реакции организма считаются основополагающими, а осознаваемые эмоции являются не более чем следствием⁵¹. Это, однако, равнозначно тому, чтобы отвергать все, что отличает человеческие переживания от ощущений других животных. Мы можем поддержать философа Майкла Мейера в его утверждении, что эмоции – это «единственная в своем роде, но непостижимая точка, где люди сходятся с животными, а человеческая природа с природой»⁵². Исследование исключительно «животного» аспек-

та человеческих переживаний, которое мы видим, в частности, в подходе Ле Ду, не является удовлетворительной разгадкой этой непостижимой тайны. Страх у человека и у животного – тема, вызывающая много споров. К примеру, страх у крыс не является некоей когнитивной величиной (т. е. его возникновение совершенно не связано с рациональными суждениями, поскольку у крыс нет способности к таковым), однако страх человека связан с познанием, но тем не менее мы, как это ни парадоксально, подразумеваем одну и ту же эмоцию как у крыс, так и у людей⁵³. Я не претендую на решение этой парадоксальной задачи в данной работе.

С биологической точки зрения мы, как было сказано выше, во многом оснащены тем же самым механизмом страха, что и другие животные, однако наши когнитивные способности, речь и способность к отвлеченному мышлению дают нам совсем другой диапазон звучания. Заяц не боится хищника, который находится на другом континенте, и не беспокоится по поводу того, что в его еде остались инсектициды. Заяц боится того, что находится в непосредственной близости, здесь и сейчас. Главное отличие человеческого страха от страха животного прежде всего заключается не в физиологии, а в причине, способной его вызвать. Аристотель писал: «Мы боимся, понимает-

ся, чего-то ужасного, и это, вообще говоря, является злом. Именно поэтому страх определяют как ожидание зла. Таким образом, мы страшимся всяких зол, например беславия, бедности, неприязни, смерти»⁵⁴. Все, о чем пишет Аристотель, едва ли напугает кого-нибудь, кроме человека. Значит, человеческий страх коренным образом отличается от страха животного. Мартин Хайдеггер развивает эту мысль дальше и пишет, что «лишь сущее, для которого дело в его бытии идет о нем самом, способно страшиться»⁵⁵. Под этим он подразумевает, что лишь такие создания, которые способны оценивать свое существование, способны испытывать страх, из чего следует, что страх присутствует только в жизни человека. Безусловно, это сильно сказано, поскольку между тем, что мы называем страхом человека, и подобным состоянием животного существует прочная преемственность.

Аристотель определял человека как *zoon logon eschon*. Это часто переводят как «рациональное животное», однако дословно это можно перевести как «сущее, обладающее речью». Человек использует речь, символы, чего животное делать не может. Человек, в отличие от более примитивных животных, обладает способностью создавать символы, понятия и общаться с их помощью. Способность создавать понятия дает нам некоторую независи-

мость от мира, ведь мы можем заменить предмет его символом. Философ Эрнст Кассирер пишет:

Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия – части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, запутанная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней, так сказать, лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая деятельность человека. Вместо того чтобы обратиться к самим вещам, человек постоянно обращен на самого себя. Он настолько погружен в лингвистические формы, художественные образы, мифические символы или религиозные ритуалы, что не может ничего видеть и знать без вмешательства этого искусственного посредника. Так обстоит дело не только в теоретической, но и в практической сфере. Даже здесь человек не может жить в мире строгих фактов или сообразно со своими непосредственными желаниями и потребностями. Он живет, скорее, среди воображаемых эмоций, в надеждах и страхах, среди иллюзий и их утрат, среди собственных фантазий и грез. «То,

что мешает человеку и тревожит его, – говорил Эпиктет, – это не вещи, а его мнения и фантазии о вещах»⁵⁶.

Мы, люди, можем бояться чего угодно. Наш страх имеет гораздо больший потенциальный размах, чем у любого другого животного, именно потому, что мы – *animal symbolicum*. Как только мы слышим об опасности, какой бы далекой она ни была, мы часто видим в ней угрозу самим себе. Не в последнюю очередь мы придумываем множество мнимых опасностей, и в этом одна из важнейших причин того, что люди совершают преступления и причиняют друг другу зло. Как пишет Эрнест Беккер:

Люди – несчастные создания, поскольку они осознали смерть. Они могут увидеть зло в том, что их ранит, что вызывает болезнь, или даже в том, что лишает удовольствия. Осознание несет за собой также озабоченность, связанную со злом, даже в случае отсутствия непосредственной опасности; их жизнь превращается в размышление о зле, планомерную деятельность по контролю над ним и его предотвращению. Результатом является одна из величайших трагедий человеческого бытия, то, что можно назвать потребностью к «фетишизации зла», к локализации угрозы жизни в особые зоны, где ее можно ослабить и держать под контролем. Трагедия в том,

*что очень часто все зависит просто от случая: люди воображают, что зло есть там, где его нет, видят его во всем и уничтожают себя и других, сея вокруг бессмысленные разрушения*⁵⁷.

Страх, безусловно, может стать причиной агрессии. Этим Фукидид объясняет причину Пелопоннесской войны: спартанцы боялись того, что афиняне становятся все более могущественными и поэтому представляют все бóльшую угрозу⁵⁸.

Эмоции тесно связаны с особыми поведенческими реакциями, и можно привести доводы, в пользу того, что они выработались в процессе эволюции потому, что были полезны⁵⁹. Реакцией на страх обычно является бегство или нападение. Но не всегда. Некоторые чувства и эмоции таковы, что важно именно *не* демонстрировать их. Название одной из песен Моррисси – «We hate it when our friends become successful»*, и это зачастую соответствует действительности. Завистливость, не в последнюю очередь зависть к другу, является одной из самых неприглядных человеческих черт, и поэтому было бы разумно прятать ее как можно глубже. Как замечает Франсуа Ларошфуко, «люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться»⁶⁰. Все мы, вероятно, были когда-либо страстно влюблены, но не выдавали своих чувств ни взглядом, ни жестом,

поскольку слишком многое было поставлено на карту. А как быть, если окажешься в опасной ситуации, такой, что от страха живот сводит, но в то же время понимаешь, что просто нельзя позволить себе показывать страх, поскольку ситуация от этого только ухудшится. Было бы нелепо утверждать, что человек в таких случаях не испытывает определенной эмоции просто потому, что он не выражает ее определенным действием. Эмоции *мотивируют* к действию, но не определяют его.

Страх часто мотивирует бегство, но порой он пронизывает насквозь, что может в полном смысле слова парализовать человека. Лукреций описывает этот феномен в «*О природе вещей*» в книге 3:

Если же дух потрясен сильнейшей тревогой,
мы видим,
Что и душа целиком то же самое чувствует
в теле:
Пот выступает на нём, бледнеет вся кожа,
немее
Оцепенелый язык, заплетается речь, застилает
Мраком глаза, звон в ушах, подкосились ко-
лени, и видно
Часто нам, как человек от ужаса падает
наземь⁶¹.

Тот, кто боится, как правило, пытается уйти от того или избежать того, что, по его мнению, представляет угрозу для жизни, здоровья или интересов. Типичной поведенческой реак-

цией страха, следовательно, является бегство, попытка оказаться как можно дальше от источника страха, на безопасном расстоянии, вне досягаемости. Бегство не следует понимать буквально, в пространственном значении, т. е. совсем не обязательно речь идет о том, чтобы бежать прочь, также можно создавать барьер между собой и источником опасности, например защищаться руками или прятаться за дверью. Главное в том, что человек так или иначе пытается принять такое положение, при котором ему нельзя причинить вред.

Обычно мы понимаем это так: тело определенным образом реагирует на испытанную эмоцию. Теория, переворачивающая такое понимание, называется теорией Джеймса–Ланге, по имени философа Уильяма Джеймса и физиолога и психолога Карла Георга Ланге. Между теорией Джеймса и теорией Ланге существуют некоторые различия, однако основная мысль та же, а именно: не эмоция является причиной физиологических изменений, а наоборот. Ты плачешь не потому, что тебе грустно, тебе грустно потому, что ты плачешь⁶². Таким образом, ты бежишь от опасности не потому, что тебе страшно, – тебе страшно потому, что ты бежишь от опасности.

В 1927 году физиолог У.Б. Кеннон выступил с критикой теории Джеймса–Ланге, указав, что

одни и те же физиологические изменения происходят как при самых разных эмоциональных состояниях, так и при состояниях, с эмоциями не связанных⁶³. Кроме того, он показал, что люди, поведение которых соответствует определенному переживанию, а также сообщающие об этом переживании, не имеют физиологического состояния, которое обычно связывается с данным переживанием. Более поздние эксперименты, в которых делались попытки установить необходимую связь между эмоциональным и физиологическим состояниями, не увенчались успехом.

Физического чувства взвинченности самого по себе недостаточно для того, чтобы я интерпретировал его как, например, страх, гнев или скорбь. Чтобы четко распознать в нем определенное психическое чувство или эмоцию, требуется нечто большее. В начале шестидесятых годов прошлого века психологи Стэнли Шахтер и Джером Сингер выдвинули гипотезу, которая основывалась как на теориях Джеймса, Ланге, так и на теории Кеннона⁶⁴. В соответствии с их теорией о так называемой *cognitive labeling** как изменения в организме, так и их когнитивная интерпретация необходимы для переживания определенной эмоции. Согласно этой теории субъект будет испытывать

*Когнитивной метке.

гнев, почувствовав, что сердце бьется быстрее, что дыхание участилось и т. д., и сочтя, что гнев – это адекватная реакция на сложившуюся ситуацию. То же происходит в случае, когда человек испытывает страх. Похоже, что выбор в пользу страха или гнева определяется ситуацией, точнее говоря, тем, как субъект, он или она, истолкует ситуацию, в которой находится. Два субъекта, находящиеся в одной и той же ситуации и одинаковом физическом (с точки зрения биохимии) состоянии, могут чувствовать соответственно страх или гнев в зависимости от того, как они интерпретируют ситуацию. И разумеется, они оба могут быть правы. Эмоция «живет» не сама по себе, она зависима от ситуации, в которой переживается, и от интерпретации этой ситуации субъектом.

Проблемой в теории *cognitive labeling* является то, что, судя по всему, она предполагает наличие определенной последовательности: сначала происходит изменение в организме, появляется «физическое» ощущение, затем оно становится «психическим» на основании конкретной интерпретации. Однако разве мы зачастую не сталкиваемся с тем, что в первую очередь возникает интерпретация, затем возникает эмоция интерпретации, т. е. человек истолковывает ситуацию определенным образом (к примеру, как ситуацию, в которой

нормальной реакцией была бы злость, ревность или страх) и только потом возникает эмоция?

Возникающие у человека эмоции, похоже, главным образом зависят от характера представления и интерпретации человеком ситуации или объекта. Однако в то же время представление и интерпретация не являются решающими в случае, когда человек воспринимает объект по-другому, но эмоция, которую вызывает этот объект, остается прежней. Ребенком, я считал, что пауки очень опасны, и ужасно их боялся, особенно после того, как моего брата укусил паук. Позднее я узнал, что большинство пауков относительно безвредны, во всяком случае, в наших краях, однако страх все еще жил во мне. С годами он уменьшился, но я не верю в то, что когда-нибудь совершенно избавлюсь от этой арахнофобии. Пожилая женщина может бояться быть ограбленной подростками на улице, поскольку многочисленные статьи в газетах уверили ее в том, что это происходит постоянно. Ее можно проинформировать о реальном положении вещей, о том, что такие ограбления фактически происходят крайне редко, после чего, она умом поймет, что напрасно так боится быть ограбленной на улице. Тем не менее весьма вероятно, что страх все так же всякий раз будет просыпаться в ней при виде подростков, идущих по тротуару ей навстречу. Кто-то

может бояться летать на самолете, даже если он или она убеждена в том, что это весьма безопасно. Это, судя по всему, противоречит теории, говорящей в пользу того, что представление играет важнейшую роль в возникновении того или иного чувства и эмоции, поскольку представление об объекте и эмоциональная реакция на объект идут вразрез. Другой пример: моя мать при виде мыши реагирует всегда одинаково, она вскакивает на журнальный столик и визжит во все горло, именно так, как это принято изображать в карикатурах. Однако она не считает, что мышь способна причинить ей вред. По сути, она никогда так не считала. Тем не менее утверждение, что она не испытывает страх потому, что не считает, что мышь причинит ей вред, абсурдно. И это не укладывается в рамки когнитивной теории.

Возможное решение этой проблемы состоит в том, что представление человека об объекте или ситуации изменилось не до конца, а, скорее, старое представление существует наряду с новым, т. е. в противоречие вступают не представление и эмоции, а два противоположных представления, одно из которых имеет более насыщенную эмоциональную окраску⁶⁵. Сосуществование двух противоречащих представлений в нашем сознании – это факт, с которым мы нередко сталкиваемся, принимая как А, так и не-А, к примеру, когда

мы думаем, что отбросили некое представление, однако оно не исчезло.

Кроме того, случается, мы ошибаемся в оценке наших собственных чувств и эмоций⁶⁶. Это может показаться странным, поскольку наши представления в столь значительной мере влияют на чувства. Всем нам приходилось, думая, что в некоей ситуации мы испытываем чувство X, впоследствии обнаружить, что это, скорее, было чувством Y. Собственное «Я» не до конца доступно нам самим, и, бывает, мы себя обманываем в том, что касается собственных чувств и эмоций, например не желая признаваться себе в том, что определенным поступком руководило неподобающее чувство. Эти ошибки происходят время от времени, но, как правило, мы все-таки не ошибаемся. Ведь необходимым условием для того, чтобы вообще говорить об ошибке в этом контексте, является возможность в целом правильно определять чувства и эмоции – если это не так, то об «ошибке» говорить просто бессмысленно.

Эмоции дают знания о мире. Или, говоря точнее, не испытывая эмоций, многого в окружающем мире мы не увидим и не поймем. Эмоция содержит представления. Эти представления касаются не только фактических обстоятельств – например, медведь приближается ко мне, когда я путешествую по островам Свальбарда, – но и их

оценку: этот медведь опасен. Я вижу в этой ситуации опасность. Мой пульс ускоряется, дыхание учащается, меня слегка бьет дрожь. Сами по себе эти физические изменения не гарантируют, что я испытываю сейчас именно страх, поскольку другие эмоциональные состояния могут сопровождаться точно такими же физическими явлениями, сексуальное возбуждение к примеру. Именно мое восприятие ситуации как опасной вызывает во мне страх. С другой стороны, если бы я не обладал способностью бояться, то не воспринял бы ситуацию как опасную.

Страх всегда имеет интенциональный объект. Он всегда на что-то направлен. Если нет такого объекта, то речь не может идти о страхе, остается только сердцебиение, учащенное дыхание и дрожь. Страх не сводится к этим физиологическим процессам, он является чем-то бóльшим, и это «бóльшее» и есть интенциональный объект. Интенциональный объект всегда интерпретирован. Отличие страха от гнева, грусти или радости заключается не в объекте как таковом, а в его интерпретации. Один и тот же объект может быть истолкован по-разному и являться источником всех вышеперечисленных эмоций. Если я вижу в объекте угрозу, то чувствую страх, если тот же объект истолковать как оскорбление, то это может вызвать гнев и т. д. Страх появляется, когда

нам кажется, что опасность велика, а возможность ее избежать мала.

Случается, что человек, находясь в состоянии, подобном страху, не знает, чего боится. Вероятно, что такое состояние следует определять как тревогу. Переживание страха сродни переживанию тревоги. Оба содержат в себе представление об опасности или о возможных негативных последствиях. Опасность или угроза последствий могут быть достаточно конкретными или весьма неопределенными. Обычно страх и тревогу различают именно по этому критерию: страх имеет конкретный объект, тревога его не имеет. Такой принцип разделения, как правило, связывают с именами Кьеркегора и Хайдеггера, хотя его предтеча обнаруживается в трудах Канта: «Страх перед предметом, который угрожает нам неопределенным злом, – это боязливость»⁶⁷. Ключевым моментом является неопределенность. Если человека, испытывающего страх, спросить, чего он боится, то в целом он сможет дать довольно четкий ответ. Если же у него спросить, чего он хочет в данный момент, то мы также получим в целом четкий ответ, а именно: чтобы источника страха не было, быть защищенным от него или что-либо в этом роде. Человек, мучимый тревогой, напротив, не сможет четко ответить на эти вопросы.

Надо признать, что на практике разницу между тревогой и страхом увидеть не так просто, как в теории, прежде всего потому, что страх также связан с элементом неопределенности, как восприятия самого объекта, так и возможностей дальнейшего развития ситуации: ты испытываешь страх перед определенным объектом, однако не понимаешь, что именно тебя в нем пугает, и не знаешь как на него реагировать. Для многих видов фобий также характерно наличие объекта, т. е. человек знает, чего он боится, однако остается неопределенным то, как объект может влиять на его жизнь. Я не стану подробно останавливаться на том, как следует – или возможно ли в принципе – проводить четкую границу между страхом и тревогой, а буду придерживаться традиционного критерия различия между ними, т. е. наличия или отсутствия конкретного объекта.

Когда мы говорим о том, что страх всегда имеет интенциональный объект, это не значит, что этот объект всегда *реален*. Большинство из нас, вероятно, в детстве боялись всяких чудищ и верили, что кто-то прячется в шкафу или под кроватью, – когда я был маленьким, то считал, что в душе возле спальни моих родителей обитает привидение, мне было по-настоящему страшно, ведь чтобы добраться до родителей ночью, когда

мир таит в себе столько опасностей, я должен был миновать ванную комнату. В действительности не было никакого чудовища ни в шкафу, ни под кроватью, ни в ванной комнате, но тем не менее это не означает, что страх не имел объекта – объектом было именно то чудовище, которое, как я воображал, там находилось. Воображаемый объект, так же как и реальный, может быть интенциональным объектом. Если я в кинотеатре смотрю фильм и некий образ пугает меня, то это не потому, что я верю в реальное существование этого образа⁶⁸. Я могу отличить фантазию от реальности, и я полностью согласен с тем, что устрашающий образ вымышленный. С той же уверенностью можно сказать, что мой страх имеет интенциональный объект, а именно – вымышленный образ.

А как насчет страха «неведомого»? Элиас Канетти писал: «Ничего так не боится человек, как непонятого прикосновения. Хочется увидеть, что тебя коснулось, хочется узнать или, по крайней мере, догадаться, что это»⁶⁹. Подобной мыслью Говард Ф. Лавкрафт начинает свое замечательное эссе «Сверхъестественный ужас в литературе»: «Страх – самое древнее и сильное из человеческих чувств, а самый древний и самый сильный страх – страх неведомого»⁷⁰. Страх «неведомого» не лишен объекта. Скорее, в данном случае речь идет о страхе перед неопределенным

предметом, однако страх *чего-то* является полноценным страхом. Это страх того, что может произойти что-то неприятное или ужасное.

Некоторые эмоции призваны сообщать нам некую информацию о действительности. Страх является одной из таких эмоций. Таким образом, его можно рассматривать как средство познания. Всякое средство познания может работать адекватно или же давать сбой. Мы знаем, что от интерпретации субъектом ситуации зависят эмоции, которые субъект будет испытывать в этой ситуации. Некоторые интерпретации могут быть неадекватными, и следствием этого станет неадекватная эмоциональная оценка ситуации. Аристотель писал: «Заблуждение возникает потому, что страшатся или не того, чего следует, или не так, как следует, или не тогда, когда следует, или еще из-за чего-нибудь такого»⁷¹. Если я, к примеру, боюсь летать на самолете, но не боюсь ездить на машине, поскольку я полагаю (ошибочно), что полет на самолете опаснее поездки на машине, то и мой страх будет неадекватным. Я также могу испытывать слишком сильный страх по отношению к объекту, который сопряжен с некоторой опасностью, однако интенсивность моего страха может выходить за все разумные границы. Большинство людей расценивают это как интуитивное чутье. Они, кажется, считают, что страх можно

оценить рационально, т. е., что эмоция страха может быть верной или ошибочной. Эмоция страха дает адекватное представление, если его объект опасен, а между степенью опасности и интенсивностью страха есть разумное соотношение. Однако совсем не просто разобраться, что понимать под этим разумным соотношением. Очень часто между оценкой различных опасностей аналитиками рисков и игроками существует серьезная разница, к этой теме мы еще обратимся в следующей главе.

Принято считать, что страх мешает мыслить рационально. Монтень писал, что «нет другого такого чувства, которое так быстро способно вывести наш рассудок из равновесия», как страх⁷². Эдмунд Бёрк разделяет эту позицию, утверждая, что ничто, кроме страха, не лишает сознание всякого здравого смысла с такой непревзойденной эффективностью⁷³. Хайдеггер также подчеркивает, что в состоянии страха «теряешь голову». Пример, который он приводит, это поведение людей во время пожара, они выносят из горящего дома первое, что попадет под руку, зачастую какую-нибудь малозначащую вещь⁷⁴. Как сказано выше, различные чувства и эмоции тесно связаны с определенными моделями поведения, и когда нас охватывает некое чувство или эмоция, эти заданные модели поведения способны блокиро-

вать всякое рациональное суждение или, точнее говоря, рациональное мышление не вписывается в модель поведения, т. е. человек не оценивает последствия своих действий. Поступки, совершаемые под непосредственным воздействием эмоций, могут отличаться от того, как бы мы поступили, поразмыслив как следует.

Множество подобных описаний негативного влияния эмоций, и в особенности страха, на наше поведение дают повод считать, что «чистая» рациональность, не затуманенная какой-либо эмоцией, была бы для нас предпочтительней. Тем не менее есть основания утверждать, что отсутствие эмоций также привело бы к иррациональному. Как сказано выше, люди с серьезными повреждениями *amygdala* не могут чувствовать страх, даже когда их жизни угрожает опасность⁷⁵. Они будут действовать иррационально, поскольку опасное не воспринимается *как опасное*, и следовательно, не вызывает рациональной реакции защиты или избегания. Отсутствие эмоций, другими словами, лишает нас знания, необходимого для выбора рационального поведения.

Страх всегда содержит в себе протенцию, проекцию будущего, связанного с болью, ущербом или смертью. Аристотель писал, что «страх – некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее из представления о пред-

стоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность»⁷⁶. Позже и Гоббс определял страх как ожидание плохого в будущем⁷⁷. Адам Смит писал, что страх говорит не о том, что мы фактически чувствуем в настоящий момент, а о том, что мы можем испытать в дальнейшем⁷⁸. Речь идет не только об опасном объекте или событии, которого необходимо избежать. Суть страха в ожидании негативной ситуации в будущем. Но не каждая ожидаемая негативная ситуация вызывает страх. Что-то должно быть поставлено на карту.

Всякий страх – это страх перед тем, что происходит, произошло или произойдет. Необязательно верить в то, что страхи фактически воплотятся в реальность. Можно бояться чего-то, и при этом верить в то, что этого *не* произойдет. Например, слыша раскаты грома, можно испугаться удара молнии, пусть даже в этот момент осознаешь, что подобное вряд ли может произойти. Страх, по всей видимости, связан с неуверенностью. Об этом писал Дэвид Юм: «Очевидно, что то же самое событие, которое, будучи достоверным, породило бы печаль или радость, всегда возбуждает страх или надежду, если оно только маловероятно или недостоверно»⁷⁹. Аристотель утверждает, что страх всегда связан с надеждой: «Для того чтобы испытывать страх, человек должен иметь неко-

торую надежду на спасение того, за что он тревожится; доказательством этому служит то, что страх заставляет людей размышлять, между тем как о безнадежном никто не размышляет»⁸⁰. Фома Аквинский придерживается того же взгляда и считает, что осужденные на вечную погибель не будут знать страха, поскольку нет никакой надежды на спасение: «Страх никогда не бывает лишен мало-мальской надежды на счастливый исход. Однако невозможно, чтобы осужденные питали надежду, поэтому они не могут знать страха»⁸¹. Действительно ли страх предполагает надежду? Это сомнительное утверждение. Предположим, что я заперт в горящем доме, вдали от пожарной станции и всех, кто мог бы мне помочь, и не видно никаких возможных путей спасения. Неужели я перестану бояться огня, наступающего все ближе и ближе и в конце концов окружившего меня со всех сторон, пусть даже у меня не осталось ни капли надежды на спасение? Последователь Аристотеля на это ответит, что я, несмотря ни на что, сохранил крупицу надежды вырваться из огненной блокады, уповая на Божественное вмешательство, благодаря которому огонь не коснется меня, или же неожиданно придет помощь. Однако трудно найти убедительный пример, которым мог бы воспользоваться последователь Аристотеля для подкрепления этого утвержде-

ния – вероятнее всего, оно было бы высказано без дополнительных подтверждений, а исключительно с целью спасти теорию о том, что страх предполагает надежду. Едва ли эмоция страха всегда предполагает надежду. С другой стороны, утверждение, что страх, *как правило*, связан с надеждой, имеет полное право на существование. Во многом это обусловлено тем, что абсолютно безнадежные ситуации складываются довольно редко – почти всегда существует возможность, какой бы незначительной она ни была, что ситуация разрешится не так, как того боишься.

Фома Аквинский отмечает: «Всякий страх является следствием любви к чему-либо»⁸². Страх вызывает то, что так или иначе угрожает жизненным ценностям. Это может быть угроза жизни, здоровью, дружеским или любовным отношениям, угроза социальному статусу и т. д. Страх одного рода может вытеснять страх другого рода. Страх потерять лицо может быть сильнее страха получить физическое увечье, поэтому, будучи детьми, мы вставали на лыжи и, бросая друг другу вызов, забирались на все более крутые склоны, и наши прыжки становились все более опасными – и результатом дня, проведенного на горе, было тело, покрытое синяками. Или в случае, когда солдаты пренебрегают страхом пасть в бою, поскольку еще сильнее боятся потерять лицо пе-

ред своими товарищами. С этой точки зрения «смелые» поступки могут фактически обуславливаться страхом⁸³. В любом случае желание является центральным во всякого рода страхах – ты можешь бояться X только в том случае, если ты хочешь не-X. В этом желании человек ощущает себя поставленным в ситуацию, которую не может контролировать полностью.

Чувства и эмоции – парадигматический пример аффективной стороны нашей жизни. Другое слово, обозначающее чувства, – «страсти». Это слово происходит от греческого *pathos*, латыни *passio*, что значит «быть страждущим». Это «страдание» прежде всего обозначает не боль, а пассивность, показывает, что человек подвергается чему-либо, что-то с ним происходит. Аристотель различает *praxis* и *pathos*, т. е. «воздействовать» и «подвергаться воздействию»⁸⁴. Чувства рассматриваются не как нечто рождающееся само собой, а как то, что человек, в некотором смысле, принимает⁸⁵. Нельзя просто-напросто выбрать чувство или эмоцию. Если человек грустит или напуган, он не может просто выбрать и принять другое, более подходящее чувство или эмоцию. Мы можем воздействовать на наши эмоции не напрямую, к примеру погрузившись в ситуацию, в которой определенная эмоция обычно возникает. Также мы обладаем известной способностью до-

пускать эмоции или подавлять их. Не в последнюю очередь каждый из нас может работать со своими чувствами и эмоциями и направлять их. Тем не менее ясно, что чувства и эмоции не могут легко следовать нашей воле.

Испытывать некую эмоцию – значит испытывать на себе влияние некоей ситуации, в которой оказываешься. Всякое человеческое познание обусловлено ситуацией, в которой происходит познание, и глубинной основой этой ситуации является аффективная сфера. Можно сказать, что эмоция является условием для того, чтобы объект в заданной ситуации приобрел какое-то значение. Чтобы объект мог быть отнесен к разряду пугающих, смешных или скучных, ситуация, в которой происходит встреча с объектом, должна иметь соответствующую эмоциональную окраску. Говоря словами Хайдеггера, страх обнаруживает основополагающую *расположенность* жизни человека⁸⁶. Термином «расположенность» Хайдеггер стремится описать, что это значит, *находиться* в этом мире. Находиться в мире, значит быть выпущенным в мир, познавать мир как место, заключающее в себе значимые и несущественные объекты. Эта расположенность имеет в своей основе эмоциональный характер, т. е. именно чувство наделяет объекты смыслом и именно чувство, по сути, делает возможным сопричастность миру. По

Хайдеггеру, мы в основном имеем дело с вещами необходимыми, но в некоторых случаях мы смотрим на них как на «непригодные, неподатливые или опасные»⁸⁷. Это становится возможным только потому, что природа нашей расположенности позволяет вещам воздействовать на нас подобным образом. Именно расположенность делает возможным то, что мы вообще можем воспринимать что-то как опасность. Чувства, согласно Хайдеггеру, не являются чисто субъективными, но скорее «есть основной способ нашего пребывания вне самих себя»⁸⁸. В то же время они говорят нам о нас самих. Он пишет:

Чувство – это способ, с помощью которого мы обнаруживаем себя в нашем отношении к сущему и тем самым одновременно в нашем отношении к самим себе; это то, каким образом мы одновременно настраиваемся на сущее, которое не есть мы, и на сущее, которое есть мы сами. В чувстве раскрывается и остается открытым то состояние, в котором мы состоим в отношении к вещам, к самим себе и к окружающим нас людям. Чувство само по себе есть такое открытое себе самому состояние. [...] Теперь важно лишь понять, что чувство имеет свойство раскрываться и сохранять состояние открытости, и поэтому, в зависимости от его вида, оно также обладает свойством сокрытия⁸⁹.

Чувства и эмоции открывают путь к тебе самому и к миру вокруг тебя, но эта их особенность

имеет и обратную сторону - они также могут и заслонять, давая тебе неправильное представление, как о самом себе, так и об окружающем мире. Хайдеггер, по всей видимости, считает, что страх, как правило, является заслоняющей эмоцией.

Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Боязнь перед чем-то касается всегда тоже чего-то определенного. Поскольку боязни присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связан вещами, среди которых находится. В стремлении спастись от чего-то – от этого вот – он теряется в отношении остального, т. е. в целом «теряет голову»⁹⁰.

Анализируя страх, Хайдеггер полагает, что то, чего боишься, еще не свершилось, это то, что представляет собой приближающуюся вероятную угрозу. Он пишет, что пугающий объект «излучает вредоносность»⁹¹. Главное в том, что эта вредоносность еще не воплотилась в реальность и существует возможность, что этого не произойдет вовсе. Таким образом, страх тесно связан с неведением. Это неведение можно рассматривать как основную характеристику бытия человека. В страхе обнажается сущность моего бытия, а именно тот факт, что я уязвим и в конечном счете представлен самому себе⁹². Страх показывает мне само-

го себя и в то же время заслоняет меня от меня самого. Выше я уже отмечал, что страх всегда содержит проекцию будущего. Хайдеггер, со своей стороны, отмечает также *сиюминутность* страха, т. е. человек оказывается запертым в ситуации и с этой точки зрения теряет свободу. Он пишет: «Временность страха есть ожидающе-актуализирующее забывание»⁹³. Забываешь сам себя, точнее: свои возможности. Суть в том, что будущее как область реализации возможностей сужается, в то время как человек целиком и полностью концентрируется на актуальной опасности. Человек теряет себя, когда его вниманием полностью завладевает непосредственная угроза. Чувство, такое, как страх, – это способ бытия в мире. С другой стороны, в мире, которого страшишься, никогда не почувствуешь себя как дома.

Согласно Хайдеггеру, человек в состоянии страха перестает видеть собственные возможности. Жан-Поль Сартр, со своей стороны, утверждает, что необходимо восстановить собственные возможности, чтобы вырваться из оков страха: «обращаясь к своим собственным возможностям, я избавляюсь от страха»⁹⁴. Взгляд Сартра на чувства и эмоции вообще, и в особенности на страх, сильно отличается от подхода Хайдеггера. Для Сартра всякая эмоция, в определенном смысле, является выбранной, и поэтому она не может

в полной мере исключить область возможностей. Сартр рассматривает эмоции как интенциональные стратегии. По его мнению, при помощи чувств мы пытаемся изменить мир путем его «магической трансформации». Это видно из анализа страха, где утверждается, что страх есть интенциональная стратегия, при которой субъект пытается устранить объект «магическим» образом. Ясно, что эта магия действует не так уж часто, поскольку объект редко пропадает просто потому, что его боишься. Когда магическая стратегия не срабатывает, субъект обращается в бегство. Таким образом, страх не является причиной бегства, как это принято считать, и бегство вовсе не является причиной страха, как утверждает теория Джеймса–Ланге, скорее, бегство – это просто замена страха, который не вызывает магическую трансформацию, интендированную субъектом⁹⁵.

Согласно Сартру, эмоции спонтанны, под этим он подразумевает, что они реализуются без участия сознания⁹⁶. В состоянии страха сознание направлено на объект страха, а не на страх как таковой. Страх не осознается. Поэтому эмоции, несмотря на то что они являются собственными интенциональными продуктами субъекта, в некоторой степени избегают контроля со стороны сознания. Мы не можем просто по желанию испытать определенную эмоцию. Напротив, эмоции

«захватывают» сознание и делают его «пассивным», пишет Сартр⁹⁷. При этом мы, по всей видимости, оказываемся в ситуации, описанной Хайдеггером, о которой говорилось выше, т. е. когда страх блокирует наши собственные возможности. Однако, по мнению Сартра, как раз сознание того, что страх является собственным интенциональным продуктом субъекта, дает возможность вернуть себе контроль над ним. Поскольку эмоция страха была выбрана, можно сделать и другой выбор – в пользу иных возможностей. С точки зрения Сартра, мы сами решаем, какое значение придать тому, что нас окружает в жизни и каким образом это будет на нас влиять. Если говорить о страхе, то это означает, что я сам выбираю и формирую такое «Я», которое боится неких вещей и событий. В то же время я могу сформировать другое Я», которое будет иначе воспринимать мир.

Целесообразно рассматривать эмоции как привычки. Я не хочу тем самым полностью денатурализовать чувства и эмоции, а просто подчеркиваю, что наш эмоциональный аппарат пластичен. Чувства и эмоции – это не просто что-то «заданное», их можно развивать и изменять. Привычки, в общем, можно описать как усвоенные реакции, которые обычно возникают без участия сознания, однако доступны для него. Привычки основыва-

ются на повторении, то есть на повторяющемся использовании некоей способности. Гегель считает привычку второй натурой⁹⁸. Это определение схватывает сущность привычек, ведь они так прочно и естественно вписываются в нашу жизнь, что создается впечатление их неизменяемости. Привычки бывают физические и психические, и всё это – манеру завязывать галстук определенным образом, понимать слово определенным образом, эмоционально реагировать на определенные объекты и ситуации – можно охарактеризовать как привычку.

Каждый человек имеет множество привычек, которые не осознает по той простой причине, что сознание, как правило, на них не направлено. Привычки, скорее, образуют своего рода «фон» того, чем в это время занято сознание. Привычкой определяется, *что* мы обычно усматриваем в ситуации того или иного типа. Привычки отбирают предметы, на которых фокусируется наше сознание потому, что мы смотрим на привычную вещь, или же потому, что эта вещь непривычна. С этой точки зрения привычки являются условием, предопределяющим познание, однако в то же время они ограничивают область осознанного восприятия, поскольку исключают множество феноменов как ненужные. Привычка представляет собой форму восприятия, ведь она выражает отношение

к окружающему миру. Иметь привычку – значит, усвоить для себя некий взгляд на мир⁹⁹. Привычки включены в сложные взаимосвязи. Без привычек окружающий мир не казался бы осмысленным, поскольку привычки скрепляют его в единое целое, на фоне которого отдельные вещи могут обретать смысл. Также это означает, что имеющиеся у нас привычки влияют на наше восприятие множества феноменов, которые на первый взгляд тесно с ними не связаны.

Моя гипотеза заключается в том, что страх превращается в такую привычку. Я имею в виду не столько сильный, всепоглощающий страх, сколько то, что можно назвать страхом слабой интенсивности. Впрочем, привычка играет определенную роль и в возникновении фобии. Психолог Исаак Маркс, являющийся одним из ведущих экспертов мира по проблемам страха и паники, считает, что многие фобии в значительной мере являются приобретенными¹⁰⁰. Например, в случае, если боязливость матери или отца заражает и ребенка, и он наследует страх. Можно сказать, что родители развивают в ребенке и передают ему свою привычку бояться.

Складывается впечатление, что мы привычно фокусируемся на потенциальных опасностях всего того, с чем нам приходится сталкиваться в жизни. Надо различать страх как общую пред-

расположенность и страх как актуальную эмоцию. Человек, действительно боящийся высоты, не тот, кто стоит рядом с тобой на краю крыши, дрожа всем телом, а, скорее, тот, кто готов на все, лишь бы избежать встречи с высотой. Можно сказать, что последний имеет столь глубокую диспозиционную боязнь высоты, что он или она систематически избегает всякой ситуации, в которой страх может проявиться как актуальная эмоция. Различные ситуации, в которых мы чувствуем страх, *переживаются* по-разному. Чувство страха не всегда одно и то же – оно может изменяться не только по критерию интенсивности, но и по своему качеству. Боязнь ввязаться в драку и страх упасть со стремянки различаются по своему качеству. Отдаленный страх заразиться болезнью, которая вспыхнула на другом конце планеты, существенно отличается от непосредственного страха получить физическое увечье здесь и сейчас.

В исследованиях страха во главу угла ставится страх высокой интенсивности. Страх, преобладающий в нашей культуре, как было сказано выше, скорее, является страхом слабой интенсивности, это страх, который окружает нас и создает фон, влияющий на наше познание и взгляд на мир¹⁰¹. Это страх, имеющий характер не чувства, а, скорее, атмосферы. Социолог Зигмунд Бауман

пишет о том, что он назвал «отвлеченный страх», т. е. о страхе, который возникает не при непосредственном столкновении с опасным объектом и не потому, что человек ранее пострадал из-за подобного объекта, – он проявляется в ощущении, что все ненадежно, что существуют угрозы, которые могут внезапно нанести удар и что наш мир небезопасен¹⁰². Такой страх является своего рода мироощущением, при котором собственная уязвимость становится основополагающим фактором.

СТРАХ И РИСК

It's like risk versus reward, baby.
*Шарлин Шихерлис «Схватка» (1995)**

Социолог Энтони Гидденс описывает поздний модерн как «культуру риска»¹⁰³. Смысл этого выражения не в том, что жизнь людей стала опаснее, чем раньше, а в том, что осознание сегодняшним человеком опасностей и угроз стало иным, более глубоким. В «обществе риска» – по определению, данному Ульрихом Беком, – сформировавшееся у граждан представление о риске основано не только на своем и на чужом опыте, но и на «чужом не-опыте», т. е. представление о риске основывается не столько на том, что фактически с кем-то произошло, сколько на гипотезах о том, что *может* произойти¹⁰⁴. Граждане этого общества риска проживают свои жизни с той разновидностью страха,

который был описан в конце предыдущей главы, – со страхом как мироощущением. Общество риска – это культура страха.

Однако, чтобы понять сущность жизни в обществе риска, лучше всего начать не с социологических исследований Гидденса и Бека, а с сатирического романа Дона Делилло «Белый шум» (1985). Роман рассказывает о жизни Джека Глэдни, американского гитлероведа из маленького заштатного колледжа на Среднем Западе, и его семье. Красной нитью в романе проходит тема невыразимого страха смерти, и этим страхом не в последнюю очередь движет бесконечная череда опасностей, которые, по мнению семьи Глэдни, подстерегают ее на каждом шагу. В школе, где учатся дети, проходит эвакуация из-за выброса ядовитого газа:

Во вторник пришлось эвакуировать начальную школу. У детей начались головные боли и воспалились глаза, появился металлический привкус во рту. Один учитель принялся кататься по полу и говорить на иностранных языках. Никто понятия не имел, что стряслось. По словам тех, кто проводил расследование, дело, возможно, было в системе вентиляции, в краске или лаке, в пенопластовой изоляции, в электрообмотке, в пище из школьной столовой, в излучении мини-компьютеров, в огнеупорном асбестовом покрытии, в клее

*на коробках, в испарениях хлорированного бассейна, а может, и в чем-то более таинственном, с более тонкой структурой, более прочно вплетенном в самую основу положения вещей*¹⁰⁵.

Ничего нельзя сказать наверняка: в чем заключается опасность, откуда она исходит и как она велика. Однако очевидно, что опасность где-то все-таки таится, и вот проходит слух, что во время осмотра школы один из людей в защитном костюме и противогазе упал замертво. Многие опасности, фигурирующие в романе, исходят от химических соединений, входящих в состав жевательной резинки матери. Новые технологии намертво связываются с риском, не в последнюю очередь за счет бесчисленных упоминаний об авто- и авиакатастрофах. Джек видит, что его 14-летний сын теряет волосы, и размышляет о том, почему это происходит:

У Генриха появились залысины. Это заставляет задуматься. Не употребляла ли его мать при беременности какое-либо вещество, изменяющее наследственность? А может, это я в чем-то виноват? Вдруг я, сам того не зная, растил его близ свалки химикатов, на пути перемещения воздушных потоков, в которых содержатся промышленные отходы, способные вызвать выпадение волос. [...] Вину человека перед историей и перед множеством его сородичей усугубляет развитие

*технологии, вероломное убийство, совершаемое изо дня в в день*¹⁰⁶.

Технология отождествляется с чудовищной опасностью, поскольку никогда нельзя полностью предсказать всех последствий ее развития. Сам Генрих больше всего озабочен всевозможными излучениями, которыми мы окружены в повседневной жизни:

*– Реальная проблема – излучение, ежедневно бьющее по нам со всех сторон. Радиоприемник, телевизор, микроволновка, линия электропередачи возле дома, радар контроля скорости на шоссе. [...] Разливы, утечки и осадки – пустяки. Рано или поздно вас погубит то, что находится совсем рядом...*¹⁰⁷

Для общества риска характерно, что *никто* из его граждан ни от чего не застрахован – пострадать могут абсолютно все, вне зависимости от места жительства или социального статуса. Джеку трудно с этим мириться, когда токсичное облако угрожает их местному обществу:

Подобные происшествия опасны для бедняков, живущих в незащищенных районах. Общество устроено таким образом, что во время природных и промышленных катастроф больше всех страдают бедные и необразованные люди. Жители низин страдают от наводнений, люди, ютящиеся в лачугах, – от ураганов

и смерчей. А я – профессор колледжа. Ты видела когда-нибудь, чтобы во время какого-нибудь наводнения, показанного по телевидению, профессор колледжа плыл на лодке по собственной улице? Мы живем в чистом, уютном городке, возле колледжа с необычным названием. В таких местечках, как Блэксмит, ничего страшного не происходит¹⁰⁸.

Однако город пострадал, и Джек подвергся воздействию токсинов, не зная, каковы будут последствия. Никто не застрахован от опасности. Риск вторгся в жизни тех, кто раньше чувствовал себя достаточно защищенным. Все эти мысли о потенциальной опасности приводят к тому, что страх смерти переворачивает жизни Джека и его жены Бабетты. Этот страх настолько силен, что Бабетта начинает принимать экспериментальный препарат дилар, который должен полностью подавлять страх смерти. Она получает препарат в обмен на сексуальные услуги, которые оказала сотруднику фармацевтической компании, производящей дилар. Она пьет лекарство, хотя ей известно, что его применение связано с риском: «Я могу умереть. Могу выжить, но может умереть мой мозг. Левое полушарие мозга может отмереть, а правое – остаться целым и невредимым»¹⁰⁹. Потенциальный риск таких побочных эффектов удержал бы большинство

людей от приема этого препарата, однако страх уже настолько одолел Бабетту, что она готова на все, лишь бы от него избавиться. Этим в романе подчеркивается еще один существенный признак общества риска: в попытке избежать риска, присутствующего в нашей повседневной жизни, мы зачастую выбираем средства, приводящие к более серьезным проблемам, нежели те, которые они были призваны решить.

Слово «риск» происходит от итальянского *risicare*, что означает «рисковать». С этой точки зрения риск связан с актом выбора. Риск – это то, в пользу чего делается выбор. Вопрос в том, какому риску мы как отдельные индивиды и как члены общества предпочитаем подвергаться. Ответ, по-видимому, таков: наименьшему. Современный дискурс, по сути, предполагает, что риск является не столько тем, что мы выбираем, сколько тем, чему мы подвергаемся против воли¹¹⁰. Сейчас немногие вспоминают о том, что слово «риск» изначально имеет как негативное, так и позитивное значение, при котором риск обуславливает позитивную перспективу. Сегодняшнее понятие «риск» за редким исключением, как, например, на рынке акций и в экстремальных видах спорта, несет практически всегда негативную нагрузку. Можно сказать, что «риск» почти превратился в синоним «опасности».

Не существует единого мнения насчет того, что представляет собой риск, является ли он объективной величиной или же социальной конструкцией¹¹¹. Риск включает в себя объективные элементы, коль скоро существуют объективные причинно-следственные связи, однако это еще не все. К этому надо прибавить субъективный и социальный аспекты. Риск не был бы риском, если бы мог существовать независимо от тех, к кому он имеет отношение. Вероятность того, что произойдет некое событие, во многих случаях можно вычислить, основываясь на объективных данных, но риск не сводится к определению вероятности некоего события. Полноценное понятие о риске должно также отражать значение этого события для тех, кого оно затрагивает, а это не является объективной взаимосвязью. Кроме того, ясно, что всякое отношение к чему-либо как к риску социально обусловлено.

Дискурс риска складывается вследствие процесса отбора, при котором какой-то риск оценивается как значительный, другой просто не принимается во внимание¹¹². Критерии, по которым одни виды риска преобладают над другими, включены в более крупную систему воззрений, главным образом это касается сферы морали, варьирующей в зависимости от культурных традиций и особенностей менталитета. Нет никаких

оснований считать, что наша концепция риска оторвана от социального контекста. Кроме того, бывает так, что некую опасность замечают, лишь найдя виноватого. Качество воды в средневековой Европе представляло серьезную опасность для здоровья, однако об этой опасности впервые заговорили только после того, как кто-то обвинил евреев в том, что они отравляли источники воды¹¹³.

Всякий вид риска вписывается в дискурс морали. Бек отмечает, что утверждения риска являются нравственными суждениями о развитии общества, пусть они и выглядят как выводы, основанные на фактах¹¹⁴. Эта мысль хорошо раскрыта в работах социального антрополога Мэри Дуглас, которая связывает риск с понятием вины, точнее, определяет, как понятие риска включено в нравственный и политический дискурс, где виновность возникает, когда кому-то угрожает опасность. Подверженность риску приобретает то же значение, что и подверженность нравственной несправедливости. Детей настигает кара не за грехи отцов, а, скорее, за риски, которые они впустили в мир¹¹⁵.

Перспектива страха и риска предполагает наличие жертв – без действительных или потенциальных жертв она теряет силу. Поэтому расширение фокуса страха совпадает с соответствующим увеличением количества жертв, постоянным при-

ростом новых категорий жертв. Большинство людей относятся или относились к так называемой «слабой» группе, будь то дети, старики, иммигранты, женщины, бедные, больные и т. д. Надо сильно постараться, чтобы не быть зачисленным в одну или несколько подобных групп, и только на основании принадлежности к такой группе можно без всяких сложностей приобрести статус жертвы или крайне уязвимого индивида, нуждающегося в защите. Быть жертвой – значит быть избавленным от ответственности за ситуацию, в которой находишься. Статус жертвы становится полностью легитимным, если пострадавший «невинен». Таким образом, «невиннейшие» являются лучшими кандидатами в жертвы, а кто может быть невиннее ребенка? Как следствие из детей также делают объект для неизменно растущего набора опасностей. Дэвид Альтхайд пишет: «Дискурс страха как перспектива открывает прямо-таки безграничный простор для изучения потенциальных бед, жертвой которых может стать ребенок»¹¹⁶. Одно американское исследование показало, что четверо из пяти американских детей являются «жертвами агрессии со стороны братьев и сестер»¹¹⁷. Банальная ссора и стычка, которые сплошь и рядом случаются между братьями и сестрами, определяются как «агрессия», что превращает ребенка в жертву. «Задирание», которое, вне всякого сомнения, мо-

жет быть мучительным для того, кто является его объектом, по всей видимости, уже перестало существовать – вместо него возникла такая категория, как «моббинг», который может нанести ребенку непоправимый вред.

Мы стремимся исключить всякий риск из жизни детей. Наша боязнь за детей, судя по всему, ведет к тому, что мы лишаем их важного жизненного опыта. Разумеется, необходимо учить детей быть внимательными на дороге, осторожными с водой, электричеством и т. д. Однако едва ли они должны усваивать, что страх – это основа отношения к жизни. Когда-то детей учили преодолевать чувство страха, теперь же страх является естественной составляющей их жизни¹¹⁸. В начале прошлого века широкое распространение получила точка зрения, согласно которой следовало обучать детей не бояться и не показывать страх, или же повзрослев они якобы станут неадекватными невротиками¹¹⁹. Сегодня мы, похоже, ударились в другую крайность, внушая детям, что большая часть планеты просто усеяна опасностями. В то же время мы, судя по всему, чрезмерно защищаем их от опасного окружающего мира, как от «незнакомца». Страшилки, которые вдалбливаются детям, больше не повествуют о троллях и ведьмах, а, скорее, о педофилах и о незнакомых людях вообще. В конце восьмидесятых и в де-

вяностые годы СМИ особенно муссировали эту тему, навязывая реальность, в которой все дети были подвержены серьезной опасности стать жертвой нападения педофила. Ни в коем случае нельзя сквозь пальцы смотреть на проблему сексуального насилия над детьми, однако тогда вместо трезвой оценки опасности умы захлестнула настоящая паранойя. Обстоятельства, которые в худшем случае указывали на то, что насилие *могло* иметь место, толковались как прямое доказательство того, что насилие фактически имело место. Немало жизней ни в чем не повинных людей были загублены из-за абсолютно беспочвенных заявлений о домогательстве. Обвинения зачастую были до того неправдоподобными, что в умах должна была сработать сигнализация, но она явно не включилась. Вероятность убийства ребенка незнакомцем так мала, что практически должна быть отброшена. В убийстве ребенка ответственен, как правило, кто-то из ближайших членов семьи. Случается, что ребенка убивает незнакомец, но такие ужасные трагедии происходят крайне редко, поэтому вряд ли стоит формировать отношение ребенка ко всем незнакомым людям, опираясь на столь малую вероятность.

Люди задумываются о риске потому, что наши жизни не просчитаны и уязвимы. Проблема в том, что осторожность зачастую предоставля-

ет нам системно искаженную картину мира. Например, мы имеем склонность преувеличивать значимость обстоятельств смерти, если они получают широкую огласку, в частности, таких, как пищевое отравление или убийство. Соответственно, мы недооцениваем значимость обстоятельств смерти, скажем, от астмы и диабета, если им не уделяется такое повышенное внимание¹²⁰. Большинство привыкло считать, что в основном люди гибнут в результате несчастных случаев, а не от болезней, хотя реальность подтверждает противоположное. После сообщений об авиакатастрофах или крушениях поездов некоторые предпочитают не пользоваться самолетом или поездом, выбирая путешествие на автомобиле, потому что считают опасными поездку на поезде или полет на самолете. Это весьма неразумный выбор, учитывая, что вероятность попасть в автомобильную аварию в разы выше. Предположительно 1200 американцев погибли после 11 сентября 2001 года, побоявшись лететь на самолете и предприняв вместо этого поездку на автомобиле¹²¹. Представления людей о риске зачастую не только системно искажены, но порой и откровенно непоследовательны, например, в случае, когда речь идет об одной и той же технологии, а именно о лучевой технологии, применение которой в медицине считается относительно безо-

пасным и весьма опасным в промышленном использовании¹²².

Почему наши представления об опасностях, которым мы можем подвергнуться, так искажены? Это объясняется присущей нам психологической особенностью больше концентрироваться на отрицательных, а не на положительных событиях. Важным фактором является тенденция считать информацию о серьезном риске более достоверной и надежной, чем информацию о риске незначительном, исходит ли она от властей, от промышленных или идеологических организаций, союзов или объединений. То есть вне зависимости от того, кто является источником информации, люди воспринимают наихудший сценарий развития событий как наиболее достоверный¹²³. Кроме того, большинство людей не задумывается о вероятности, сосредотачиваясь на самом плохом, а не на самом вероятном. Статистически весьма значимые различия едва ли сказываются на представлении людей о риске. Сколь бы малой ни была вероятность воплощения в жизнь сценария катастрофы, она все равно вызывает страх.

В основном люди узнают о различных напастьях посредством СМИ, которые лелеют «драматические» сюжеты. Новости – это тоже развлечение, которое должно быть захватывающим, и поэтому СМИ часто пытаются установить связь между

зрителем и передаваемой новостью. Новость попадает в цель, если она имеет прямое отношение к жизни зрителя. Отдельные события преподносятся в таком антураже, что выглядят уже как проблема общества в целом, нечто, угрожающее «всем нам» или по меньшей мере широким слоям населения. Разумеется, во многих случаях это в высшей степени правомерно, однако в самой манере излагать информацию присутствует тенденция сверх меры раздувать всякое событие: чем больше новость раздута, тем она «лучше». Когда происходит несчастье – например, психически нездоровый человек убивает прохожего на улице или одного из пассажиров трамвая, – события излагаются таким образом, что все мы оказываемся под угрозой нападения большего количества подобных индивидов, которые вообще не должны свободно разгуливать по улицам среди нормальных людей. Летом 2006 года в Осло пациент с явной психической патологией зарезал врача. Многие врачи тогда заявляли, что на работе не чувствуют себя в безопасности. Конечно, это убийство – трагедия, однако скольких врачей в действительности убили на работе? Отдельное событие было истолковано как признак того, что целая категория профессионалов находится в опасности.

Всегда найдется множество напастей, которые могут послужить основой для газетной статьи,

можно без всяких проблем выпускать ежедневную газету, целиком и полностью посвященную всевозможным опасностям. Некоторые опасности отбираются для освещения в прессе, другие отбрасываются. Однако между количеством материала, посвященного некоему феномену, и масштабом опасности, которую он представляет, не прослеживается четкой связи. Опасность, которая, согласно статистике, является незначительной, зачастую привлекает к себе повышенное внимание массмедиа, в то время как более серьезными опасностями они пренебрегают. Одним словом, ценность новости заключается не в актуальной опасности – гораздо важнее, чтобы опасность была «увлекательной». Эта опасность обсуждается какое-то время, пока из нее не выжмут все до последней капли, а затем заменяется новой.

Основное правило при отборе новостного материала заключается в предпочтении негативных, а не позитивных новостей; как следствие негативным новостям в СМИ уделяется значительно больше внимания, чем позитивным. Было проведено исследование, предметом которого стал отклик СМИ на две статьи, напечатанные в одном из выпусков Журнала Американской медицинской ассоциации (*Journal of the American Medical Association*), в обеих статьях речь шла о связи между облучением и раковой опухолью. В первой

статье говорилось о том, что белые мужчины, работавшие при некоей лаборатории, рискуют заболеть лейкемией, в другой статье – о том, что люди, живущие недалеко от атомной электростанции, не подвергаются повышенной опасности заболеть раком. Можно было бы предположить, что последние, позитивные данные заслуживают широкого обсуждения в СМИ, ведь они касаются куда большего количества людей, чем данные, о которых шла речь в первой статье, однако именно негативные данные явно получили более широкую огласку¹²⁴.

Серьезная проблема заключается в том, что СМИ, обрабатывая информацию о разного рода опасностях и угрозах, системно ее искажают. Трудно себе вообразить что-нибудь, чего они не смогли бы представить как страшную угрозу для здоровья. Например, в передовице одной из газет говорилось о том, что при длительных перелетах, в особенности по самым дешевым тарифам, предполагающим сидение в тесных креслах, повышается риск закупорки кровеносных сосудов, однако это утверждение фактически голословно. Правда, существуют отдельные примеры, и у некоторых людей после продолжительных полетов действительно происходила закупорка кровеносных сосудов, но это не доказывает связи ее возникновения с нагрузками, испытанными в полете. Ко-

личество подобных случаев позволяет говорить лишь о случайности, а никак не о закономерности. Исходя из того, что нам известно, можно предположить, что если бы те же самые люди отложили полет и целый день пролежали бы в постели, закупорка все равно произошла бы.

Болезни, больше всего привлекающие внимание СМИ, необязательно являются теми болезнями, которые уносят больше всего жизней. Вирус атипичной пневмонии в 2003 году напугал весь мир, однако, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, общее количество умерших от этого вируса – 774 человека, надо заметить, число не столь значительное. По некоторым оценкам, паника, возникшая из-за вируса атипичной пневмонии, обошлась в целом в 200 миллиардов крон, а такая сумма, возможно, помогла бы справиться с туберкулезом, который ежегодно уносит жизни миллионов людей. Я не хочу преуменьшать потенциальную опасность атипичной пневмонии, но СМИ не должны сообщать о вирусе в преувеличенно драматичной форме.

Время от времени появляется тот или иной приводящий всех в ужас смертоносный вирус. Такими вирусами, например, являются Эбола и вирус Марбург. Здесь необходимо заметить, что вирусы такого типа вряд ли вообще могут породить эпидемию – они убивают своих жертв так быстро, что

те просто-напросто не успевают заразить большое количество людей. Менее агрессивные вирусы, имеющие более длительный инкубационный период, куда как опаснее. Что касается Эбола, то следует принять во внимание, что во время вспышки в 1995 году в Конго больше всего жизней унес во все не этот вирус, а, скорее, Сонная болезнь. С тех пор как более 40 лет назад, в 1967 году, был впервые обнаружен вирус Марбург, было зарегистрировано шесть вспышек, которые, согласно данным Всемирной организации здравоохранения, в общей сложности отняли жизнь у 467 человек. Ежегодно в Норвегии от совершенно обычного гриппа умирают в два-три раза больше людей¹²⁵. Эпидемии – относительно редкое явление, поэтому вокруг каждой вспышки всякий раз возникало много шума. Сегодня эпидемии стали чем-то почти обыденным, ведь нас постоянно бомбят сообщениями обо всех потенциальных угрозах распространения эпидемии – или, если на то пошло, пандемиях. Пандемии порой случаются: в среднем 2–3 раза в столетие. В прошлом веке была страшная пандемия испанки, от которой умерли приблизительно 50–100 миллионов человек, что составляло около 3 % всего населения Земли.

Можно рассматривать эпидемии как неизбежное следствие, неразрывно связанное с расцветом цивилизации и со всем тем, благодаря чему мы

стали такими, какие мы есть, – сельскому хозяйству, образованию городов, торговле и т. д., – но, в то же время это сделало нас более уязвимыми для микробов, которые распространяются проще и быстрее¹²⁶. И увы, нет оснований считать, что мы когда-нибудь будем полностью застрахованы от их губительного нашествия, пусть мы и разрабатываем все более эффективные технологии для борьбы с ними. Мы можем с уверенностью сказать, что впереди нас ожидают новые эпидемии и пандемии, но мы также можем с уверенностью сказать, что мы, жители богатейших частей света – где соблюдаются правила гигиены и существует отлаженный механизм оказания медицинской помощи, – переживем их относительно спокойно, в то время как беднейшие жители планеты пострадают гораздо серьезнее. Нас должна волновать их судьба, но в нашей части света у нас нет особых оснований для беспокойства.

Рост средней продолжительности жизни сам по себе говорит о том, что все больше людей доживают до старости, а не погибают в результате несчастного случая, болезни, насилия и т. д. Прогнозируемая продолжительность жизни в Норвегии – 82,3 года для женщин и 77,5 лет для мужчин. В 1910 году эти показатели были равны 59,3 и 56,4 годам соответственно. По всему миру наблюдается рост средней продолжительности

жизни. С 1950 года она увеличилась почти на одну пятую. Если мы обратимся только к развивающимся странам, то увидим, что средняя продолжительность жизни в этих странах в течение XX века возросла больше чем в два раза – от 30 до 65 лет. Разумеется, существуют значительные географические различия: в среднем человек, рожденный в стране, где свирепствует СПИД, такой, как Ботсвана, Мозамбик, Руанда, Замбия и Зимбабве, может умереть, не дожив до 43 лет, в то время как, родись он в индустриальной стране, он мог бы дожить в среднем до 78 лет. В любом случае надо заметить, что в большинстве стран наблюдается положительная тенденция.

Боль, болезнь и смерть уже не так властвуют над нашими жизнями, как они властвовали над жизнями предыдущих поколений. Заболевая, мы имеем больше шансов вылечиться, чем когда-либо раньше. Еще не так давно небольшая царапина могла развиться в опасное для жизни заражение, ведь антибиотиков не было, однако люди не впадали в панику. Конечно, мы продолжаем болеть. Несомненно, болеть, например, раком – это не шутки, но более половины больных раком в Норвегии выживают, а это в два раза больше, чем всего 50 лет назад¹²⁷. Правда, растет заболеваемость раком, но это в значительной степени, можно объяснить тем, что пожилых становится

больше, а опасность заболеть раком с возрастом существенно увеличивается. Если для некоего мужчины вероятность заболеть раком предстательной железы в течение жизни составляет, например, 20 %, то это не должно вызывать чрезмерного беспокойства как раз потому, что мы говорим о риске, распределенном на всю жизнь. Поскольку риск с годами растет, у сорокалетнего мужчины останутся тысячные доли процента, чтобы заболеть раком предстательной железы в ближайшие годы, поэтому столь незначительные шансы позволяют спокойно жить, не слишком беспокоясь по этому поводу.

Мы не очень доверяем системе охраны здоровья. Согласно исследованию, проведенному Норстатом в 2005 году для фармацевтической компании «Пфайзер», 67 % опрошенных все-таки доверяли своим лечащим врачам, однако лишь 49 % относились с доверием к государственным больницам, 36 % к частным клиникам и 32 % к аптекам, в то время как доверие к фармацевтическим компаниям вообще ограничилось 7 %¹²⁸. Целых 22 % из тех людей, кто в последние пять лет обращался за медицинской помощью, не были уверены в том, что получили квалифицированную помощь. 66 % выражали беспокойство тем, что государственная система здравоохранения не обеспечит их должным ухо-

дом в старости, а 51 % опрошенных боялись, что не получат удовлетворительной медицинской помощи. Газетные заголовки поддерживают это недоверие, вот первая полоса «Дагбладет»: «Количество заболевших после приема обычных лекарств бьет все рекорды. ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЭТИХ ТАБЛЕТОК»¹²⁹. В самой статье можно прочесть, что годом раньше от побочных эффектов умерло 134 человека. Нельзя не замечать всей серьезности проблем, связанных с побочными эффектами лекарственных препаратов, однако более подобающим был бы заголовок, из которого можно было бы понять, что *немногие*, в общем и целом, умирают от побочных эффектов, учитывая количество потребителей.

Серьезным примером настоящей истерии можно считать то, что началось вокруг вакцинации младенцев. В 1998 году доктор Эндрю Уэйкфилд опубликовал в авторитетном медицинском журнале «Ланцет» доклад, в котором среди прочего заявил, что между вакцинацией младенцев и аутизмом, возможно, существует связь¹³⁰. Доклад вызвал сильнейший резонанс в СМИ, особенно в Великобритании и США, но также и в Норвегии, где, в частности, передача «*Рикетс тильстанд*», выходявшая на ТВ-2, напугала многих родителей. Впоследствии выяснилось, что выводы Уэйкфилда были несостоятельными.

«Ланцет» дистанцировался от доклада, заявив, что он не должен был быть опубликован. 10 из 12 соавторов работы Уэйкфилда также публично отстранились от интерпретации Уэйкфилдом полученных в результате исследования данных. Несмотря на то что работа Уэйкфилда была полностью дискредитирована, газетные заголовки продолжали кричать, что эта вакцина опасна, и, как следствие, многие родители не позволили провести вакцинацию своих детей, что, в свою очередь, привело к тому, что многие дети заболели¹³¹. Сейчас количество проводящихся вакцинаций, к счастью, опять начало расти.

Те же самые медицинские технологии, которые лечат нас, еще больше нас пугают. В немалой степени они способствовали тому, что мы осознали: можно быть больным, не ощущая при этом совершенно никаких симптомов¹³². Болезни, в определенном смысле, переместились из области явного в область скрытого¹³³. Мы не можем положиться на собственное самочувствие и в любой момент можем превратиться в пациентов. Когда подрывается это неопосредованное, изначально заложенное в каждом из нас доверие к собственному телу, всегда подающему сигнал, если что-то идет не так, появляются неуверенность и страх. Пожалуй, это важный фактор, спровоцировавший в последние годы резкое увеличение количе-

ства медицинских консультаций, да и количество врачей: мы больше не верим в то, что с нашим здоровьем все в порядке, хотя и не ощущаем симптомов, которые могли бы это опровергнуть. Зигмунд Бауман точно резюмировал ситуацию:

Вместо того чтобы воспринимать болезнь как отдельное явление, имеющее начало и конец, мы видим в ней неизменного попутчика здоровья, «оборотную сторону» здоровья и постоянно присутствующую угрозу: она требует неусыпной бдительности, должна преодолеваться и усмиряться денно и нощно, семь дней в неделю. Забота о здоровье стала бесконечной войной с болезнью¹³⁴.

Всякая мера, предпринятая в целях ограничения вредных для здоровья воздействий, может содержать в себе новую опасность. Рекомендации, которые мы получаем сегодня, завтра оказываются полными новых опасностей. Например, нам сообщили, что не следует проводить много времени на солнце, так как это повышает риск рака кожи, а потом мы узнаем, что недостаток солнечного света может привести к серьезной нехватке витамина Д, а это, в свою очередь, приводит к ослаблению иммунной системы – и, следовательно, повышается риск возникновения рака. Не так-то просто не заблудиться в лесу всевозможных мнений по поводу того, что в конечном сче-

те представляет для нас наибольшую опасность. Все больше обращений за медицинской помощью вызвано так называемыми «иатрогенными заболеваниями», т. е. болезнями, возникшими из-за предшествующих обращений за медицинской помощью¹³⁵. Учитывая все это, становится понятно, почему людей охватывает беспокойство.

Множество страхов связано с питанием. Тема небезопасности пищи является для СМИ неисчерпаемым источником кричащих заголовков, и если кто-нибудь действительно поверит во все то, что нам рассказывают об опасностях, таящихся в продуктах питания, то, возможно, вообще перестанет есть. Едва ли найдутся продукты питания, которым не приписано то или иное вредное для здоровья воздействие. После того как в 2006 году в мясных продуктах концерна «Гильде» были обнаружены бактерии *e.coli*, тема небезопасности пищи обсуждалась беспрестанно, об этом деле ежедневно писали газеты¹³⁶. Когда страсти улеглись, СМИ вновь начали искать материал, который можно было бы пристроить в кильватер скандала *e.coli*. Очередная представленная нам угроза заключалась в том, что террористы могут отравлять нашу пищу. Первая полоса газеты «Верденс Ганг» гласила: «Один грамм яда убивает тысячами: СТРАШНАЯ УГРОЗА ПИЩЕВОГО ТЕРРОРА нацелена на норвежцев»¹³⁷. Однако из самой статьи следовало, что никакой

новой угрозы не обнаружилось и можно просто-напросто предположить, что террористические группировки могут отравлять еду или питьевую воду. Также отмечалось, что шведское общество защиты животных пригрозило отравить мясные продукты. Но никаких данных о существовании реальной опасности того, что в норвежские продовольственные товары может быть добавлен яд, не приводилось.

Многие боятся заболеть из-за потребления остатков инсектицидов, содержащихся в пище. Вряд ли хоть один человек в Норвегии умер из-за этих инсектицидов. Причиной смерти может стать неправильное питание, в редких случаях пищевое отравление, но содержание инсектицидов в нашей пище так незначительно, что просто не может представлять угрозы. Джон Кребс, бывший председателем британского Агентства по продовольственным стандартам, считает, что обыкновенная чашка кофе содержит столько же натуральных токсинов, сколько обыкновенный человек потребляет синтетических токсинов, оставшихся после опрыскивания, за год¹³⁸. Из этого не следует делать вывод, что чашка кофе особо опасна, скорее, остаточное содержание инсектицидов так далеко от предельно допустимой величины, что является безвредным. Доказательств того, что небольшое содержание инсектицидов в пище пред-

ставляет какой-либо вред для здоровья, включая также потребление в течение долгого времени, предполагающее кумулятивный эффект, попросту не существует¹³⁹. Тем не менее в прессе самая мизерная концентрация токсинов преподносится как прямая угроза здоровью. Не учитывается тот факт, что основным параметром является как раз *величина концентрации* токсинов. Не мудрено испугаться, услышав, что мы каждый день потребляем диоксины, ведь это весьма ядовитое вещество, которое, кроме того, может еще и накапливаться в организме. Фактически диоксины поступают в организм с едой, с каждым глотком воды и при каждом вдохе. Главное в том, что концентрация токсинов в промышленных выбросах и в продуктах питания находится под жестким контролем и дозы, получаемые нами ежедневно, не представляют угрозы для здоровья. В незначительных количествах некоторые токсины даже могут оказывать благоприятное воздействие.

Производители экологичной пищи, которые без сомнения имеют благородные цели, пытаются, однако, убедить нас в том, что продукты, произведенные при помощи современных сельскохозяйственных методов, опасны, но подобные утверждения совершенно не обоснованы. Организация «Soil Association» была вынуждена отозвать свою брошюру, в которой говорилось, что

экологичная пища вкуснее, полезнее для здоровья и не наносит вред окружающей среде, поскольку британский комитет рекламных стандартов (Advertising Standards Authority) не нашел доказательств, подтверждающих эти положения. Производители экологичной пищи формируют мнение о не-экологичной пище как об опасной для нас, однако едва ли для подобных утверждений имеются какие-либо основания. В действительности научных данных, говорящих в пользу того, что экологичное производство продуктов питания предпочтительнее принятого производства с точки зрения охраны здоровья и окружающей среды, по всей видимости, не существует¹⁴⁰.

Люди часто впадают в заблуждение, что «натуральное» обязательно должно быть полезным, а «синтетическое», «созданное человеком» или «технологическое» представляет серьезную опасность. Технология дала нам возможность избегать многих опасностей, которым природа подвергала нас раньше. Когда нам это не удастся, когда стихийные бедствия все-таки происходят, все чаще говорится о том, что в конечном счете причину природных катаклизмов следует объяснять тем, что человек вторгается в природу. Но мы не должны забывать о том, сколько бедствий было предотвращено как раз благодаря нашему вторжению в природу. Кроме того, надо заметить, что

«старые» угрозы, в общем, наносят больший вред, чем «новые». Если вы хотите без серьезных производственных травм закончить свою профессиональную деятельность, то разумнее выбрать профессию с более высоким, а не низким уровнем технологичности. Работать на химическом заводе безопаснее, чем быть лесорубом¹⁴¹.

Технология часто трактуется как нечто чуждое человеку. Однако в действительности технология присуща исключительно человеку. Без технологии мы не смогли бы быть такими, какие есть. Нас бы давно не было, если бы мы не развивались, а остались со своими чисто животными качествами. Можно сказать, что технология позволила человеку подняться. Радикально: это не человек открыл технологию, а, скорее, технология открыла человека. «Естественный» человек – понимая под этим нетехнологического человека – никогда не существовал и никогда не будет существовать. Технология, которую придумали наши далекие предки, например каменный топор, сделала возможным освобождение от господства природы, что, в свою очередь, позволило таким существам, как мы, развиваться. Технология высвободила ресурсы для развития головного мозга, и в особенности речи. Поэтому в корне неправильно трактовать технологию как нечто античеловеческое – напротив, человеческое всегда

было зависимо от технологии, чтобы иметь возможность быть человеческим. Технологией пронизан любой аспект нашей жизни.

Человек, в определенном смысле, никогда не поспевал за технологией, т. е. технология всегда открывала новые возможности для того, что становилось человеческим. Технология не является вспомогательным средством, которое не затрагивает нас лично. Скорее, она меняет наши будни, наши привычки – и, следовательно, нас самих. Технология создает своего рода «вторую натуру», меняющую как картину мира, так и образ жизни. Она дает нам возможность преодолевать ограничения, заложенные в нас: например, мы умеем общаться, как если бы были рядом, находясь друг от друга на огромном расстоянии. Проблема в том, что это в значительной степени приводит к замене одного ярма на другое, мы вырываемся из природного плена только для того, чтобы покориться власти технологии.

Мы никогда не поспеваем еще и потому, что не можем предвидеть всех последствий применения новой технологии. Технологии развиваются быстрее, чем культура. Мы давно оставили позади ту стадию, когда могли идти в ногу с техникой. Наше *недопостижение*, на которое мы себя обрекаем, становится все больше. Этот факт нелегко принять, поскольку он означает, что мы на-

ходимся в мире, который всегда будет содержать элемент непредсказуемости. Признание невозможности устранения непредсказуемого сталкивается с основным постулатом общества риска, а именно с тем, что жизнь может и должна быть полностью контролируемой. Тогда для несчастного случая нет места – несчастный случай является не более чем риском, которым пренебрегли, или неправильно оцененным риском. Крайнее проявление подобного образа мыслей демонстрирует решение *Британского медицинского журнала* о запрете использования выражения «несчастный случай» (*accident*) на страницах издания¹⁴². Объяснялось это тем, что «несчастный случай» часто понимается как нечто непредсказуемое, но поскольку в основном причины травмирования являются предсказуемыми, надо вообще исключить из употребления это выражение. Постановление вызвало жаркие споры на страницах журнала, так как далеко не всем понравилось это семантическое решение. Сейчас можно возразить, что под «несчастливым случаем» часто подразумевается происшествие, которое не было запланировано. Тогда происшествие с полным правом можно назвать несчастным случаем, даже если его предвидели другие, но не тот, из-за кого оно имело место. Кроме того, сегодня многие сходятся на том, что, по большому счету, невозможно пред-

сказать событие на все 100 %, а только с некоторой долей вероятности. Так или иначе, важно отметить, что решение Британского медицинского журнала было обусловлено предпосылкой, что человеческая жизнь в принципе вполне поддается контролю, что, по сути, у всех нас есть некая обязанность установить с окружающим миром просчитанные отношения.

Однако наша жизнь не является полностью контролируемой. Норвежский врач Столе Фредриксен предложил неожиданный взгляд на здоровье, сделав центральным понятием своего подхода «невезение»¹⁴³. Заболеет человек или нет, зависит не только от последствий выбора, которые он или окружающие могли или должны были предвидеть, но также и от везения или невезения. Фредриксен выделяет три типа везения: 1. Конституциональное везение, т. е. наследственность, иммунитет и т. д. 2. Удачное стечение обстоятельств, т. е. ситуации, в которых мы оказываемся. 3. Везение консеквенции, т. е. непредвиденные последствия нашего выбора. Заболеет человек или нет, зависит от всех этих факторов, и не стоит впадать в заблуждение, считая, что они поддаются контролю. Разовьется у человека, к примеру, рак или нет, зависит в значительной мере от индивидуальной предрасположенности. У большинства людей, которые много загорают, не развивается рак

кожи. У большинства курильщиков не начинается рак легких, хотя, надо отметить, что эта привычка является практически самой вредоносной. Наша жизнь неминуемо непредсказуема. Вопрос в том, как относиться к этой непредсказуемости.

Культура риска – культура, люди которой, как никогда, опираются на «экспертные оценки», в то же время чрезвычайно сомневаясь в их надежности. В результате процесса секуляризации, того, что социолог Макс Вебер назвал разочарованностью миром, уже не религия, а, скорее, наука должна ограждать нас от опасностей жизни. Проблема в том, что та же самая наука, по сути, сама воспринимается как наибольшая угроза. В фильмах из ученых часто делают одержимых, стремящихся уничтожить тот мир, который мы знаем. Старые фильмы зачастую помогают получить представление о самом страшном пугале того или иного периода времени, в 1950-е годы тематика многих фильмов была связана с ядерными испытаниями, породившими жутких чудовищ-мутантов, а в 1970-е, судя по фильмам, наука больше ассоциировалась с ущербом, наносимым окружающей среде, и болезнями¹⁴⁴. Ульрих Бек пишет, что «опасность таится уже не в невежестве, а в знании»¹⁴⁵. Однако чаще всего с проблематикой риска связывают как раз недостаток знаний, невозможность предусмотреть все последствия некоего

действия или открытия. Социолог Никлас Луманн утверждает, что технологическое развитие происходит так быстро, что мы не успеваем вникнуть в необходимую информацию, а это не позволяет нам сделать рациональный выбор¹⁴⁶. Радикально: в высокотехнологичном обществе всякое решение имеет зыбкую основу.

Философ Ганс Йонас защищает позицию, определенную им как «эвристика страха»¹⁴⁷. Он описывает такой страх как нравственный долг. Речь идет не о страхе, который вырождается в обреченность, а, скорее, о страхе, вмещающем надежду на то, что мы в силах противостоять пугающей перспективе¹⁴⁸. Важнейшим постулатом концепции Йонаса является преимущество негативных прогнозов над позитивными, а также ведущая роль так называемого принципа предотвращения или принципа ответственности. Однако принцип Йонаса сформулирован весьма туманно, поэтому не совсем понятно, *насколько* серьезной должна быть угроза, чтобы принцип предотвращения занял место привычного взвешивания всех «за» и «против». Исходя из некоторых его суждений, можно сделать вывод, что принцип в первую очередь касается явлений, которые можно назвать глобальной катастрофой. К примеру, он пишет, что мы можем обойтись без высшего блага, но не можем сосуществовать

с величайшим злом¹⁴⁹. Если мы в своем стремлении сделать мир лучше вместе с тем рискуем допустить «величайшее зло», иначе говоря, глобальную катастрофу, то мы не должны идти на такой риск. Это было бы безответственно. Но потенциальных катастроф такого масштаба не так уж много, и с этой точки зрения применение принципа весьма ограничено.

Сам по себе принцип предотвращения или принцип ответственности представляется разумным, тем более что все мы выросли на таких поговорках, как «осторожность никогда не мешает». Принцип был четко сформулирован в 1970-е годы, но подобные идеи возникали и ранее¹⁵⁰. Он получил широкое признание и сегодня упоминается в целом ряде национальных законодательных актов и в международных соглашениях. Серьезное значение придавали этому принципу в кабинете Столтенберга, что нашло отражение в тезисах, принятых на межпартийных переговорах в отеле «Сория Мориа»: «Политика Норвегии в области охраны окружающей среды должна основываться на принципе предотвращения, который гласит, что всякое сомнение должно решаться в пользу природы», и что «директивы, касающиеся здоровья и окружающей среды, соответствуют высшим стандартам, и что в случаях, когда имеет место риск и надежность не под-

тверждена, решения будут приниматься исходя из принципа предотвращения»¹⁵¹. Принцип предотвращения часто упоминается в общественных отчетах и разъяснениях, в докладах правительства Стортингу и тому подобном, но особенно прочно он связывается с проблемами охраны здоровья и окружающей среды. Принцип используется почти всякий раз, когда говорят об «ответственности», но никто никогда не разъясняет, в чем он, собственно, заключается.

Два основных аспекта приложения принципа предотвращения касаются прежде всего ненадежности и ущерба. Ненадежным может оказаться многое: причинно-следственные связи, расчет охвата, влияния контрмер и т. д. Некая доля ненадежности присутствует всегда. Если опираться на требование полнейшей надежности, то всякое решение будет иметь зыбкую основу. Принцип предотвращения призван дать ответ на вопрос, как следует относиться к этой зыбкости. В чем же заключается специфическая особенность этого принципа? Сложно сказать, поскольку существует более 20 различных определений, которые к тому же вступают в противоречие друг с другом.

Некоторые определения настолько размыты, что едва ли найдется желающий их оспаривать. Например, легко согласиться с тем, что можно

принять меры для предотвращения потенциального вреда, даже если не имеешь очевидных доказательств вредоносности. Многие также утверждают, что есть основания считать что-либо вредным, хотя четкая причинно-следственная связь не установлена. Согласно радикальной версии принципа, чтобы позволить чему-либо свершиться, напротив, необходимо иметь доказательства безопасности (Гринпис, например, выступает за то, чтобы запрещать сброс отходов, если нет документального подтверждения их безвредности), а такое требование на практике невыполнимо. Между этими двумя крайностями существует множество промежуточных позиций. Согласно некоторым определениям, принцип вступает в силу, если есть потенциальная угроза *катастрофы*, другие ограничиваются потенциальной *опасностью для жизни и здоровья*. Одни определения включают в себя экономическую составляющую, то есть требование, чтобы принимаемые меры были «рентабельными», другие не включают. В каких-то определениях принцип рассматривается как критерий решения, в других – нет. В вопросе о том, какое определение является верным, нет единого мнения, хотя отдельным определениям придается большее значение, чем другим¹⁵². В любом случае неправильно, если политическое решение апеллирует к принци-

пу предотвращения, без уточнения, о каком его варианте идет речь.

Многие ассоциации и союзы настаивают на весьма жестком толковании принципа, то есть всякий риск считают неприемлемым. Радикальная версия принципа может быть серьезным препятствием на пути к открытиям, которые имеют для нас первостепенное значение. В опросе общественного мнения, проведенном в 2003 году, многим ученым был задан вопрос, какие достижения медицины, технологии или науки, по их мнению, могли бы не воплотиться в жизнь, если бы наукой управлял принцип предотвращения¹⁵³. В списке среди прочего фигурировали антибиотики, аспирин, автомобили, переливание крови, электричество, самолеты, хлор, лампы накаливания, трансплантация органов, полеты в космос, противозачаточные таблетки, радиолокатор, радио, рентгеновское излучение, поезда и вакцины. Правда, тогда в основу был положен весьма жесткий вариант принципа, но так или иначе это показывает проблематичность его базовой негативной направленности.

Принцип предотвращения не является безвредным. Чем больше предосторожности, тем чаще мы станем принимать меры по предотвращению ущерба и вреда, который никогда не был бы причинен. Все эти меры требуют затрат, поэто-

му останется меньше ресурсов для других вещей. Если исходить из радикального варианта принципа и применять его не тогда, когда есть риск масштаба катастрофы, а в отношении всевозможных ситуаций, при которых может возникнуть угроза здоровью или нанесен вред окружающей среде, то потенциальные общественно-экономические затраты должны быть просто астрономическими. С другой стороны, если применять принцип в тех случаях, когда есть риск масштаба катастрофы, то необходимость в его использовании будет появляться крайне редко, ведь потенциальных рисков такого масштаба существует не так много.

При полноценном анализе степени риска необходимо учитывать не только потенциальный вред использования новой технологии, но и потенциальный вред ее *неиспользования*. Например, при доскональной проверке и испытании спасительного лекарственного препарата может возникнуть риск, что пациенты умрут, не дождавшись разрешения и допуска этого препарата к производству. Предосторожность в действительности означает учет как преимуществ, так и недостатков, но это, в сущности, и есть самая обычная оценка всех «за» и «против».

Стремление избежать опасности часто порождает новую, более серьезную опасность. Проблема в том, что, сосредоточившись на вредном

воздействии определенной практики применения, мы забываем о полезной стороне этой практики. Фиксация на потенциальных опасностях, связанных с использованием некоего продукта, может иметь тяжелые последствия. Ответственная оценка рисков должна учитывать также и опасности, связанные с неиспользованием продукта. Пример, который часто приводится, это эпидемия холеры, вспыхнувшая в Перу в 1991 году, тогда заболели 700 000 человек, тысячи человек умерли, и причина тому – прекращение хлорирования воды во избежание вредных воздействий, которые может оказывать хлор¹⁵⁴. Еще более вопиющий пример связан со средством для уничтожения насекомых – ДДТ. Это очень токсичное вещество, устойчивое к разложению. Оно было синтезировано уже в 1874 году, но его инсектицидные свойства не были обнаружены вплоть до первой половины прошлого века. Несмотря на отсутствие научно подтвержденных данных о том, что ДДТ представляет серьезную опасность для человека, защитники окружающей среды выдвинули требование запретить использование ДДТ во многих странах, в том числе и в Норвегии. Целью было «предотвратить» угрозу, которую могло представлять использование ДДТ. В нашей части света запрет не повлек за собой серьезных последствий, однако многие

страны и международные организации оказывали давление на развивающиеся страны, чтобы и там использование ДДТ было прекращено. Что плохого в том, что использование ДДТ было резко сокращено? Дело в том, что ДДТ является дешевым средством, в процессе применения показавшим свою высокую эффективность в борьбе с москитами, разносчиками малярии¹⁵⁵. Когда сократилось применение ДДТ, москиты появились вновь, а с ними и малярия, это привело к тому, что множество людей заболели и умирали. Сколько человек умерло? Трудно сказать. Обычно называют число, близкое к 50 миллионам человек, но по некоторым оценкам, до 90 миллионов. ДДТ вовсе не является чудо-средством, и во многих областях у москитов выработалась устойчивость к воздействию вещества, поэтому необходимо было искать другие пути решения проблемы. Но, как бы там ни было, совершенно очевидно, что кампания против ДДТ привела к огромным человеческим потерям.

Как мы знаем, также и многие достижения, столь для нас полезные, возможно, не состоялись бы, будь принцип предотвращения поставлен во главу угла. То же самое, разумеется, можно сказать о сегодняшних и завтрашних открытиях. Чем пользоваться принципом по всякому поводу, надо, судя по всему, применять его в весьма ограничен-

ной степени, только в легком варианте и когда сомнения или опасения вполне обоснованы. В сущности, надо быть очень осторожным с предосторожностями.

В мире-предупреждении будущее определяется опасностями, а не возможностями. Будущие угрозы становятся причиной для изменений, затрагивающие день сегодняшний. Мы живем с *телосом*, все время направленным на катастрофу. Предотвратишь одну опасность, и всегда найдется бесконечное множество новых опасностей, за которые можно ухватиться. Борьба со всевозможными угрозами может разрастись до немыслимых масштабов. Страхом, как правило, порождается консерватизм. Изменения воспринимаются как риск и, соответственно, считаются опасными. Всякое изменение может стать изменением к худшему. Социолог Франк Фуреди описывает это как «консервативность страха»¹⁵⁶. Такая политика противодействует переменам – она поддерживает *статус кво*. Она принимает изменение, если это изменение ведет *назад* к «истокам». Это важная причина, по которой политический ландшафт становится таким причудливым, бывшие «радикальные» силы превращаются в весьма «консервативные», в то время как бывшие «консерваторы» вдруг становятся «радикальными». Фуреди пишет о «радикальном» движении:

Да, они радикальны, но их радикализм противоположен изменениям. Страх перед будущим и перед последствиями изменений – вот на чем формируются представления движения. Эмос устойчивости, догма принципа предупреждения, идеализация природы, «органического» – все выражает мизантропическое недоверие к человеческому честолюбию и экспериментированию¹⁵⁷.

Недоверие прежде всего вызывают изменения, предлагаемые капитализмом и наукой. Мы выбираем стратегию минимизации зла, а не содействия благу. Во многом это разумная стратегия, однако это не значит, что она должна быть *единственной*.

Обществовед Франсуа Эвальд отмечает, что фиксация на риске все прочнее укрепляется в умах, имеет тенденцию к распространению, охватывает все вокруг и порождает превентивную политику¹⁵⁸. Такая политика направлена на предотвращение не только насущных опасностей, но также и потенциальных – а таковых существует бесконечное множество. Эвальд пишет:

Риск обрел своего рода онтологический статус. Отныне жизнь отмечена фундаментальной незащищенностью. Смерть находится уже не по ту сторону жизни. Скорее, она вписана в жизнь, она сопутствует жизни в обличье риска – начиная с микроскопического риска, связанного с тем

или иным загрязняющим веществом, заканчивая тотальным риском угрозы катастрофы или ядерной угрозы. Но вот в чем разница: риск является не просто виртуальной угрозой или предполагаемой возможностью; он полностью воплощен в реальности. Риск имитирует действительное, измеряемое присутствие того, что так или иначе есть не более чем предположение. Это новое отношение жизни к самой себе и к смерти, несомненно, может породить страх и некую коллективную и индивидуальную одержимость защитой¹⁵⁹.

Не существует объективных стандартов допустимого уровня риска – это прагматический вопрос. Проблема в том, что требования надежности можно повышать до бесконечности, при этом принимая все больше мер предосторожности, но это подчас ограничивает нашу свободу и наши действия, что не может не отразиться на качестве жизни.

Как отмечает Эвальд, одержимость риском в то же время предлагает новые возможности для того, чтобы *жить* с риском, использовать его для придания жизни новой остроты. Многие люди сознательно ищут ситуаций, при которых, в том или ином смысле, начинают испытывать страх. Коротче говоря, страх может обладать изрядной притягательностью.

ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ
СТРАХА

*A frightening world
is an interesting world to be in
in the Forbidden City
or on The Roof of the World
or at the receiving end
of the nine o'clock news
However you put your mind to it
you can find fear where you choose**
Magazine: «Because Your Frightened»,
The Correct Use of Soap (1980)

Ницше сетует на то, что мир утратил свой шарм, поскольку мы уже недостаточно его боимся¹⁶⁰. Этот диагноз в наше время неактуален. Впрочем, расцвет культуры страха едва ли привнес в мир особый шарм. Тем не менее, учитывая исконное значение слова «шарм», Ницше прав в том, что касается взаимосвязи страха и шарма. Слово «шарм» происходит от латинского *carmen*, то есть «волшебная песнь» и обозначает притягательность. Мир, лишенный всякого страха, кажется абсолютно неинтересным. Он напоминает общество, описанное Ником Кейвом в песне «God is in the House» (2001):

Well-meaning little therapists
Goose-stepping twelve-stepping

Tetotalitarianists
The tipsy, the reeling and the drop down pissed
We got no time for that stuff here
Zero crime and no fear
We've bred all our kittens white
So you can see them in the night
And at night we're on our knees
As quiet as a mouse
Since the word got out
From the North down to the South
For no-one's left in doubt
There's no fear about
If we all hold hands and very quietly shout
Hallelujah

Страх насыщает мир красками. Мир без страха, вероятно, был бы убийственно скучным. В этом смысле страх, несомненно, обладает привлекательностью. С точки зрения биохимии страх близок к любопытству, и это, пожалуй, может быть веской причиной увлекательности остросюжетных фильмов и захватывающих переживаний. Романы, фильмы и телесериалы, которые держат читателя или зрителя в напряжении и нагоняют на него страх, являются одними из самых популярных. Писатель Стивен Кинг, должно быть, продал около 250 миллионов экземпляров своих романов. Подобная зачарованность ужасающим, разумеется, не является неким новым феноменом. Мы можем найти такие примеры, как в античном, так и в средневековом искусстве и литературе. Однако лишь с середины восемнадцатого века и да-

лее ужасающее стало центральной эстетической категорией, не в последнюю очередь благодаря культуре готического романа¹⁶¹.

Бесспорно, есть что-то сладостное в том, чтобы быть напуганным романом, фильмом или компьютерной игрой почти до потери сознания. После того как начитаешься и насмотришься всякого, кажется, что наступает пресыщение и ничто уже не способно вызвать такой же эффект, но вот появляется что-то новое, уводящее в еще неизведанные лабиринты страха. В юности, закрывшись в своей комнате, я зачитывался рассказами Эдгара Аллана По и Г.Ф. Лавкрафта, и это было серьезным испытанием для нервов – я был так напуган, что едва осмеливался перевернуть страницу, но все же не мог оторваться от чтения. Помню, когда вышел фильм *«Молчание ягнят»* (1991), я смотрел его в кино и сидел как на иголках. *«Чужой»* (1979) Ридли Скотта напугал меня до смерти, ведь я был слишком мал, и то, что чудовище, придуманное художником Г.Р. Гигером, лишь упоминалось на протяжении большей части фильма, только усиливало страх. Компьютерные игры могут оказывать более мощное воздействие, чем книги и фильмы, поскольку, начав игру, сам попадаешь в вымышленную реальность, участвуешь в происходящем, и, например, во время игры серии *«Сайлент Хилл»* волосы на моих руках стоя-

ли дыбом несколько часов кряду, казалось, они навсегда останутся в таком положении. Немногие эстетические переживания могут сравниться с переживанием такого глубокого, пронизывающего, неподдельного ужаса.

Почему же все-таки нас так привлекают подобные фильмы и т. п., если мы обычно остерегаемся того, что нас пугает? Как было отмечено ранее, типичной реакцией страха является стремление оказаться как можно дальше от пугающего объекта, но в данном случае мы сознательно его ищем. Причина, по которой мы это делаем, заключается в том, что эти впечатления тем или иным способом вызывают в нас позитивные чувства и удовлетворяют потребность в эмоциональных переживаниях. Испытывая сильное эмоциональное воздействие, мы полнее ощущаем жизнь. Бывает мучительно сознавать, что жизнь не наполнена чувствами, что в жизни больше нет страсти. В такой ситуации чувства, которые изначально негативны, воспринимаются как позитивная альтернатива этой пустоте. Уоррен Зевон точно передал это в песне «Ain't That Pretty At All» (1982).

Well, I've seen all there is to see
And I've heard all they have to say
I've done everything I wanted to do...
I've done that too
And it ain't that pretty at all
Ain't that pretty at all

So I'm going to hurl myself against the wall
'Cause I'd rather feel bad than not feel anything
at all

Но почему мы ищем именно негативных чувств, ведь так или иначе существует масса возможностей испытать позитивные? Почему чувство страха так притягательно, несмотря на то, что спектр наших эмоциональных проявлений довольно богат и включает в себя множество других чувств, которые, надо думать, изначально обладают гораздо большей притягательностью? Вероятно, это во многом связано с потребностью использовать *весь* имеющийся в нас регистр чувств, и страх, который вызывает вымысел, экстремальный спорт и многое другое, как раз избавляет от скуки повседневности. На первый взгляд это не согласуется с утверждением, что все мы живем в культуре страха. Если мы принадлежим культуре где, как правило, большинство явлений воспринимается через призму страха, то всё это добровольное потребление страха является избыточным. Однако ранее я отмечал, что тот страх, которым мы в основном окружены в этой культуре, есть «страх слабой интенсивности». Это не такой страх, который вызывает ошеломительный эффект и заставляет тело полностью мобилизоваться. Скорее, его можно определить как непрерывный, слабый «гул», но он тем не менее застав-

ляет нас защищаться, кутаться и отгораживаться от окружающего мира. В этом случае все больше разрастающаяся скука, может быть, во многом обязана культуре страха. Более интенсивное переживание страха воспринимается как лекарство или по меньшей мере временное избавление от скуки. Внушающее страх воспринимается как нечто *иное* и, таким образом, противодействует скучной повседневности. Скука подталкивает к необычайному.

Просмотр фильма ужасов или наводящая страх игра с компьютером – это безопасные способы пережить опасность. Оскар Уайльд пишет о том, что в искусстве отражается реальность, т. е. жизнь, но не в полной мере, это отражение не может нас ранить. Поэтому искусство превосходит жизнь:

*Потому, что искусство не причиняет вреда. Слезы, выступающие на глаза, пока мы смотрим драму, – это проявление утонченных, бесплодных чувств, разбудить которые и есть задача искусства. Мы плачем, но мы невредимы... Печаль, которой наполняет нас искусство, отчищает и возвышает... В искусстве, и только в искусстве, мы можем найти защиту от подлинных омерзительных опасностей действительности*¹⁶².

Искусство для Уайльда – это особое измерение, там мы можем переживать чувства, насыща-

ющие жизнь, но при этом не обязаны платить ту цену, которую подчас за них назначает реальная жизнь. Вымыслы, в которых присутствует насилие или которые внушают страх, могут быть эффективным вспомогательным средством при работе с чувствами. Дети тоже могут извлечь из них пользу, научившись справляться со своим страхом¹⁶³. Однако мы стремимся получить такой опыт не потому, что считаем его полезным, способным помочь нам в жизни, а просто потому, что он продуктивен сам по себе.

Причина такой эстетической реакции, некоей радости от того, чего мы в то же время боимся, зачастую заключается в чем-то дурном. Жан Жене начинает автобиографический «Дневник вора» (1949) с утверждения, что он был движим «любовью к тому, что зовется злом»¹⁶⁴. Он хочет «найти новый рай», «заставив признать зло в невинном обличье»¹⁶⁵. Главное в том, прекрасен ли поступок, т. е. этическое подчинено эстетическому¹⁶⁶. Он пишет, что всякий поступок, в том числе и предательство, может быть прекрасным. И всякое возражение по поводу того, что поступок аморален, будет совершенно бесполезно, поскольку этическим суждением не просто перекрыть эстетическое. Жене пишет:

Добрая воля всех моралистов разбивается о то, что они называют моей злонамеренно-

*стью. Если они могут мне доказать, что преступление отвратительно в силу зла, которое оно причиняет, то я один способен судить по песне, которую оно из меня исторгает, об изяществе и красоте преступления; я сам волен его отвергнуть или признать. Никто не сумеет меня вернуть на правильный путь*¹⁶⁷.

Жене следует в этом, в частности, за Бодлером. В черновом варианте предисловия к *«Цветам зла»* (1857) Бодлер писал о своем намерении «выявить прекрасное во зле»¹⁶⁸. Прекрасным можно сделать все, но Бодлер прежде всего связывает прекрасное со злом и пишет, что убийство – излюбленное украшение красоты¹⁶⁹. Мораль подчиняется эстетике, добро и зло рассматриваются лишь как категории эстетики: «в самом скверном мы способны найти очарование»¹⁷⁰. В дневниках Бодлер пишет, что «идеальный образец мужской красоты – это *Сатана*»¹⁷¹.

Еще до Бодлера подобные мысли были высказаны Томасом Де Квинси в эссе «Убийство как одно из изящных искусств» (1827)¹⁷². Шокирует призыв Де Квинси рассматривать убийство не как объект нравственной сферы, а с точки зрения эстетики, т. е. в категориях вкуса¹⁷³. Тот факт, что «Убийство как одно из изящных искусств» в то же время является сатирой, по сути, не оправдывает такую позицию. Однако Де Квинси развивал идеи,

встречающиеся у Эдмунда Бёрка и Эммауила Канта. В своем исследовании прекрасного и возвышенного Бёрк пишет, что если представить себе, что идет премьера наиболее возвышенной и берущей за душу трагедии с участием лучших, блестящих актеров, создана роскошная сценография и подобрана самая изысканная музыка, но зрителей оповещают о том, что на соседней площади состоится казнь государственного преступника высокого ранга, то, утверждает Бёрк, театр опустеет через минуту¹⁷⁴. Пожалуй, в этом он прав. Можно предположить, что все эти люди сбегутся на публичную казнь, руководствуясь жесткими нравственными принципами, желая быть свидетелями свершающегося правосудия. Однако особенно убедительным это предположение не назовешь. Вероятно, что-то другое привлечет их к месту казни. Бёрк утверждает, что мы испытываем удовлетворение, глядя на то, чего мы не только никогда не сделали бы сами, но предпочли бы, чтобы это вообще не было сделано¹⁷⁵. Другими словами, он утверждает, что между эстетическим и нравственным восприятием определенных событий существует противоречие. Тем не менее наиболее значимый вывод, который можно сделать из приведенного выше примера, заключается в том, что грандиозность реальных событий превосходит возвышенное искусство.

Бёрк указал на существование источника эстетического наслаждения, которое в корне отличается от удовольствия, получаемого при виде прекрасного, наслаждения темного, аморального и асоциального. Он отмечает, что сильнейшие эмоциональные потрясения, которые мы испытываем, связаны с ощущением угрозы. Именно из этого ощущения вырастает чувство возвышенного¹⁷⁶. Тем не менее реальный страх и чувство возвышенного – это не одно и то же. Если мы поймем, что жизни или здоровью угрожает реальная опасность, то не будем способны испытывать какое-либо удовольствие – нам будет просто-напросто страшно. Например, торнадо может быть грандиозным зрелищем, если находишься от него на безопасном расстоянии, там, где можно не бояться быть затянутым в его мощный вихрь. Если присутствует элемент отстраненности и мы чувствуем себя в относительной безопасности, все меняется, и для нас открывается чувство возвышенного. Но страх также должен иметь место, поскольку он является основополагающим принципом возвышенного¹⁷⁷. Основной предпосылкой Бёрка, таким образом, является то, что страх вызывает удовольствие, если не слишком близко к нам подбирается¹⁷⁸.

Описание прекрасного в начале первой элегии Дуинских элегий (1923) Райнера Марии

Рильке есть в действительности описание возвышенного.

*Красота – преддверие ужаса,
Красотой восхищаемся мы лишь потому,
что она не снизошла до того, чтобы нас уничтожить*¹⁷⁹.

В первом сочинении Канта о прекрасном и возвышенном можно найти много мыслей, встречающихся также и у Бёрка, хотя, несомненно, Кант не отводит такой значимой роли «ужасно-возвышенному» (*das Schreckhaft-Erhabene*), как Бёрк¹⁸⁰. Кроме того, он не рассматривает страх как необходимое условие возникновения чувства возвышенного. В *«Критике способности суждения»*, изданной 26 годами позже, различия в воззрениях Бёрка и Канта становятся более очевидными. Прежде чем перейти непосредственно к этим различиям, остановимся на позиции Канта в отношении возвышенного. Чувствовать возвышенное значит чувствовать себя почти полностью раздавленным. Когда воображение проигрывает реальности, остается восхищение или уважение к чему-то *великому*. Кант различает две формы возвышенного: математически возвышенное и динамически возвышенное. Математически возвышенное возникает просто как реакция на огромные масштабы, присутствующие в природе, речь идет о горах, океане, космосе. Эти объекты так ве-

лики, что мы не в состоянии их постичь. Динамически возвышенное относится к необузданной силе природы, которая легко может нас уничтожить, как, например, буря. Кант утверждает, что первоначальный ужас от возвышенного изменяется, когда мы достигаем осознания возвышенного в нас самих, т. е. разума, и поэтому суждение переходит в удовольствие. Таким образом, можно сказать, что возвышенное является просто косвенным источником удовольствия, как это понимает Кант, удовольствие возникает не из самого по себе восприятия необузданности или бескрайности, а, скорее, как результат осознания разумом того, что сам он превосходит даже то, что воспринимает. С этой точки зрения, строго говоря, возвышенным является не объект, а субъект наблюдения.

Возвышенное, согласно Канту, пробуждает в нас «негативное удовольствие», оно и притягивает, и отталкивает¹⁸¹. Сущность возвышенного он излагает в следующем отрывке:

Дерзко нависшие, как бы грозящие скалы, громоздящиеся по небу тучи, надвигающиеся с громом и молнией, вулканы во всей их разрушительной силе, ураганы, оставляющие за собой опустошения, бескрайний, взбушевавшийся океан, огромный водопад многоводной реки и т. п. – все они делают нашу способность к сопротивлению им ничтожно малой в сравнении с их силой.

Но чем страшнее их вид, тем приятнее смотреть на них, если только мы сами находимся в безопасности; и эти предметы мы охотно называем возвышенными, потому что они увеличивают душевную силу сверх обычного и позволяют обнаружить в себе совершенно другого рода способность сопротивления, которая дает нам мужество помериться силами с кажущимся всемогуществом природы¹⁸⁸.

Основное отличие в воззрениях Канта и Бёрка заключается в той роли, которая отводится страху в переживании возвышенного. Как показано выше, Бёрк утверждает, что необходимо чувствовать себя в безопасности, но при этом субъект должен быть почти полностью охвачен чувством страха. Бёрк отмечает, что сознание заполняется объектом, вызывающим страх, настолько, что для какой-либо другой мысли просто не остается места¹⁸³. Субъект представляет собой более или менее пассивного созерцателя чего-то могущественного. Кант предполагает куда большую отстраненность, считая, что возвышенное возникает только тогда, когда это могущественное преодолено разумом человека, что утверждает его свободу от могущественного и угрожающего. Именно это преодоление вызывает удовольствие, в то время как первое ошеломляющее чувство является неприятным. Кант пишет, что испытываю-

щий страх не может судить о возвышенном: «избегает смотреть на предмет, который наводит на него страх; и невозможно находить удовольствие в страхе, если его действительно испытывают»¹⁸⁴. Страх, связанный с возвышенным, не является подлинным страхом:

*Удивление, которое граничит с испугом, ужас и священный трепет, которые охватывают зрителя... если он знает, что находится в безопасности, не есть действительный страх, а только попытка вникнуть во все это воображением, чтобы почувствовать силу этой же способности, соединить вызванное этим волнение души со спокойным ее состоянием...*¹⁸⁵

Можно сказать, что возвышенное появляется только тогда, когда устрашающее, в определенном смысле, взято под контроль. Получение удовольствия связывается не с опасностью, а, скорее, с «избавлением от опасности»¹⁸⁶. Таким образом, степень отстраненности в воззрениях Канта и Бёрка не одна и та же.

Де Квинси идет дальше Бёрка и Канта в размышлениях о возвышенном. Если ярость природы может послужить источником эстетического переживания, то почему же людская жестокость и насилие, которые, вероятно, внушают больший страх, также не могут стать источником эстетического переживания? Насилие обладает собствен-

ной притягательностью. Можно утверждать, что насилие отвратительно, но в то же время признавать, что насилие возвышенно. Оба эти суждения правомерны. В обоих случаях речь идет о вкусовых предпочтениях, а эстетический вкус не обязательно должен подчиняться нашим нравственным оценкам. Это не значит, что нравственные оценки никогда не соотносятся с эстетическими суждениями об объекте или событии, просто они могут не совпадать.

Трудно себе представить какой-либо поступок, совершенный человеком, который более походил бы на возвышенное, чем убийство, как раз по причине его радикальной трансцендентности и ужасающей сути. Пример публичной казни, приведенный Бёрком, говорит о том, что он допускал такую возможность, хотя и не стал развивать эту мысль. Кант, напротив, придает возвышенному совсем иной характер. Правда, он считает, что война может содержать в себе нечто возвышенное, однако это упорядоченная и контролируемая война: «Даже война, если она ведется правильно и со строгим соблюдением гражданских прав, содержит в себе нечто возвышенное...»¹⁸⁷ Можно задаться вопросом, насколько это соответствует действительности. Может ли война, ведущаяся без соблюдения прав индивида, быть *более* возвышенной? Приведем в качестве

примера слова американского солдата, который воевал во Вьетнаме, он рассказывает о мысли, поразившей его, когда он стоял, глядя на трупы северовьетнамских солдат:

Это был один из тех моментов, когда я оказался за гранью человеческого, смотрел в бездну и наслаждался тем, что видел. Я отдался во власть эстетики, отделяющей от определяющей способности к сопереживанию, позволяющей нам чувствовать страдания других. И я увидел красоту, приводящую в ужас. Война не только отвратительна, война – это свершение сокрушительной и искушающей красоты¹⁸⁸.

Кант, пожалуй, не назвал бы это возвышенным, скорее, определил бы как «грандиозное»¹⁸⁹. Бёрк, напротив, вполне мог бы утверждать, что американский солдат испытал чувство возвышенного. По сути, Кант связывает возвышенное с природой, хотя он и упоминает о некоторых плодах человеческого бытия, таких, как египетские пирамиды, собор Святого Петра в Риме и война. Вероятно, этим вызвана ирония, с которой Дон Делилло характеризует ядовитое облако как феномен возвышенного в нижеприведенном отрывке из романа «Белый шум»:

Громадная черная туча плыла, словно некий корабль смерти из скандинавской легенды, сопровождаемый во мраке ночи существами в доспе-

хах с вертолетными винтами. Мы растерялись, не зная, как на все это реагировать. Зрелище внушало ужас – так близко, так низко проплывало облако, полное хлоридов, бензолов, фенолов, углеводов и прочих, неизвестно каких именно, ядовитых веществ. Но в то же время от него захватывало дух, оно было такой же частью грандиозного массового представления, как яркая сцена на сортировочной станции или люди, устало бредущие по заметенному снегом пути-проводу с детьми, продуктами, вещами – армия бесприютных и обездоленных, отмеченная печатью трагедии. К нашему страху примешивался благоговейный трепет, почти священный. Несомненно, явление, представляющее собой угрозу для жизни, может внушать благоговение, казаться некой космической силой, гораздо величественнее человека, более могучей, рожденной в непоколебимой гармонии стихий. Смерть, созданная в лаборатории, получившая точное определение и поддающаяся измерению, но в тот момент мы наивно, примитивно представляли ее себе неким сезонным вывертом природы, так же не зависящим от человека, как наводнение или смерч. По-видимому, наша беспомощность несовместима с понятием рукотворного явления¹⁹⁰.

Кант, наверное, и это облако отнес бы в категорию «грандиозное», как и убийство. Ему были

бы совершенно чужды слова Ницше о том, что гибнущий мир может вызвать наслаждение и чувство возвышенного¹⁹¹. Таким образом, Кант отходит от линии, намеченной Бёрком, которой четко придерживался Де Квинси, объявив человеческую деструктивность источником эстетического удовольствия.

Де Квинси позволяет эстетике взять верх над этикой, закрепив победу возвышенного над прекрасным. Преступления действуют завораживающе. Адам и Ева нарушают запрет Бога вкушать плоды с древа познания, а их сыновья Каин и Авель становятся соответственно первым убийцей и первой жертвой убийства. Литературные повествования о всевозможных преступлениях появились с возникновением самой литературы и зачастую были основаны на реальных событиях. Известные примеры таких сюжетов – «Опера нищего» (1728) Джона Гая, «Красное и черное» (1830) Стендаля и многие романы Достоевского. Однако надо заметить, что все они являются художественными произведениями. Мишель Фуко отмечает, что во времена Де Квинси появилась новая литература о преступлениях:

Появилась совершенно новая литература о преступлениях – литература, в которой преступление прославляется, но потому, что является одним из изящных искусств; пото-

му что может быть делом одних лишь исключительных натур; потому что показывает чудовищность и гнусность сильных мира сего; потому что злодейство – еще один вид привилегированности: от приключенческого романа до Де Квинси, от «Отрантского замка» до Бодлера происходит эстетическое переосмысление преступления, являющееся также присвоением преступности в приемлемых формах. По видимости – это открытие красоты и величия преступления, по сути же – утверждение, что величие тоже имеет право на преступление и даже что это право становится исключительной привилегией поистине великих. Великие убийства и вообще преступления – не для мелких правонарушителей¹⁹².

Произошла эстетизация преступности вообще. Уже в «Опере нищего» Джона Гей, которая позже легла в основу «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта, Пичем говорит: «Убийство – самое модное преступление, на какое только способен человек»¹⁹³. Эта эстетизация, впрочем, оставалась в области вымышленного. Де Квинси идет еще дальше. Он оценивает реальность как искусство и осмеливается возвести в степень наивысшего искусства самое невообразимое из всего, на что способен человек, убийство. Произведением искусства, таким образом, является не рассказ об убий-

стве, а *убийство* как таковое. Творцом становится не писатель, описывающий убийство, а сам убийца. Де Квинси заходит гораздо дальше, например, Фридриха Шиллера, который писал, что убийство более эстетично, чем воровство, хотя Шиллер все-таки подразумевал измерения вымышленного¹⁹⁴. Ничто не указывает на то, что Шиллер считал приемлемым отношение к реальному убийству как к произведению искусства.

Почему Де Квинси считает убийство произведением искусства, а убийцу художником? Потому что убийство вызывает у наблюдателя эстетическую реакцию, а все, что способно пробудить такой отклик, с точки зрения Де Квинси, по определению является искусством, а тот, кто создает произведения искусства, является художником. Как показал Бёрк на примере публичной казни, реальность сильнее вымысла, и реальное убийство вызывает более мощную эстетическую реакцию, чем убийство вымышленное. Поэтому убийца становится величайшим художником. Удовольствие, которое находит Де Квинси в убийстве, заключается не в страданиях жертвы, а в созерцании художника, который использует чужое тело как исходный материал для создания своего произведения. Из этого следует, что убийство не может восприниматься с позиции жертвы, оно должно восприниматься с позиции самого убий-

цы либо с позиции наблюдателя. При этом создается отстраненность, которая необходима для переживания возвышенного. Если на самом деле постараться представить себя на месте жертвы, страх станет всеобъемлющим, и никакое эстетическое переживание просто не сможет возникнуть. На это можно возразить, что Де Квинси создает чрезмерную отстраненность и что отсутствие отождествления с жертвой лишает наблюдателя того страха, который необходим для возникновения чувства возвышенного.

Композитор Карл-Хайнц Штокхаузен последовал традиции от Бёрка до Де Квинси, сказав, что террористическая атака на Всемирный торговый центр была величайшим произведением искусства. Бёрк, несомненно, счел бы атаку на башни-близнецы возвышенным¹⁹⁵, как и Де Квинси. Кант, напротив, исключил бы это событие из области возвышенного. Там, где Кант настаивает на взаимосвязи между этикой и эстетикой, благим и прекрасным, у Де Квинси обнаруживается большее отмежевание эстетики от этики. Он пишет, что мы должны оставить мораль и оценивать убийство с чисто эстетической точки зрения¹⁹⁶. Разрыв между этикой и эстетикой тем не менее не полный. Де Квинси утверждает, к примеру, что жертвой убийства должен быть «хороший человек», лучше, если у него есть семья, т. е. качество эстети-

ческого переживания обратно пропорционально нравственным качествам¹⁹⁷. Этика трансгрессии всегда предполагает мораль, ведь именно мораль делает возможным само нарушение. Другими словами, лишившись морали, этика трансгрессии остается без объекта. Эстетическое восприятие преступления не является независимым от нравственной позиции, оно обусловлено этой позицией. Тот факт, что некий поступок не соответствует нравственным или юридическим нормам, является важной предпосылкой качественности эстетического чувства, которое вызывает этот поступок.

Насилие может вызвать эстетическое удовольствие, даже если мы считаем, что оно неприемлемо с точки зрения нравственности. Конфликты ценностей в современном обществе происходят не только между различными социальными группами, – вероятно в равной степени можно говорить и о конфликтах внутри системы ценностей отдельной личности, например между нравственными ценностями и сферой эстетического. Разрешение конфликтов как между двумя различными группами, так и внутренних конфликтов личности путем обращения к нейтральной высшей инстанции является неэффективным.

Как правило, фильмы ужасов и наводящие страх компьютерные игры считают пошлостью,

я же, напротив, утверждаю, что именно они помогают нынешнему искусству приблизиться к возвышенному. Конечно, в основном, для этих жанров характерна продукция ужасающе низкого качества, однако то же самое можно сказать и о продукции, выпускаемой во всяком ином жанре, в то же время лучшее, что выпущено в жанре ужасов, ничем не уступает лучшим работам во всяком ином жанре. Можно подумать, что Беньямин Вальтер говорил о жанре ужасов, утверждая, что в современном мире искусство должно *шокировать*¹⁹⁸.

Нас может притягивать то, что нас отталкивает. Это отнюдь не новая мысль. Родоначальником «эстетики безобразного» считают ученика Гегеля Карла Розенкранца, во всяком случае, именно он впервые ее систематизировал¹⁹⁹. Правда, надо отметить, что Бёрк черным по белому писал о том, что безобразное вполне совместимо с идеей возвышенного²⁰⁰. Эта мысль главенствует еще в эстетике Аристотеля: «На что мы в действительности смотрим с отвращением, точнейшие изображения того мы рассматриваем с удовольствием, как, например, изображения отвратительных животных и трупов»²⁰¹. Само подражание, *мимесис*, как таковое является источником удовольствия. Еще одно важнейшее понятие эстетики Аристотеля – *катарсис*, которое обычно переводят как «очи-

щение» или «возвышение». Аристотель пишет, что трагедия есть подражание действию, «совершающее благодаря состраданию и страху очищение подобных аффектов»²⁰². Единого мнения в вопросе о том, как следует понимать *катарсис* в этом контексте, нет. Однако многие считают, что очищение имеет отношение к зрителю, а не к герою, изображаемому в трагедии, а также, что Аристотель придерживается аналогии с медициной, т. е. с избавлением организма человека от чего-либо вредоносного. С другой стороны, многие спорят о том, в какой мере он придерживался ранних представлений религиозного толка, согласно которым предметы или люди, подвергшиеся или совершившие действие, противоречащее некоему табу, были обязаны пройти ритуал очищения. Важным для нас является тот факт, что Аристотель отмечает благотворное воздействие на зрителя, если определенная сцена вызвала у него или у нее страх. В чем заключается это благотворное воздействие, неясно. Возможно, речь идет о своего рода эмоциональной разрядке, когда зритель избавляется от внутреннего напряжения, которое, не найдя выхода, могло бы иметь антиобщественное проявление. Другое толкование может быть связано с более глубокой проработкой чувств. Если понимать поэтику Аристотеля через призму его этики, то *катарсис*

можно истолковать как способ нравственного воспитания. Цель нравственного воспитания – достичь согласованности между чувствами и разумом. Аристотель отмечает, что нравственное воспитание в значительной мере заключается в умении чувствовать то, что следует, так, как следует, тогда, когда следует²⁰³. Мы должны научиться так обходиться со своими чувствами, чтобы они не мешали нам правильно понять ситуацию, а также побудили нас действовать в соответствии с этим пониманием. Применительно к страху *катарсис* должен научить нас, чего именно, как именно и когда именно, нам следует бояться. Самого по себе текста «Поэтики» недостаточно для того, чтобы точно определить, какой смысл Аристотель вкладывает в это понятие, однако по меньшей мере можно с уверенностью сказать, что он придавал большое значение эстетическому переживанию страха. Впрочем, позднее Де Квинси апеллирует к Аристотелю: «Конечная цель убийства, рассматриваемого как вид искусства, та же самая, что и у трагедии в трактовке Аристотеля, а именно “очищать сердце благодаря состраданию и страху”»²⁰⁴.

Парадоксально, что мы фактически ощущаем радость, сосредотачиваясь на объектах, пробуждающих в нас чувство страха, которого мы обычно стараемся избежать²⁰⁵. Мы испытыва-

ем то, что можно назвать страхом, взятым напрокат, когда кто-то другой – вымышленный или реальный – находится в ситуации, которая вызывает страх, а мы разделяем этот страх, глядя со стороны. Другими словами, мы получаем возможность пережить экстремальную ситуацию, не подвергая себя реальной опасности. Таким образом, мы обращаемся к тем сторонам нашей эмоциональной жизни, которые, как правило, не открываются нам в повседневности. Одновременно имеют место сразу две роли, когда в определенном смысле существуешь в повествовании, фильме или компьютерной игре, но в то же время находишься вовне и можешь в любой момент остановить события, закрыв книгу или выключив телевизор. Говоря иначе, события находятся под нашим контролем.

Однако многим нравится подвергать себя реальной опасности, правда относительно контролируемой. Другими словами, мы перестаем быть зрителями и становимся участниками. В качестве примера можно привести так называемый экстремальный спорт. Сейчас всякий вид спорта сопряжен с риском, в Норвегии спортивные травмы составляют 17 % общего количества связанных с травмами обращений в службу «скорой помощи» и в хирургические отделения больниц²⁰⁶. Страховые компании, спе-

циализирующиеся на страховании спортсменов, также отмечают значительное увеличение случаев с летальным исходом²⁰⁷. Тем не менее экстремальный спорт отличается тем, что опасность, которая с ним связана, притягивает. Создается впечатление, что удовлетворение, получаемое от занятия экстремальным спортом, прямо пропорционально градусу опасности. Когда существует опасность не просто покалечиться, но и умереть, на жизнь начинаешь смотреть по-другому. В то же время важно, чтобы сам спортсмен-экстремал не был бы полностью зависим от обстоятельств, а чувствовал, что управляет ситуацией. Социолог и антрополог Давид Ле Бретон утверждает, что экстремал совершает более или менее контролируемое путешествие в царство смерти и возвращается с трофеем, который является не вещью, а знанием жизни в ее полноте²⁰⁸. Без элемента опасности впечатления просто не давали бы такого ощущения удовлетворенности. Уязвимость тела играет ключевую роль.

Я не вижу причин, по которым подобная деятельность не должна быть включена в эстетику возвышенного. Как указывал Морис Мерло-Понти, телесное является условием для переживания всякого эстетического опыта, в том числе когда мы смотрим на картину и т. п.²⁰⁹ Однако в занятиях экстремальными видами спорта

зависимость от тела является значительно большей. Тогда как в эстетике принято уделять особое внимание способности видеть, Бёрк, в своей трактовке возвышенного, вносит важный нетрадиционный элемент значимости телесного вообще²¹⁰. Он также прочно связывает возвышенное с мыслью о выживании, из этого можно сделать вывод, что эстетическое переживание, согласно его видению, не предполагает незаинтересованности, которая является одной из главных составляющих эстетики Нового времени, в особенности эстетики Канта. Напротив, чувство возвышенного становится неразрывно связанным с интересами выживания. С этой точки зрения вовсе не желание умереть толкает людей заниматься деятельностью, сопряженной с высокой степенью риска, а наоборот – ими движет желание *не умирать*. Другими словами, в занятиях экстремальными видами спорта проявляется оптимистичное восприятие действительности. Именно заинтересованность в продолжении жизни наделяет переживание силой. Занятия такого типа являются привлекательными потому, что страх, который им сопутствует, всякий раз заставляет остро чувствовать жизнь.

Это относится и к ситуациям, в которых оказываешься не по своей воле, что хорошо иллюстрирует роман и фильм «*Бойцовский клуб*»

(1996/1999): Раймонду К.К. Хесселю, работающему в небольшом магазине, бросившему учебу и, по всей видимости, махнувшему рукой на свою жизнь, однажды приставили пистолет к голове и сообщили, что жить ему осталось всего несколько секунд. Именно так главный герой Тайлер Дерден пытается применить экзистенциальную педагогику, сделать так, чтобы страх смерти заставил Хесселя посмотреть на жизнь по-новому, увидеть ее действительную ценность. Убрав пистолет от головы Хесселя, уходя прочь, Дерден думает: «Раймонд К.К. Хессель, завтра ты проснешься и съешь самый вкусный завтрак в своей жизни и проживешь день, который запомнишь навсегда»²¹¹. Также и Я-личность романа подвергается методам той же педагогики: после рискованной поездки на машине, закончившейся столкновением, он слышит: «Мы были на волосок от жизни»²¹². Вслед за Джоном Локком мы можем сказать, что страх дает нам импульс к жизни – без него мы увязли бы в бездействии²¹³.

Трудно себе представить, чтобы жизнь в мире, начисто лишенном страха, была особенно увлекательна и интересна. При условии относительной безопасности бытия страх может избавить от скуки. Едва ли эта мысль может быть выражена лучше, чем в песне Джона Кейла «Fear» (is a man's best friend) 1974 года:

We're already dead, just not yet in the ground
Take my helping hand I'll show you around
You know it makes sense, don't even think
about it
Life and death are just things you do when
you're bored
Say fear's a man's best friend
You add it up it brings you down

Чувство страха может действовать воодушевляющее. Как отмечает историк религии Жан Делюмо в масштабном труде о страхе и грехе в западной культуре XIII–XVIII веков, страх имеет две стороны, т. е. может быть деструктивным или конструктивным: он может тебя сломать или открыть для тебя новый, лучший мир²¹⁴.

СТРАХ И ДОВЕРИЕ

*Maximus: Do you remember wha
It was to have trust, Proximo?*

*Proximo: Trust?**

Гладиатор (2000)

Who put this thing together?

*Me, that's who! Who do I trust? Me!****

Тони Монтана. Лицо со шрамом (1983)

Как правило, мы стараемся дистанцироваться от объекта, вызывающего страх. Поэтому культура страха является культурой растущего расстояния, и, таким образом, эта культура может подорвать то доверие, которое многие философы, теологи и социологи считают одной из основополагающих черт, характеризующих отношение людей друг к другу.

В «*Den etiske fordring*» (Требование этики) (1956) датский философ и теолог К.Е. Легстрюп пишет:

Жизнь человека отличается естественное доверие, обычно присутствующее в нашем отношении друг к другу. То же доверие питаем мы и к незнакомцу. Человек должен дать нам повод,

чтобы мы начали его подозревать. Мы изначально верим словам друг друга, мы наперед доверяем друг другу. Возможно, это покажется странным, но именно это присуще человеку. Вести себя иначе значило бы предать жизнь. Мы просто не смогли бы нормально жить, наша жизнь поблекла бы, она была бы искалечена, если бы мы изначально относились друг к другу с недоверием, подозревали бы другого в воровстве и во лжи, притворялись бы и дурачили других. ... А оказать доверие было бы все равно что выдать себя²¹⁵.

Легстриуп считает доверие основополагающей чертой, присущей самой человеческой природе, т. е. тем, без чего, в сущности, немислима жизнь человека. С этой точки зрения акт доверия не является принятым решением, скорее, оно всегда присутствует заранее, априори всякого суждения о выгоде или ущербе. Доверие дано нам изначально, поэтому, чтобы оно сменилось недоверием, требуются определенные условия. В каком-то смысле это очевидно: о недоверии вообще не могло бы быть речи, если бы не было фундаментальной основы доверия.

Ежедневно мы полагаемся на других людей практически постоянно, мы полагаем, что еда, которую нам подают, не отравлена, что нам говорят правду, что нас не пытаются надуть, и т. п. Случается, что наше доверие обманывают, но та-

кие ситуации являются, скорее, исключением. Не имея доверия, было бы невозможно сделать хоть что-нибудь. Представьте себе, что вам надо рассчитать все риски, которые могут возникнуть в течение дня, чтобы застраховать себя от нежелательного развития событий. Вы едва ли сможете выйти за порог собственного дома, скорее, вы проведете весь день, просчитывая риски, связанные с самыми тривиальными, рутинными занятиями, с которыми необходимо разделаться, прежде чем показаться на людях. Недостаток доверия имеет совершенно очевидное следствие – предполагающее доверие поведение сходит на нет.

Парадигматическим образцом доверия служат отношения между двумя людьми, но мы также можем доверять животным, сообществам, общественным институтам и т. п. Мы можем наблюдать растущее недоверие к целому ряду институтов, ранее пользовавшихся полным доверием, таким, как наука и здравоохранение. Практически ежедневно публикуются результаты опросов, подтверждающие потерю доверия к представителям той или иной профессии, организации, социальному институту и т. д. Однако больше всего поражает резкое увеличение применения разного рода мер безопасности, таких, как сигнализация и кодовые замки в домах, удостоверения личности и пропуска на работе, ка-

меры наблюдения в общественных местах и всевозможные методы контроля в экономической сфере и в сфере бытовых услуг.

Города, изначально построенные для защиты населения от внешней опасности, теперь сами внушают, скорее, страх, а не уверенность в надежной защите. Городской ландшафт все больше заполняют различные системы и службы безопасности, и в течение самого обычного дня приходится иметь дело с охранниками, пропусками, домофонами, оградами и т. п. Стена, созданная для защиты от угрозы «извне», передвинулась вплотную к четырем стенам собственного дома, поэтому существует целая индустрия, призванная защитить нас и там, посредством сигнализаций, кодовых замков и тому подобного, чтобы чужой не смог проникнуть внутрь. Норвегия занимает одну из ведущих позиций в мире по использованию систем охраны квартир и жилых домов. Производство систем безопасности и услуги охранных агентств предполагают наличие испуганных потребителей. Следовательно, существует экономическая выгода в поддержании высокого уровня запуганности населения и в постоянном увеличении этого уровня. Потребители платят за эти услуги, чтобы чувствовать себя в большей безопасности, но фактически они не выглядят более уверенными. Трудно сказать,

что здесь является причиной, а что следствием, неуверенность приводит к принятию всевозможных мер безопасности или же наоборот. Наиболее вероятно то, что они взаимно подкрепляют друг друга. В любом случае, в общем, не возникает впечатления, что растущее инвестирование в безопасность укрепляет в людях ощущение надежности и уверенности. Домашняя сигнализация и кодовый замок подтверждают образ опасного мира. Существует постоянная потребность в большей безопасности, стандарты которой все время повышаются. Финишная черта недостижима, и пропасть между целью и реальным уровнем безопасности сама по себе становится источником беспокойства и неуверенности. Страх и стремление еще больше себя обезопасить образуют замкнутый круг.

Наблюдение за гражданами стало более интенсивным и экстенсивным, чем когда-либо раньше. Все большая часть нашей жизни становится видимой для невидимых наблюдателей. Ты сходишь с поезда на вокзале в Осло, и тебя окружают сотни камер наблюдения. Большинство людей, по всей видимости, считают это правильным. Результаты проведенного в 2005 году исследования отношения норвежцев к тому, что власти ведут наблюдение за гражданами, показали, что 66,5 % опрошенных были полностью соглас-

ны, а 19,2 % во многом согласны с тем, что законопослушным гражданам совершенно не стоит беспокоиться о камерах наблюдения, и лишь 8,5 % опрошенных сочли, что это дает повод для беспокойства. Правда, большинство негативно отнеслось к видеонаблюдению в барах и ресторанах (56,9 %), около умывальников в общественных туалетах (56,7 %) и на месте работы или месте учебы (63,1 %), но что касается видеонаблюдения в других местах, подавляющее большинство высказалось за него²¹⁶. Почти 80 % сочли, что полиция должна вести наблюдение в Интернете, чтобы обнаружить того, кого можно заподозрить в планировании преступных действий, даже несмотря на то, что это наблюдение коснется самих опрошенных. Многие с готовностью жертвуют неприкосновенностью своей личной жизни, чтобы обезопасить самих себя и общество в целом.

Все эти меры предосторожности имеют смысл только при условии существования базового недоверия к окружающим людям вообще. По своей сути доверие к ближним – это когда, находясь рядом с ними, чувствуешь себя в безопасности. Если в обществе пропадает доверие, происходит сильная социальная дезинтеграция, появление обособленных и напуганных индивидуумов. Каждый представляет для другого потенциальную опасность. Ульрих Бек сформу-

лировал это так: «В перспективе риска нет места хорошему или плохому, есть просто более или менее опасные люди. Всякий в большей или меньшей степени представляет опасность для всех остальных»²¹⁷.

Мало-помалу появилось множество книг, в которых явно или скрыто заложена «мораль» – доверять людям крайне опасно. Примером такой книги может послужить «*The Gift of Fear*» (1997) Гевина Де Беккера, возглавлявшая в США список бестселлеров²¹⁸. Надпись на обложке утверждает, что «эта книга может спасти твою жизнь», обещает научить, как надо вести себя со всеми потенциально опасными людьми, которые в повседневной жизни окружают всех и каждого из нас. Поочередно рассматриваются ситуации, связанные с насилием на работе, дома и во время свиданий. Немалое внимание уделено уязвимости детей. Де Беккер, правда, отмечает, что порой мы боимся всяких глупостей, однако основная мысль книги тем не менее заключается в том, что все мы можем подвергнуться грубому насилию когда угодно, если не будем соблюдать осторожность. Согласно идее, развиваемой в этой книге, мы должны быть бдительными во многих ситуациях. Например, обаяние является крайне подозрительным: «Обаяние почти всегда используется как средство для достижения,

которое [...] имеет мотив. Очаровать – значит принудить и контролировать, располагая к себе приветливостью или привлекательностью»²¹⁹. Кроме того, следует весьма скептически относиться к тому, кто просто так предлагает свою помощь, ведь он, вне всякого сомнения, хочет от вас чего-то, чего вы, вероятно, не хотите: «Помните, что милейший парень, парень, который не имеет задней мысли, вообще к вам не подойдет»²²⁰. Правило, которое взрослые то и дело вдалбливают своим детям: «не разговаривай с незнакомыми», – стало житейским правилом и для взрослых²²¹. Не будет большим преувеличением назвать такую книгу исследованием систематизированной паранойи.

Такой подозрительностью пронизаны многие пособия, касающиеся любовных отношений. Люди, с которыми вступаешь в близкие отношения, практически олицетворяют собой непреходящую угрозу психическому (в особенности это затрагивает женщин) здоровью. Названия книг, скажем, Харриет Брейкер говорят сами за себя: «*Lethal Lovers and Poisonous People: How to Protect Your Health from Relationships that Make You Sick*» (1992) или «*The Disease to Please: Curing the People-pleasing Syndrome*» (2001). Далее можно привести книги Сюзан Форюард «*Men Who Hate Women and the Women Who Love Them: When Loving Hurts*

and You Don't Know Why» (1986) и «*Obsessive Love: When It Hurts Too Much to Let Go*» (1991), упомянем также «*Emotional Vampires: Dealing With People Who Drain You Dry*» (2001) Альберта Дж. Бернштейна. Классиком жанра является Робин Норвуд с такими книгами, как «*Women Who Love Too Much*» (1985), «*Letters from Women Who Love Too Much*» (1988) и «*Daily Meditations for Women Who Love Too Much*» (1997). Основная тема этих книг – это опасность впасть в зависимость от другого человека²²². Много из того, что большинство из нас расценили бы как проявление самой обычной влюбленности, становится признаком чего-то болезненного, нездорового, например если слишком часто думаешь о другом или же чувствуешь себя совершенно раздавленным, когда отношения прекращаются. Лежащая в основе «мораль» такова: «Будь осторожен! Люди, с которыми тебя связывают тесные узы, могут ранить больше всего, в результате чего ты останешься эмоциональным калекой». После прочтения некоторого количества таких книг большинство людей получают более или менее стойкий «иммунитет» и вряд ли они захотят вступать в какие-либо отношения вообще.

Доверие, разумеется, не всегда является благом – в некоторых ситуациях доверяться в высшей степени неразумно. С другой стороны, едва ли можно сделать что-нибудь менее разумное,

чем идти по жизни с последовательным недоверием ко всему и всем. Социолог и философ Фрэнсис Фукуяма определяет доверие как форму «социального капитала»²²³. Он указывает, что общества и организации, для которых характерен высокий уровень внутреннего доверия, гораздо более успешны с экономической и с социальной точки зрения, чем общества и организации с низким уровнем внутреннего доверия. Значение доверия тем важнее, чем более интегрированной является комплексность ситуации, организации или общества. Доверие может действовать как способ справиться с неопределенностью²²⁴. Применительно к обществу можно трактовать доверие как функциональную альтернативу расчетам риска и тому подобному. Действовать на основании доверия – значит действовать исходя из того, что события будут развиваться определенным, рационально предсказуемым образом, но не имея полностью рациональной основы для этих предсказаний. Тем не менее, может быть, более рациональный выбор будет заключаться в этом менее «рациональном» подходе, поскольку зачастую надежные расчеты риска являются весьма и весьма затратными. Люди, которые могут друг на друга положиться, взаимодействуют без препятствий, характерных для работы в атмосфере недоверия, требующей громоздкой системы формальных

правил и договоров. Говоря словами Фукуямы, недоверие увеличивает «транзакционные издержки» во взаимодействии людей друг с другом²²⁵. Какие-то вещи попросту не поддаются прогнозу, и тогда, по сути, остается только выбирать между доверием и недоверием, что парализует действие. Доверие делает возможным взаимодействие людей тогда, когда отсутствие надежных прогнозов приводит к бездействию.

Легстриуп считает доверие естественным явлением, которое как таковое не нуждается в дополнительных обоснованиях, он пишет: «Поэтому доверие не требует обоснования и оправдания, как того требует недоверие»²²⁶. В этом я не совсем с ним согласен. Похоже на то, что доверие в культуре страха быстро сходит на нет, поэтому, судя по всему, нуждается в обосновании и оправдании. Таким оправданием может служить парадокс доверия: мы с полным основанием можем оказать доверие человеку, даже если он и не сделал ничего, чтобы доказать, что мы должны ему доверять. Основание это заключается в том, что человек, которому оказано доверие, сделает все возможное, чтобы показать себя достойным такого доверия. В психологическом эксперименте, проведенном в Цюрихском университете, изучалось поведение студентов, которые анонимно предоставляли другим студентам инвестировать

определенную сумму от их лица, студенты могли выбирать между транзакционной моделью, когда недостаточные выплаты были прямо связаны со штрафом, моделью, когда штраф за это просто подразумевался, и моделью, когда штраф вообще не предполагался. Результаты эксперимента показали, что те студенты, которые выбрали наиболее доверительную модель, когда штраф не являлся прямым фактором, получили назад больше денег, чем другие²²⁷. Как доверие, так и недоверие имеют тенденцию становиться самоисполняемыми пророчествами.

Из недоверия вырастает еще большее недоверие, в частности потому, что оно исключает ситуации, в которых продуманное доверие усваивается как форма социального интеллекта. Мы часто боимся *незнакомого* больше, чем известного. Само по себе это свидетельствует о том, что неизвестное в большинстве случаев, по сути, может стать не таким уж опасным, стоит только узнать о нем лучше. Доказано, что мы больше боимся людей иной «расы»²²⁸. Поскольку функционально страх действует так, что мы обычно избегаем того, чего боимся, мы также должны быть склонны избегать людей с другим цветом кожи и др., и таким образом, мы можем не узнать, что они фактически не представляют опасности²²⁹. Страх мешает как раз тому, что могло бы его нивелировать, – об-

щению между людьми. Страх и недоверие опираются друг для друга. Исследование, проведенное Центральным статистическим управлением, показало, что скептическое отношение этнических норвежцев к эмигрантам усиливается на окраинах страны, где эмигрантов меньше, чем в густонаселенных областях, где жители чаще вступают в контакт с людьми других национальностей²³⁰.

Социальная ксенофобия разрушает непосредственность в отношениях между людьми и тем самым ослабляет социальные связи. Культура страха, говоря коротко, – это культура, уничтожающая доверие. В мире, где все больше объектов и явлений воспринимаются как опасность, нелегко доверять – теперь людям нужны гарантии. Объясняя феномен доверия, надо разобраться в том, чем оно не является. Американский философ Роберт Соломон, выступая с лекцией о значимости доверия перед высшим руководством одной из крупнейших в США компаний, говорил о необходимости доверять сотрудникам. После лекции первым вопросом был: «Но каким образом мы будем контролировать наших служащих?»²³¹ Вопрос обнажил позицию, несовместимую с доверием. Контролировать человека – значит не доверять ему.

Чтобы общество было жизнеспособным, необходимо существование общности, где каждый

чувствует нравственную ответственность перед другими и может положиться на других. Философ и социолог Георг Зиммель утверждал, что без основополагающего доверия между людьми общество просто распадется²³². Поэтому он определяет доверие как «одну из важнейших синтезирующих сил общества»²³³. Для индивидуума доверие имеет то же значение, что и предположение, которое достаточно надежно, чтобы послужить основанием к действию. Согласно Зиммелю, в доверии заложен элемент «мистической» веры. Он не мог дать более четкого определения этому элементу и описывает его, в частности, как «переходное состояние между знанием и не-знанием»²³⁴. Доверие означает надежду на то, что кто-то другой будет действовать определенным образом, однако происходит скачок от основания для надежды к самой надежде. Доверие, согласно Зиммелю, не следует понимать как нечто абсолютное – оно всегда будет иметь множество нюансов, т. е. доверяешь кому-либо всегда в какой-то *степени*²³⁵.

Теолог Дитрих Бонхёффер, находясь в заключении перед тем, как его казнили за соучастие в покушении на Адольфа Гитлера, писал:

Предательство едва ли не каждый испытывает на своем опыте. Фигура Иуды, столь непостижимая прежде, уже большие не чужда нам. Да весь воздух, которым мы дышим, отравлен недо-

верием, от которого мы только что не гибнем. И если прорвать пелену недоверия, то мы получим возможность приобрести опыт доверия, о котором раньше и не подозревали. Мы приучены, что тому, кому мы доверяем, можно смеловерить свою голову; несмотря на всю неоднозначность, характерную для нашей жизни и наших дел, мы выучились безгранично доверять. Теперь мы знаем, что только с таким доверием, которое всегда – риск, но риск, с радостью принимаемый, действительно можно жить и работать. Мы знаем, что сеять или поощрять недоверие – в высшей степени предосудительно и что, напротив, доверие, где только возможно, следует поддерживать и укреплять. Доверие всегда останется для нас одним из величайших, редкостных и окрыляющих даров, которые несет с собой жизнь среди людей, но рождается оно всегда лишь на темном фоне необходимого недоверия. Мы научились ни в чем не отдавать себя на произвол подлости, но в руки, достойные доверия, мы предаем себя без остатка²³⁶.

Бонхёффер увидел, что доверие всегда содержит «скачок», или акт веры, если угодно. Однако он говорил о продуманном доверии, которое всегда имеет место на фоне недоверия. Доверие всегда сопряжено с риском, вне зависимости от того, признаемся мы себе в этом или

нет. На основании разного отношения к этому риску можно говорить о разных формах доверия²³⁷. Первую форму можно назвать наивным доверием – оно присутствует во всех нас, когда мы появляемся на свет. Без такого доверия к своим родителям и другим людям мы не смогли бы расти. Однако это доверие является только доверием ребенка. Мы растем и узнаем, что оно может быть обмануто. Мы узнаем, что доверие связано с риском. Форму доверия, при которой этим риском пренебрегают вопреки здравому смыслу, я называю безрассудным или глупым доверием. Примером такого доверия может служить полное отсутствие критического отношения членов секты к ее главе. Доверие, которое, напротив, необходимо закреплять, – это продуманное доверие, при котором риск всегда осознан и которое всегда содержит долю недоверия. Продуманное доверие всегда ограничено и обусловлено. Продуманное доверие возможно лишь тогда, когда, доверяя, мы готовы признать факт существования некоей незащищенности или наличия определенного риска. Доверяя, мы предполагаем, что этой незащищенностью или уязвимостью не воспользуются.

Как отмечает Зиммель, доверие всегда содержит сверхрациональный элемент, который он сравнивает с мистической верой. По всей види-

мости, можно утверждать, что сфера чувств играет немаловажную роль в возникновении сверхрационального элемента. Ключевым аспектом доверия являются чувства, испытываемые по отношению к определенному человеку, предмету, обществу или жизни в целом. Также можно сказать, что в доверии проявляется оптимистичное восприятие реальности, ведь только оптимист верит в своих ближних настолько, чтобы им доверять. Доверяющий предпочтет не учитывать некоторые негативные варианты развития событий или же, по крайней мере, будет исходить из того, что они не реализуются. Атмосфера, царящая сегодня в мире, приводит к обратной тенденции, то есть в расчет не берутся позитивные перспективы, в то время как негативные служат основанием для действий. В атмосфере недоверия люди становятся менее восприимчивы к информации о том, что некое явление не настолько опасно, чтобы его бояться²³⁸. С этой точки зрения недоверие легко обретает самодвижущую силу. Можно сказать, что недоверие становится частью привычного страха, который был описан во второй главе. Из этого со всей очевидностью следует, что культура страха не является благодарной почвой для возникновения доверия. Страх подрывает доверие, а когда доверие ослабевает, страх захватывает новые тер-

ритории. Усиливающийся страх, таким образом, является как следствием, так и причиной ослабленного доверия.

Культура страха не является культурой доверия, что серьезно сказывается на отношении людей друг к другу. Доверие можно определить как «социальный клей», объединяющий людей. Сплоченность общества, впрочем, можно поддерживать при помощи страха, об этом пойдет речь в следующей главе, однако такая модель общества малопривлекательна.

ПОЛИТИКА
СТРАХА

Fear. It's the oldest tool of power.*
Фокс Малдер. *Секретные материалы* (1993)

*Cartman: I use fear to manipulate
People to do my bidding.*
Bart Simpson: Uh, isn't that like terrorism?
Cartman: Dude, it's not like terrorism!
*It is terrorism!***
Южный парк (2006)

Можно рассматривать страх как основу развития всей человеческой цивилизации, появления всего того, чем человек себя окружает, – домов и городов, орудий и оружия, законов и социальных институтов, искусства и религии и т. п.²³⁹ В «*Новой науке*» (1744) Джамбаттиста Вико выдвигает такую гипотезу о страхе как истоке зарождения всей человеческой цивилизации²⁴⁰. Он полагает, что все началось с боязни грозы. Важно, что причиной страха являются не другие индивидуумы, а, скорее, то, чему в равной степени подвержены все индивидуумы. Когда все индивидуумы в страхе прячутся от грозы, они понимают, что боятся одного и того же, и таким образом возникает об-

щий эталон, который может послужить отправной точкой для появления сообщества.

Другую модель мы можем найти у Никколо Макиавелли и Томаса Гоббса. Страх, описанный Вико, является *общим* страхом, в то время как в моделях Макиавелли и Гоббса преобладает *взаимный* страх, т. е. индивидуумы боятся скорее друг друга, нежели внешней угрозы. Однако страх, который индивидуумы испытывают друг к другу, становится потенциальным средством для создания социального сообщества. Как Макиавелли, так и Гоббс считают, что тот, кто управляет устрашением общества, в сущности, полностью управляет этим обществом. Они оба считают, что страх насилия создает основу человеческого общества. Первопричиной возникновения всякого устоявшегося общества была не добрая воля, соединившая людей друг с другом, а, скорее, страх по отношению друг к другу, пишет Томас Гоббс²⁴¹. Согласно Макиавелли, сила, под которой он понимает физическую силу, а точнее, способность подвергать и подвергаться физическому насилию, создает возможность для возникновения общества.

Макиавелли имел самые лучшие намерения, разрабатывая свою политическую философию. В ее основе лежит глубочайший антропологический пессимизм, представление, согласно которому человек всегда будет проявлять себя с худшей

стороны, если только внешние обстоятельства не принудят его к обратному:

Как доказывают все рассуждающие об общественной жизни и как то подтверждается множеством примеров из истории, учредителю республики и создателю ее законов необходимо заведомо считать всех людей злыми и предполагать, что они всегда проявят злобность своей души, едва лишь им представится к тому удобный случай. Если же чья-нибудь злобность некоторое время не обнаруживается, то происходит это вследствие каких-то неясных причин, пониманию которых мешает отсутствие опыта; однако ее все равно обнаружит время, называемое отцом всякой истины²⁴².

Естественный вывод из этой ключевой предпосылки заключается в том, что правильное устройство государства должно основываться на принуждении и непреходящей угрозе насилия. Само по себе это утверждение более чем сомнительно, что, однако, не подлежит дальнейшему обсуждению, поскольку в данном контексте речь идет не об этом²⁴³. Насилие призвано сохранить и обезопасить общество. В «Государе» Макиавелли пишет:

Жестокость применена хорошо в тех случаях – если позволительно дурное называть хорошим, – когда ее проявляют сразу и по соображениям безопасности, не упорствуют в ней и по

*возможности обращают на благо подданных; и плохо применена в тех случаях, когда поначалу расправы совершаются редко, но со временем учащаются, а не становятся реже*²⁴⁴.

Плохо применяемое насилие практически обретает собственную ценность и именно поэтому наращивается. Такое насилие, по мнению Макиавелли, плохо применяемое, поскольку оно не выполняет своего назначения, а именно поддержания в обществе порядка путем стратегического устранения врагов и необходимого уровня устрашения. Правитель, прибегающий к необузданному насилию, внушает чрезмерный страх, подрывая таким образом свою власть: «Он никогда не сможет положиться на своих подданных, а они никогда не будут чувствовать себя в безопасности по причине его беспрестанной жестокости»²⁴⁵. Такой правитель, по сути, не управляет устрашением – а контроль над устрашением, как было отмечено выше, является основным средством контроля над государством – а скорее сам становится «жертвой страха»²⁴⁶. Макиавелли подчеркивает, что государь должен «при надобности не чураться и зла», но вместе с тем ему следует «удерживать дружбу народа»²⁴⁷. Он также пишет, что «государь должен стремиться быть милосердным, а не жестоким»²⁴⁸. Может показаться, что я идеализирую Макиавелли, поэтому хочу еще раз подчер-

кнуть, что именно страх может укрепить власть государя и тем самым защитить существующий в обществе порядок. Хотя любовь к государю может быть ему полезной, важнее, чтобы его боялись, поскольку страх проникает глубже, чем любовь: «Любовь поддерживается благодарностью, которой люди, будучи дурны, могут пренебречь ради своей выгоды, тогда как страх поддерживается угрозой наказания, которой пренебречь невозможно»²⁴⁹.

Более чем сто лет спустя Гоббс выразил мысль, что страх является настолько сильным аффектом, что политикам необходимо его учитывать²⁵⁰. Государство Гоббса основывается на страхе смерти, или, точнее, на страхе *насильственной* смерти²⁵¹. Концепция Гоббса опирается на понятие о естественном состоянии, в котором люди жили вне государства и вне законов. Естественное состояние – образ, созданный с целью запугать. Это состояние, согласно Гоббсу, есть состояние «войны всех против всех». Естественное состояние – это состояние войны. Причиной войны всех против всех является человеческая натура: стремление к поддержанию своего существования, богатству и славе приводит людей к естественному противостоянию²⁵². Правда, Гоббс не отказывает человеку в способности к сопереживанию, но она недостаточно сильна для того, чтобы воспрепятствовать непрекращающимся конфликтам. Решающим является не то об-

стоятельство, что фактическое противостояние существует всегда, а возможность того, что противоборство может вспыхнуть в любой момент²⁵³.

Человек всегда стремился защищать собственное имущество, захватывать чужое, а также добиваться признания. Концепция естественного состояния задумана не как характеристика реально существующего общества, а как модель, демонстрирующая, в каком направлении развивалась бы жизнь людей, если бы не существовала власть государства, которая держала бы их в узде. В естественном состоянии все люди абсолютно бесправны. Это ознаменовало решительный разрыв с позицией естественного права, которая преобладала в политической теории начиная с Античности, а именно с воззрением, согласно которому, люди имели определенные естественные права, несмотря на то что не существовало правовой системы, способной защитить эти права. В естественном состоянии у людей есть одно-единственное право, и это право использовать все силы для достижения желаемого. Единственное естественное право, таким образом, – это право сильнейшего.

Жизнь в естественном состоянии нельзя назвать легкой. Даже сильнейшие из сильнейших должны всегда быть настороже, поскольку слабые могут объединить свои усилия и набрать еще большую силу. Невозможно узнать, кто твой друг,

а кто враг, поэтому из соображений безопасности необходимо относиться ко всякому как к потенциальному врагу. Такого же отношения к себе можно ждать и от других. «Жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна»²⁵⁴. Страх становится всеобъемлющим и лишает человека возможности воплотить надежду на лучшую жизнь, а реальная жизнь является не более чем непрерывной защитой от опасностей, надвигающихся со всех сторон. Это худший из всех миров. С появлением правителя, суверена, страх обретает другую направленность, что дает возможность ставить позитивные цели, а не просто стремиться избежать мучительной смерти. Поэтому люди соглашаются отречься от своей естественной свободы в обмен на безопасность, и это является условием вступления в общество. Однако всем известно, как мало могут значить слова, поэтому необходимо наличие превосходящей силы, которая может утвердить соглашение. Это происходит путем передачи права на самоопределение каждого отдельного члена общества одному лицу, суверену, который обладает неограниченной властью. У него нет обязанностей по отношению к подданным, однако они обязаны делать все, что он прикажет. Единственное, чего суверен не может потребовать, это жизнь подданного, поскольку именно ее он изначально призван защищать.

Всякий закон, который он утверждает, считается заповедью Божьей, но суверен сам решает, что есть заповедь Божья, и какой должна быть вера.

Естественное состояние, описываемое Гоббсом, лишено доверия. Скорее, отношения между людьми можно охарактеризовать как тотальное недоверие. Их не объединяет «социальный клей», если принять определение доверия, данное мной в предыдущей главе, и с этой точки зрения они целиком и полностью предоставлены самим себе. Когда назначается суверен, по крайней мере возникает своего рода доверительное отношение к одному лицу, ведь предполагается, что он будет исполнять полномочия, которыми был наделен. Таким образом, может возникнуть косвенное доверие к окружающим, поскольку предполагается, что они будут стараться вести себя так, чтобы не навлечь на себя гнев суверена. Такое косвенное доверие, однако, совсем не похоже на то естественное первоначальное доверие, о котором говорил, в частности, Легстриуп. Это извращенное доверие, которое зиждется на страхе.

Страх может быть эффективным средством для поддержания порядка, существующего в обществе. Гоббс подчеркивает, что никакое другое чувство не может так же сильно удерживать людей от нарушения закона, как страх²⁵⁵. Он пишет, что страх настраивает людей на мирное сосущество-

вание²⁵⁶. Угроза наказания со стороны государства перевешивает возможную выгоду от убийства или захвата чужого имущества, страх этого наказания обеспечивает гражданам мирную, налаженную жизнь. Допустим, что такая жизнь действительно может быть «налаженной», однако является ли такое общество свободным? Кант считает, что наши действия могут быть обусловлены страхом перед законом или же уважением закона, он утверждает, что уважение предпочтительней как раз потому, что оно не ущемляет нашу свободу²⁵⁷. Гоббс, напротив, настаивает на том, что поведение, продиктованное страхом, совсем не противоречит свободе²⁵⁸. Тем не менее можно сказать, что это «укрошенная» свобода. Можно сказать, что Гоббс полагает естественным, что люди согласятся заменить один вид страха на другой. Происходит замена страха всего и всех страхом перед сувереном, т. е. глобальный страх заменяется локальным страхом. Согласно Гоббсу, государство должно заботиться о том, чтобы народ боялся «правильных вещей». Другими словами, страх не является чужеродным элементом в цивилизованном обществе, скорее, он представляет собой необходимое условие для того, чтобы цивилизованное общество вообще могло развиваться. Хотя, как было отмечено выше, Гоббс признает наличие у человека некоей способности к сопереживанию, имен-

но страх в действительности становится истинной основой морали. Главное, чтобы государство сумело направить страх в нужное русло. Государство должно уметь убеждать народ в том, что определенные объекты или явления страшнее других, если народ сам по себе не начинает испытывать тот страх, который наиболее целесообразен с точки зрения политики государства. Гоббс отмечает, что это может потребовать от государства своего рода режиссуры, преувеличения значения одних явлений и умаления значения других.

Макиавелли был убежден в том, что управлять государством может лишь тот правитель, которого боятся потому, что его личность как таковая и его способность подвергнуть подданных насилию внушает страх. Гоббс не считал, что один лишь страх перед сувереном позволяет править государством²⁵⁹. По мнению Гоббса, подданные должны быть согласны подчиниться, поскольку это в их интересах. Таким образом, политический страх – это не просто страх, который граждане испытывают перед верхами. Скорее, это всеохватывающий процесс, в котором добровольно участвуют индивидуумы и социальные институты, такие, как церковь. Индивидуумы следят друг за другом и предостерегают друг друга от противоречащих социальным устоям действий. Тирания, ведь именно ее защищает Гоббс, не может су-

ществовать, если граждане не отдают себе отчета в том, что другие граждане следят за ними и могут выдать их властям²⁶⁰.

В «*О духе законов*» (1748) Монтескьё, напротив, рассматривает страх перед деспотом как серьезную проблему. Страх перед сувереном, согласно Гоббсу, служит интересам граждан, в то время как Монтескьё не видит в таком страхе ничего, кроме проявления деспотичной жажды власти. Поэтому страх перед деспотическим террором является важнейшим доводом в пользу принципа разделения властей и утверждения либерализма. Таким образом, в политической философии Монтескьё, так же как и в концепции Гоббса, страх, правда совсем иного рода, является мотивирующим фактором. Алексис Токвиль, со своей стороны, делает упор на возможность деспотического террора другого типа, когда тираном является не единовластный правитель, а, скорее, косное большинство, которое подрывает ценности либерализма под воздействием страха, возникшего из-за того, что традиционные идеалы теряют свое значение в современности²⁶¹. Токвиль писал в духе Французской революции, тогда старые европейские режимы начали рушиться. В ситуации, сложившейся в то время, люди в большей степени боялись не за свою жизнь как таковую, из чего исходил Гоббс, – они страшились

утраты традиционных истин, абсолютистского характера нравственных ценностей. Можно сказать, что они боялись самой современности – как состояния, при котором они чувствовали угрозу, однако до конца не понимая, что, собственно, им угрожает. Они боялись будущего, и чтобы нивелировать эту боязнь, по мнению Токвиля, собирались ввести весьма жесткое правление, способное навести порядок и восстановить безоговорочные нормы.

Здесь всегда присутствует опасность – страх, охвативший граждан, может, так сказать, подчинить себе всякое правительство. Власти находятся в постоянном напряжении, когда в народе усиливается страх перед определенным явлением. Это происходит потому, что этот страх также означает подрыв легитимности государства, поскольку такая легитимность, по сути, опирается на способность государства обеспечить защиту своих граждан. Защита заключается не только в возможности государства предотвратить насилие внутри своего общества, дать отпор вооруженным силам другого государства или террористам, но также и в предупреждении заболеваний и исключении других явлений, угрожающих здоровью. Когда станет ясно, что государство неспособно обеспечить своих граждан такой защитой, может произойти дестабилизация. Поэтому государство должно имитировать борьбу с объек-

тами или явлениями, вызывающими страх. Проблема заключается в том, что это может привести к усилению страха, ведь государству приходится легитимировать свои действия, ссылаясь на опасность того, что порождает страх. Чтобы обосновать легитимность, этой опасности зачастую придается неоправданно большое значение.

Страх опять обрел былой почет, став краеугольным камнем политической теории. Историк и журналист Майкл Игнатъефф пишет: «В двадцатом столетии представление об общечеловеческом опирается в меньшей степени на надежду, чем на страх, в меньшей степени на веру в человеческую доброту, чем на страх перед тем злом, которое человек способен совершить»²⁶². Философ Джудит Шкляр придерживается позиции, которую она определила как «либерализм страха», его основу составляет не позитивная цель, к которой мы все должны стремиться, а, скорее, образ некоего негативного будущего, о котором все мы можем сказать, что такого будущего надо избежать. Она считает, что во времена разобщенности мы все можем согласиться с тем, что надо избежать террора, жестокости, страдания и боли²⁶³. Страх может объединять – он способен возродить общность, которая кажется совершенно утраченной в век индивидуализма. С точки зрения Шкляр, благодаря систематичному страху возможна полити-

ческая свобода. Надо отметить, что страх, о котором пишет Шкляр, является не только страхом за себя, но и страхом за своих сограждан.

Страх становится ресурсом для общности. Поэтому, похоже, поддержание достаточно высокого уровня страха также становится предпосылкой дальнейшего существования общности. Это замечательно продемонстрировано в фильме М. Найт Шьямалана *«Деревня»* (2004). Жители одной деревеньки ведут жизнь американских поселенцев XIX века. Деревня представляет собой закрытый мирок, а в лесу, окружающем деревню, живут ужасные монстры, страх перед которыми не позволяет жителям покинуть пределы деревни. В конце фильма мы узнаем, что действие происходит в наше время, а герои – наши современники, которые пострадали от развращенности и насилия современных городов. Тогда они создали свое общество вне общества, оно существовало по собственным правилам. Эти правила вытекали из договора между «старейшинами», основавшими общество. Таким образом, речь идет об искусственной, сознательно выработанной морали, не опирающейся на старинные обычаи или на естественное право – это чистый конструкт. Также выясняется, что ужасные лесные монстры – это иллюзия, созданная «старейшинами», чтобы удерживать молодежь в пределах деревни. Представление о страшном «вовне» объе-

диняет общество в замкнутую целостность. Впрочем, существуют надежные данные эмпирических исследований, доказывающие, что напоминание о смерти стимулирует национализм и другие виды групповой идентификации²⁶⁴. Страх смерти, таким образом, сплачивает группу, но в то же время может способствовать усилению враждебности по отношению к другим группам.

Трудно не увидеть в фильме Шьямалана аналогии с американской современной культурой и политикой. Красной нитью проходит необходимость подчиняться общим правилам, поскольку только их соблюдение гарантирует жителям безопасность. Эти правила, однако, являются изоляционистскими. Американский писатель Ральф Уолдо Эмерсон предостерегал от зла, которое угрожает нации извне, утверждая, что страна должна искать в самой себе источник добродетели, в одиночку противостоять и добиваться победы в этом мире²⁶⁵. Эту мысль можно считать архетипом американской политики²⁶⁶. В «Деревне» показано, что насаждение страха «извне» имеет функцию угнетения. Запугивание сбивает жителей деревни в компактную целостность, в известной степени безопасную, однако платой за это является значительное ограничение личной свободы и жизнь в постоянном страхе.

Сегодняшний взгляд на политическую ситуацию в мире, который зачастую претендует на «реалистичность», следовало бы, вероятно, назвать «таблоидным реализмом»²⁶⁷. События трактуются в стиле бульварных газет, международная политика стала источником сенсационных заявлений и далеко идущих выводов. За такой манерой изложения, по-видимому, кроется желание напугать как можно сильнее путем формирования образа жесточайшей анархии, которая погубит нашу цивилизацию, если не будут предприняты решительные политические действия. Подобный дискурс возник задолго до 11 сентября 2001 года. Пожалуй, наиболее популярной книгой, написанной в таком стиле, является «*Столкновение цивилизий*» (1996) Самюэля Хантингтона. Он пишет:

*Исламское возрождение и экономический динамизм Азии наглядно демонстрируют, что и другие цивилизации жизнеспособны, активны и, по меньшей мере, потенциально угрожают Западу. Нельзя сказать, что большая война с участием Запада и стержневых государств, принадлежащих к другим цивилизациям, является неизбежной, но она может случиться*²⁶⁸.

Хотя Хантингтон пишет только о «потенциальной угрозе», использованные обороты речи без сомнения призваны пробудить страх. Другим примером являются статьи и книги Збигнева Бже-

зинского и Роберта Д. Каплана²⁶⁹, ставшие бестселлерами и способствовавшие формированию определенной картины мира, согласно которой Западу, в особенности США, надо опасаться угрозы извне. Красной нитью проходит мысль, что глобализация и детерриториализация подрывают безопасность и суверенитет Америки. События 11 сентября, следовательно, воспринимаются как подтверждение того, что такая аналитика является по сути правильной. Решение проблем, связанных с этими опасностями, таким образом, заключается в усилении значимости обеспечения безопасности и порядка, что становится важнейшим приоритетом как внутренней, так и внешней политики.

Страх используется как средство для социального контроля. Причиной растущего страха в населении являются не только сами террористы, которые могут быть где угодно, масла в огонь подливает распространение информации о том, как они опасны. Эта информация служит подтверждением обоснованности различных нововведений, призванных обеспечить безопасность тех же граждан. Политический страх не возникает в вакууме – он создается и поддерживается. Его функцией является продвижение разного рода политических мер. Террористическая угроза невероятно раздута, поскольку это отвечает серьезным политическим и экономическим интересам²⁷⁰. В США каждому

штату выделяются финансовые средства на защиту от терроризма, размер выделяемых средств зависит, в частности, от количества объектов, которые могут стать целью террористической атаки. Это, разумеется, стимулирует желание сообщать о наличии в штате как можно большего количества потенциальных целей террористических атак, ведь таким образом можно получить больше средств. Это приводит к абсурду. Официально в США имеется всего 77 069 потенциальных объектов террористической атаки, курьез в том, что в штате Индиана якобы имеется на 50 % больше таких объектов, чем в Нью-Йорке, и в два раза больше, чем в Калифорнии²⁷¹. В списке можно найти фабрику по производству попкорна, принадлежащую амишам, где работают всего пять человек, блошиный рынок в Свитуотере, лавки мороженого, закусовые и т. д. Конечно, сейчас всякий объект в принципе может считаться потенциальной целью террористической атаки, однако вероятность того, что какие-то из этих объектов привлекут внимание террористов, является весьма невысокой. Внутренняя ревизия в Министерстве юстиции США выявила, что на протяжении нескольких лет имели место серьезные нарушения отчетности, касающейся борьбы с терроризмом, в частности, контрабанда наркотиков, нелегальная иммиграция и супружеские измены были квалифицированы как факты, связанные

с терроризмом²⁷². Это очень важно, поскольку эти цифры были обнародованы и использованы для оценки террористической угрозы в США, а также учтены при формировании бюджета.

Политическая выгода тоже весьма значительна. Джордж У. Буш неоднократно повторял, что «война против террора» не имеет аналогов в истории США и не закончится в обозримом будущем. Противостоять такой угрозе может только сильное государство. Здесь можно предположить, что Администрация Буша вняла совету Макиавелли: «Мудрому государю надлежит принять меры к тому, чтобы граждане всегда и при любых обстоятельствах имели потребность в государе и в государстве, – только тогда он сможет положиться на их верность»²⁷³. Как и полагал Макиавелли, трудно найти более эффективный метод правления, чем насаждение страха. Выявлена четкая зависимость между предостережениями об опасности терроризма, исходящими от Администрации Буша, и поддержкой со стороны населения²⁷⁴. Эта поддержка касалась не только сферы политики безопасности, она распространилась и на другие сферы, такие, как экономическая политика. Заявления об опасности терроризма принесли очевидную и непосредственную выгоду. В 2004 году, во время предвыборной президентской кампании, в одном агитационном ролике республиканцев была показана стая волков

в темном лесу, голос за кадром вещал, что «слабость провоцирует тех, кто хочет разрушить Америку». Заложённое сообщение заключалось в том, что там вовне существует «волчья стая», обозначающая террористов, которые разрушат США, если Буш не будет переизбран.

28 января 2003 года в докладе о положении в стране Буш заявил: «В нынешнем столетии идеология силы и власти возродилась вновь и стремится завладеть смертоносным оружием терроризма. Вновь наша страна и все наши друзья являются единственной защитой мира от хаоса и постоянного страха»²⁷⁵. Он также призвал слушателей представить себе 19 террористов, захвативших, а также пытавшихся захватить самолеты 11 сентября, экипированных оружием из арсенала Саддама, утверждая, что такое сочетание превзошло бы все ужасы, которые когда-либо переживала нация. Путем более или менее систематичной дезинформации большинство американцев были убеждены в том, что за событиями 11 сентября стоит Ирак. По результатам опросов, проводившихся в январе и феврале 2003 года, 72 % опрошенных американцев считали Саддама лично ответственным за нападение, 44 % считали, что «большинство» или «некоторые» из захватчиков самолетов были гражданами Ирака²⁷⁶. Эти данные заслуживают внимания, ведь во время опроса, прове-

денного сразу после нападения, едва ли кто-то из опрошенных говорил об Ираке. За период, прошедший от одного опроса к другому, был создан образ Саддама как главного источника террористической угрозы, нависшей над США, и этот образ был использован для того, чтобы американцы признали легитимность войны в Ираке, и на удивление прочно закрепился в людском сознании. В июле 2006 года 64 % опрошенных все еще верили, что Саддам был «непосредственно связан» с «Аль-Каидой», а 50 % были убеждены, что Саддам скрывал оружие массового поражения²⁷⁷. Однако опрос, проведенный в феврале 2007 года, показал, что тенденция изменилась: 63 % опрошенных американцев не доверяли Администрации Буша и не считали надежной распространяемую Белым домом информацию о террористической угрозе²⁷⁸.

Я не стану подробно останавливаться на вопросе о легитимности войн, которые США ведут последние годы. Вторжение в Афганистан, на мой взгляд, было легитимным²⁷⁹. Вторжение в Ирак, напротив, являлось ошибкой по целому ряду причин, хотя нет оснований сожалеть о том, что Саддам Хусейн был свергнут. Важнейшим официально озвученным доводом в пользу вторжения в Ирак было наличие у Саддама ядерного оружия, но выбор в «оси зла» страны, которая даже не имеет своей ядерной программы, в то время как у других стран

она определенно имелась, более чем странен. Возможное увеличение количества государств, имеющих ядерное оружие, – это реальная опасность, и, судя по всему, гораздо более серьезная, нежели незначительная вероятность того, что террористические организации завладеют этим оружием, но с этой точки зрения Ирак был весьма сомнительной целью. Основанием для войны была ложь, потому эта война является нарушением международного права, иракскому народу пришлось много выстрадать из-за этой войны, и кроме того, она была одной из важнейших причин, по которым ряды радикальных исламистских движений как никогда хорошо пополнялись. «Война с терроризмом» до сих пор давала результаты прямо противоположные цели сделать мир более безопасным. Это подтверждается данными собственных разведслужб США²⁸⁰. По словам министра обороны Дональда Рамсфелда, война с терроризмом будет выиграна, когда американцы вновь смогут почувствовать себя в безопасности. В таком случае это похоже на войну, в которой нельзя победить.

Очевидной проблемой «борьбы с терроризмом», если расценивать ее как борьбу со страхом, является естественное усиление страха вследствие утверждения, что все находятся в опасности. В *«Национальной стратегии по борьбе с терроризмом»* (2003) терроризм описывается как «зло, угрожаю-

щее нашим основополагающим ценностям и образу жизни»²⁸¹. Из-за терроризма «само представление о цивилизованном обществе находится под угрозой»²⁸². США считаются силой, гарантирующей порядок и мир во всем мире, поэтому всякая угроза, направленная против США, является угрозой для мирового сообщества в целом. Следовательно, все, что ни делают США, чтобы защититься от терроризма, объясняется необходимостью сохранения существующего миропорядка вообще. Это преподносится как борьба между свободой и страхом: США олицетворяют свободу, а террористы несут страх²⁸³. Последние разбросаны по планете, поэтому несущие свободу также должны вести борьбу в соответствующем глобальном масштабе. Мир как целое подпадает под юрисдикцию США, и всякий террористический акт становится угрозой США и миропорядку в целом, вне зависимости от того, где бы ни произошел этот теракт. Также считается достаточным, что эти опасности *возможны*, – они не обязательно должны быть реализованы. В речи перед военными Вест-Пойнта Буш заявил: «Если мы будем ждать, пока угрозы полностью подтвердятся, будет уже слишком поздно»²⁸⁴. Короче говоря, он применяет принцип предотвращения, как принято делать и во многих других сферах. В этом его поддерживает такой мыслитель, как Майкл Игнатъефф, утверждающий,

что если мы сейчас не будем распознавать, выслеживать и уничтожать террористов, то они станут весьма опасными и со временем заполучат оружие массового поражения²⁸⁵.

Однако в борьбе с терроризмом, которую ведут США, заложен парадокс, ведь, с одной стороны, эта держава выступает гарантом сохранения мира и либеральных ценностей, с другой стороны, в собственных действиях США не придерживаются тех ценностей, за сохранение которых борются. Это объясняется тем, что преступники, террористы своими действиями поставили себя вне законов нравственности, и поэтому тому, кто защищается, тоже должно быть позволено поступать так же – пока терроризм угрожает США, страна в принципе не связывает себя нормами, которые изначально должна защищать. Это напоминает суверена из концепции Гоббса²⁸⁶. По Гоббсу, все граждане подчиняются договору, который наделяет суверена неограниченной властью управлять государством по собственному усмотрению, делать в интересах государства все, что он сочтет нужным. Соблюдение социального договора обязательно для всех граждан, суверен же не имеет никаких обязательств по договору, гарантом которого он выступает. Соответственно, и США выступают гарантом цивилизованного миропорядка, способным обеспечить соблюдение законов

нравственности, однако стоят вне этих законов. В той же малой степени, в какой подданные суверена Гоббса могут жаловаться на действия суверена, можно упрекать США в том, что они делают все «необходимое» для победы над «врагами свободы».

Ульрих Бек указывает: «Внезапно осталась лишь антитеза к неолиберализму – принцип необходимости государства, вездесущего и даже, как в стародавнем толковании Гоббса, гарантирующего безопасность»²⁸⁷. Можно сказать, что Администрация Буша молча согласилась с немецким юристом и философом Карлом Шмиттом в том, что либерализм бесполезен в период кризиса. Необходимо сильное государство. Шмитт пишет: «Всякая религиозная, нравственная, экономическая, этническая или другая противоположность превращается в противоположность политическую, если она достаточно сильна, чтобы эффективно разделять людей на группы друзей и врагов»²⁸⁸. Шмитт делает из этого далеко идущие выводы. Для него само политическое определяется через различие друга и врага. Политическое действие заключается в поддержании собственного существования и уничтожении тех, кто ему угрожает, и не остается места для преодоления противоречий путем обсуждения. Это политическое действие является исключительной привилегией государства, и чтобы сохранить себя, оно

также должно устранить всех внутренних врагов, т. е. всех тех, кто не соответствует однородной целостности. Всякая истинно политическая теория, согласно Шмитту, должна иметь предпосылку: человек зол, он опасное создание. Именно на этом страхе, боязни того, что люди могут сделать друг с другом, государство основывает право на свое существование – способность государства защитить является причиной, по которой ему подчиняются. Шмитт мог бы сказать, что угроза терроризма активировала государство для выполнения его истинного назначения, его действительную сущность. Дальнейшее развитие событий Шмитт, напротив, счел бы внушающим опасения, ведь на государства, вступившие в войну с терроризмом, постоянно оказывалось давление, все настойчивей принуждая их придерживаться тех же норм, что и все прочие, и Верховный суд постановил, что враги в этой войне должны быть защищены Женевской конвенцией, что им должна быть гарантирована полная правовая защита и др. В ответ на брошенный вызов британский министр обороны Джон Рейд произнес в апреле 2006 года сенсационную речь в Королевском институте объединенных служб (*Royal United Services Institute*), где он утверждал, что террористы, которые могут воспользоваться оружием массового поражения, представляют настолько серьезную угрозу,

что нельзя и дальше придерживаться правил, прописанных в Женевской конвенции. Существуют примеры, в основном это касается Южной и Латинской Америки, когда военные антитеррористические кампании были успешными. Проблема в том, что средства, которые использовались в этих случаях, совершенно неприемлемы для либеральной демократии.

Мы видели, как происходит значительное ограничение свободы в стране, которая обыкновенно провозглашает себя истинным воплощением свободы личности, а именно в США. Мы видели множество примеров произвола, а в частности арестов (во многих случаях с последующим интернированием) людей, особенно мусульман, как в США, так и за их пределами. Утверждалось, что эти люди крайне опасны, и это послужило основанием для игнорирования элементарных принципов соблюдения их прав. Антитеррористическая политика, впрочем, затронула не только мусульман, она вмешалась в жизнь многих американцев, существенно ограничив их свободу²⁸⁹. Соображения государственной безопасности были использованы как повод для запрета профсоюзной деятельности среди сотрудников государственных органов управления, аэропортов и портов, т. е. права организации не принимались в расчет. Среди наиболее серьезных посягательств на гражданскую свободу – мас-

штабное прослушивание, которое Агентство национальной безопасности (NSA) проводило без разрешения суда. Многие американцы, по данным опросов, считали ограничения своих гражданских прав полностью легитимными. Угроза терроризма представлялась им настолько серьезной, что по сравнению с ней лишение гражданских прав значило уже не так много.

Критики подобных посягательств на гражданские права были встречены, в частности, таким заявлением министра юстиции Джона Ашкрофта: «Те, кто пугает миролюбивых людей фантомами потерянной свободы ... только помогают террористам. Они поддерживают врагов Америки...» Когда Джорджу Бушу указали на незаконность программы прослушивания, он ответил: «Сам факт того, что мы говорим о программе, помогает врагу». Критика фактически стала синонимом «непатриотических» настроений, и многие важнейшие условия, составляющие основу существования демократии, были подорваны²⁹⁰. В противовес риторике Администрации Буша хочется процитировать одного из «отцов-основателей» Бенджамина Франклина: «Те, кто готов пожертвовать насущной свободой в обмен на то, чтобы получить временную безопасность, недостойны ни свободы, ни безопасности»²⁹¹.

Что же это за угроза, которая мотивирует столь вопиющие посягательства на гражданские

права? Короче говоря: что такое терроризм? На этот вопрос не так-то просто ответить, поскольку не существует единого признанного международного определения «терроризма». В последние годы понятие «террорист» используется так широко, что, кажется, охватывает членов большинства вооруженных противоборствующих движений, которые когда-либо существовали, да и не только их. Понятие применяется по отношению практически ко всякому факту политического насилия, не санкционированному государством. Согласно такому определению, Джордж Вашингтон, к примеру, являлся террористом, борясь против британцев, с чем многие, конечно, не согласятся. Однако все становится еще сложнее, если и на государство наклеивается ярлык террористического, что произошло, когда Администрация Буша обвинила Ирак в лице Саддама Хусейна в совершении «террористических актов» против народа собственной страны. Такая трактовка понятия отнюдь не нова – фактически она является старейшей, произошедшей от «террора» Робеспьера, – но предполагает такую свободу употребления, что становится общей и расплывчатой. Поэтому необходимо разработать более четкие критерии.

Исследователь проблемы терроризма Луиза Ричардсон предлагает семь критериев, по кото-

рым действие следует классифицировать как «терроризм»:

1. Действие имеет политический мотив.
2. Действие включает в себя применение насилия или угрозу применения насилия.
3. Цель действия состоит не в том, чтобы победить врага, а в том, чтобы передать послание.
4. Действие и его мишень (жертва) часто имеют символический смысл.
5. Действие осуществляет не государство, а структура меньшего порядка.
6. Жертвы действия и его адресат не совпадают.
7. Жертвами действия умышленно выбираются гражданские объекты²⁹².

Некоторые из этих критериев небесспорны. Например, можно назвать страны, которые действительно были причастны к террористическим актам, так что 5-й критерий может показаться нелепым. 7-й критерий также вызывает сомнение, поскольку исключает, что нападение на военный объект может трактоваться как терроризм (в таком случае его следует отнести к нападению партизан). Но в целом критерии кажутся разумными, хотя едва ли можно сказать, что они описывают необходимые или достаточные условия, при наличии которых определенное действие можно считать «терактом»²⁹³. Давайте со-

средоточимся на том, что речь идет о насилии, первоочередная цель которого заключается в том, чтобы посеять страх. Насилие, адресованное обществу, а не направленное в первую очередь на тех, кто непосредственно страдает от совершения действия. «Секрет» того, что терроризм производит столь сильный эффект при помощи весьма ограниченных средств воздействия, в главном, состоит как раз в той кажущейся случайности, с которой он поражает. Случайное насилие внушает больший страх, чем насилие, направленное на определенную выбранную жертву: если в качестве цели не выбираются определенные лица, никто не может чувствовать себя в безопасности. Нанося более или менее случайные удары, но выбирая цель, полную символического смысла, можно вогнать в страх большинство граждан.

Критерием того следует ли относить некое лицо, группу или действие к категории «терроризм», являются используемые методы и средства воздействия, а также предполагаемые цели. Типичный террорист совершенно убежден в том, что его дело правое, и таким образом, это типично для того, что я ранее определил как «идеалистическое зло»²⁹⁴. Можно бороться за справедливость, но при этом быть террористом. Сегодня мало кто считает Нельсона Манделу террористом однако, для властей большинства стран Запада он

долгое время был террористом. Даже Международная амнистия долго отказывалась признать Манделу узником совести, поскольку он был осужден за насилие. В соответствии с общими определениями терроризма, которые в последние годы были в ходу в большинстве западных стран, деятельность, которую вел Мандела до заключения, очевидно, подпадает под определение. То, что Мандела, без сомнения, предпочитал насилию иные методы, не играет роли, если он также утверждал, что средства насилия могут потребоваться для изменения политической ситуации. Мандела все время твердо придерживался этой позиции, и даже в речи, которую он произнес 11 февраля 1990 года, в день своего освобождения, говорил о том, что борьба с оружием в руках, которую вела АНК, еще не окончена, что факторы, приведшие к необходимости создания боевого крыла АНК в 1960 году, все еще существуют. Другой пример бывшего террориста, впоследствии удостоенного Нобелевской премии, – это израильский премьер-министр Менахем Бегин, который разделил премию с Анваром Садатом в 1978 году.

Я оставляю вопрос о том, какие формы политического насилия легитимны, а какие нет²⁹⁵, а остановлюсь на проблеме использования страха в качестве политического инструмента. Борьба с причинами, вызывающими страх, сама по себе

порождает страх. Если власти постоянно подчеркивают – и преувеличивают – террористическую угрозу, нависающую над гражданами, то фактически можно сказать, что власти сами терроризируют граждан²⁹⁶. Возникает симбиоз террористов и властей, их взаимное противоборство имеет общий результат – население, живущее в страхе. И те и другие используют этот страх в политической игре. В возможности жить своей жизнью, не испытывая чрезмерного страха, как раз и заключается важнейший аспект политической свободы. Правительство, которое стимулирует страх, к примеру, путем преувеличения опасности, создавая впечатление, что население постоянно находится под угрозой террористической атаки, тем самым ограничивает свободу граждан. Суть либеральной демократии – уважение к автономии индивида, а страх нарушает эту автономию.

Есть ли основания утверждать, что власти преувеличивают степень террористической угрозы? Безусловно, есть, если мы объективно посмотрим на количество людей, фактически пострадавших в результате террористических актов. В 1999 году в мире террористами было убито 233 человека, пятеро из них были американцами. В 2000 году общее количество убитых террористами людей было 405 человек, из них 19 были американцами²⁹⁷. По сравнению с этими числа-

ми в 2001 году произошел колоссальный скачок, поскольку атака 11 сентября имела катастрофический масштаб. Тогда погибших было почти в десять раз больше, чем в результате какого-либо теракта, произошедшего ранее, поэтому нельзя относить это нападение к типичному терроризму. В большинстве случаев террористические атаки не уносили столько жизней. Газовая атака в токийском метро в марте 1995 года, когда был распылен зарин, являющийся одним из самых ядовитых веществ на планете, унесла 12 жизней. Крупный теракт на железной дороге в Мадриде в марте 2004 года унес жизни 191 человека, а в результате терактов в Лондоне 7 и 21 июля 2005 года погибли 56 человек, включая четверых террористов-смертников. Если учесть статистику смертности по другим причинам, то нападение террористов – это не то, что должно беспокоить нас больше всего.

Около 3000 североамериканцев было убито террористами в течение 2001 года, и как бы это ни было ужасно, нам также следует помнить, что в том же году 700 000 североамериканцев умерли от заболеваний сердечно-сосудистой системы и 550 000 от рака. Можно также сопоставить следующее: количество американцев, погибших по вине нетрезвых водителей, в шесть раз превышает количество американцев, убитых террориста-

ми в 2001 году. Общее количество погибших в различных терактах, произошедших за последние десятилетия, не так велико. Безусловно, хотелось бы, чтобы ни одна из этих жизней не оборвалась, но в данном случае мы говорим о вероятности быть убитым при нападении террористов, которая так мала, что нужно обладать прямо-таки колоссальным невезением, чтобы попасть под удар. Нельзя недооценивать угрозу терроризма, но при этом необходимо стремиться более или менее разумно судить о масштабе этой угрозы. Опираясь на это «разумное суждение», сложно заключить, что «война против террора» имеет адекватный размах.

Очевидно, что с терроризмом надо бороться, но, на мой взгляд, также очевидно, что необходимость этой борьбы является недостаточно веской причиной для того, чтобы пренебрегать основополагающими правами. Мы должны уметь требовать, чтобы адепты «войны против терроризма» уважали ценности и институты, которые они якобы защищают. Мы также должны помнить, что основной задачей террористов 11 сентября 2001 года было нанесение Западу не материального ущерба, а психологического. Материальный ущерб зданиям-символам – и около 3000 убитых – это не что иное, как средство запугать Запад. Вряд ли бы они смогли больше в этом преуспеть. Этим они в основном обязаны западным властям и СМИ, ведь преувели-

чение террористической угрозы привело к тому, что страх приобрел такие масштабы, охват, которого террористы никогда не добились бы сами.

Государство, которое обеспечивает себе легитимность и повиновение граждан через страх, в действительности не строит демократию, коль скоро стратегия устрашения разрушает свободу, являющуюся сущностью демократии. Именно потому, что «война против терроризма» основывает свою легитимность на страхе, можно утверждать, что она несет бóльшую угрозу демократии, чем терроризм как таковой. Как отмечает философ Майкл Уолцер, либерализм страха предполагает либерализм надежды, ведь все, что мы боимся потерять, мы оцениваем как позитивное²⁹⁸. Свобода и справедливость должны значить больше, чем страх, в нашей политической мысли. Тогда многое в «войне против терроризма» вызовет сомнение, поскольку она в основном опирается именно на страх, оставляя в стороне свободу и справедливость. Она не только привела к конкретным изменениям гражданских прав, но и способствовала созданию атмосферы страха, которая сама по себе уничтожает нашу свободу. Борьба против источника страха сама сеет страх. Главный аспект политической свободы заключается именно в том, чтобы жить своей жизнью, не испытывая чрезмерного страха.

ΠΟ ΤΥ ΣΤΟΡΟΝΥ
ΣΤΡΑΧΑ?

*Fear is the main source of superstition and one of the main sources of cruelty. To conquer fear is the beginning of wisdom, in the pursuit of truth as in the endeavour after a worthy manner of life.**

*Бертран Рассел «An Outline of Intellectual Rubbish»
(1950)*

Психоаналитик Адам Филлипс рассказывает анекдот о мулле, который стоит перед своим домом в Лондоне и бросает зерна кукурузы²⁹⁹. К нему подходит англичанин и спрашивает, зачем он это делает. «Затем, что это заставляет тигров держаться на расстоянии», – отвечает мулла. Англичанин возражает, что в округе нет тигров. «Вот именно, значит, это работает», – говорит мулла.

Тот факт, что мы *не* попадаем в беду, не обязательно является следствием разумности наших действий. Страх рассказывает нам очень немногое о предмете страха. Тот факт, что некое лицо или общество совершает определенные действия, чтобы защититься от опасности, не раскрыва-

ет суть опасности. Наш страх, по всей видимости, больше говорит о нас, чем о том, чего мы боимся. Если мы чего-то боимся, это совсем не значит, что мы *должны* этого бояться. Однако просто потому, что существует некий страх, власти склонны принимать меры, которые зачастую отнимают у нас свободу, при этом нет никаких гарантий, что они обеспечивают нам бóльшую безопасность³⁰⁰. Тот факт, что кто-то обеспокоен неким риском, сам по себе не обязывает власти пытаться редуцировать этот риск. Если он незначителен, властям не следует предпринимать никаких действий, кроме как проинформировать граждан именно о том, что этот риск незначителен. Соответственно, власти должны активно действовать, если существует серьезная опасность, пусть даже бóльшая часть населения ни чем не обеспокоена.

Поводов для страха всегда хватает. В послевоенное время, и вплоть до 1989 года, главной угрозой был коммунизм. Затем его заменила угрожающая экологическая ситуация, а в последние годы все говорят о терроризме. Предметы страха меняются, но считать, что мы могли бы жить в мире, в котором отсутствует страх, было бы самообманом. Тем не менее нам следует уяснить, что наш страх не является объективным отражением действительности. Им управляют серьезные интересы. Страх является одним из важнейших факто-

ров власти, которые вообще существуют, и тот, кто способен управлять устрашением общества, по сути, имеет власть над этим обществом. Вслед за философом Джорджо Агамбеном мы, вероятно, можем сказать, что сегодня мы живем в перманентном режиме чрезвычайного положения, при котором соображения серьезной опасности используются как козырь, карта, бьющая признанные демократические права³⁰¹.

Возможно, самым цитируемым высказыванием о страхе можно считать слова из речи Франклина Д. Рузвельта, произнесенной им в 1933 году, когда великая депрессия была в разгаре, он утверждал, что «единственное, чего нам следует бояться, – это самого страха». Это было своевременно для момента, когда нация находилась в казавшемся безысходным кризисе. Можно его простить за не совсем оригинальную формулировку, ведь несколько иной вариант того же высказывания встречается, в частности, у Монтеня и Торо. Так или иначе, по сути, оно правильно. Нам следует бояться страха, поскольку он разрушает многое из того, что действительно имеет значение в жизни.

Легко согласиться с писателем, лауреатом Нобелевской премии Воле Шойинкой, считающим, что человечеству надо пытаться рассеять атмосферу страха, которой мы себя окружили, а не жить в ней³⁰². Вопрос в том, как это сделать. СМИ,

власти, идеологические организации и ассоциации необходимо призвать действовать более ответственно в том, что касается обращения к чувству страха, не преувеличивать опасность, какими бы «благими» ни были их намерения. Фармацевтические и медицинские организации не должны злоупотреблять пропагандой с целью запугивания для борьбы, к примеру, с курением или употреблением алкоголя и наркотиков. СМИ не должны кричать об опасности той или иной пищи, если эта опасность ничтожно мала. Идеологические организации не должны преувеличивать существующую опасность только для того, чтобы обратить на себя внимание СМИ. Однако сомнительно, что мы сможем увидеть такую ответственность в их действиях, коль скоро запугивание, вероятно, является наиболее эффективным средством, которое имеется в распоряжении у всякого для достижения конкретной цели, будь то улучшение общего состояния здоровья населения, продажа газеты или привлечение внимания к проблеме загрязнения окружающей среды.

Пока страх хорошо продается, СМИ вряд ли изменят свою тактику и станут более ответственными. Тем не менее мы должны понимать, что запугивание может иметь серьезные последствия. Информационное освещение обстановки в Новом Орлеане после урагана «Катрина» в 2005 году

является примером безобразного несоответствия между действительностью и страшными историями, которые рассказывают СМИ. CNN сообщала о снайперах, которые стреляли вслед летящим вертолетам спасателей, и о бандах насильников, которые обходили квартал за кварталом и измывались над всеми, кто им попадался. «FOX News» придерживались той же линии. Гости королевского ток-шоу Опри Уинфри в передаче, посвященной этой теме, рассказывали, что было совершено надругательство над грудным ребенком, а Уинфри утверждала, что в городе есть банды, которые вооружены лучше, чем полиция. Дошло до того, что рапортовали о случаях каннибализма. Нескончаемым рефреном звучало, что в Новом Орлеане творится тотальное беззаконие и убийство и насилие там являются скорее правилом, чем исключением. Можно понять, что бригады спасателей не горели желанием входить в эту зону. Поэтому эвакуация пациентов больниц была отложена, что привело к тому, что многие умирали. «Скорая помощь» прекратила выезды, ожидая, пока порядок будет восстановлен. Отряды военных, направленные в город, были заняты мерами безопасности, из-за чего они значительно позже приступили к спасательным работам. Многие полицейские просто-напросто ушли, испугавшись, что с ними что-то может случиться в городе,

а оставшиеся полицейские, вместо того чтобы помогать в спасательных работах, были посланы ловить банды убийц. Проблема в том, что всех этих оргий насилия просто-напросто не было³⁰³. Вообще в Новом Орлеане, согласно статистике, уровень насилия был всегда довольно высоким, но во время бедствия в действительности, похоже, произошёл значительный *спад* уровня преступности. То, что происходило и что вполне объяснимо, это ограбления магазинов, люди воровали продукты и прочее, чтобы выжить. В остальном жители города, пострадавшего от стихийного бедствия, похоже, вели себя относительно прилично. Все эти сообщения о мнимом беззаконии привели к тому, что гибли люди. Это яркий пример того, что драматизирующий модус, принятый в СМИ, ни в коей мере не является невинным явлением – он имеет конкретные негативные последствия, наносит вред. Не в последнюю очередь этот пример наглядно демонстрирует также тотальное неверие в людскую порядочность при возникновении критической ситуации.

Кажется, что наша культурно обусловленная установка – предполагать плохое и нами владеет страх, свободно блуждающий в вечной охоте на все, за что можно зацепиться³⁰⁴. Такой устрашающий мир не для счастливых людей. Как было сказано выше, среди большинства людей бытует

мнение, что сегодня мы подвергаемся большему риску и опасностям, чем раньше, и что в будущем станет еще хуже. Фактор, который сильнее всего влияет на суждение о собственном счастье, – это представление о будущем. Люди, живущие в крайней нищете, но верящие в то, что будущее принесет изменения к лучшему, как правило, более довольны жизнью, нежели те, чей уровень жизни выше, но кто при этом считает, что со временем дела пойдут хуже. Беспокойство по поводу будущего может сильно омрачить настоящее. Но у нас, вероятно, никогда не было меньше реальных поводов для беспокойства, чем сейчас.

Усиление запуганности подрывает нашу онтологическую уверенность, т. е. основополагающую уверенность, которая необходима нам, чтобы нормально жить. В культуре риска мы все становимся жертвами. Мы становимся страдальцами в том смысле, что становимся «страдающими», пассивными реципиентами. Страх лишает нас свободы. Та свобода, которая естественно присуща повседневности, ограничивается неуверенностью. Воле Шойинка пишет: «Осторожность и высчитывание становятся нормой вместо спонтанности или налаженности»³⁰⁵. Эта спонтанность является главной составляющей нашей свободы. Тот, кто беспрестанно вынужден обдумывать свои действия, даже в простейших бытовых повседнев-

ных вопросах, ограничен в свободе действий. Это ограничение может исходить от газетных передовиц, сообщающих о насилии, совершенном в соседнем районе, о том, что террористы могут нанести удар «где угодно и когда угодно», о том, что наша пища небезопасна, или о том, что можно подхватить опаснейший вирус. Когда на тебя давит подобная информация, теряешь обычную непринужденность повседневности.

Жить в страхе тяжело. Монтень указывает: «Я уж успею почуять беду и не предваряя ее страхом. Кто боится страданий, тот страдает уже от своей боязни»³⁰⁶. Трудно представить себе, что когда-нибудь страх полностью пропадет. Джозеф Конрад пишет:

*Страх всегда остается. Человек может уничтожить в себе всё: любовь, ненависть, веру, даже сомнения, но, пока он цепляется за жизнь, ему не уничтожить страха; страх – вкрадчивый, непобедимый и ужасный – охватывает всё его существо, окрашивает его мысли, таится в его сердце, следит за последним его вздохом*³⁰⁷.

Эта формулировка преувеличивает значение страха в жизни человека, поскольку страх остается словно основа, фундамент, в то время как все остальное отпадает. Роль, которую страх играет в нашей жизни, зависит и от того, какую роль мы позволяем ему играть. В наших силах попытаться

противостоять *привычности*, через которую проявляется страх, и мы можем попытаться заменить страх надеждой.

Я предпочитаю надежду, а не страх, однако это не означает, что я сторонник возврата великих социальных утопий. Напротив, я считаю, что общество страха является продуктом утопического мышления. Слово «утопия» в буквальном смысле означает «место, которого нет», однако все чаще оно понимается как «благословенное место», то есть как «ейтопия» (от греческого префикса *eu* – означающего «благо» и *topos* – «место»). Социальные утопии были мечтами об обществе, где нет места несчастьям, конфликтам и всему тому, что омрачает жизнь. Как это выражено в романе Олдоса Хаксли «*О дивный новый мир*» (1932): «Цивилизованному человеку нет нужды переносить страдания»³⁰⁸. Утопия – это общество, в котором по определению отсутствует страх. Именно за счет контраста реальности и утопии страх становится таким невыносимым, а всякое несчастье совершенно неприемлемым.

Когда читаешь об утопиях, создается впечатление, что их попросту невозможно обжить. Как будто сама *жизнь* устранена из этих вроде бы идеальных обществ. Похоже, наша утопия – это создание общества, в котором все опасности находятся под абсолютным контролем, а несчастья

забыты и существуют лишь в учебниках истории. Можно ли вообще жить в таком обществе? В сатирическом рассказе «Обезумевшие» (1988) Дж.Г. Баллард описывает небольшое общество жителей лондонского пригорода, это общество охраняется надежнейшим образом и полностью защищено³⁰⁹. Однажды все взрослые оказываются убитыми, а дети пропавшими. Ричард Гревилл, психиатр, работающий на полицию, пытается раскрыть тайну. Со временем он выясняет, что дети вовсе не похищены, они сами убили собственных родителей и сбежали. Зачем? Нет оснований полагать, что родители подвергали детей сексуальному или иному насилию, они лишь пытались сделать так, чтобы жизнь детей была лучшей из возможных. Вывод, к которому в конце концов приходит Гревилл, обескураживает: дети восстали против родителей и убили их, чтобы избавиться от их удушающей заботы. В попытке подарить детям совершенное, безопасное детство родители на самом деле лишили их детства³¹⁰. Кроме того, очевидно, что «внешняя» действительность должна производить весьма удручающее впечатление, чтобы вообще замыслить создание такого закрытого, надежного и безопасного общества.

Культура страха – культура пессимистическая. В романе Чака Паланика «Невидимки» (1999) это иллюстрируется так: «Будущее превратилось из

надежды в угрозу. Когда это произошло³¹¹?» Само собой, простого ответа на этот вопрос не существует. Примеры пессимистического представления о будущем можно найти уже во времена Античности, но понятие «пессимизм» не употреблялось вплоть до 1770-х годов³¹². Великий пессимизм в целом раньше являлся явлением, свойственным элите и носившим маргинальный характер. Сегодня, напротив, пессимизм, похоже, принят повсеместно и всеми, а вера в прогресс теперь считается безрассудной наивностью³¹³. Зигмунт Бауман пишет:

«Прогресс» означает не качество истории, а самоуверенность настоящего времени. Глубочайшее и, вероятно, единственное значение прогресса заключается в двух тесно связанных между собой убеждениях, а именно «время на нашей стороне» и «ход вещей зависит от нас». [...] Для людей, которые верят в свою способность повлиять на ход вещей, «прогресс» естественен. Люди, которые чувствуют, что у них все валится из рук, никогда не пришли бы к идее прогресса, и для них она прозвучала бы нелепо³¹⁴.

В культуре жертв и культуре страха идея прогресса становится невозможной. Самое большое, во что еще как-то можно поверить, так это, вероятно, в предотвращение ухудшения ситуации. Если не чувствуешь, что жизнь в твоих руках, и не-

достаточно веришь в то, что можно изменить мир к лучшему, то образ будущего становится малопривлекательным.

В самом начале своей фундаментальной работы о надежде Эрнст Блох пишет:

*Главное – научиться надеяться. Энергия надежды не пропадает, она избирает, скорее, удачу, а не провал. Надежда сильнее страха, поскольку она активна и свободна от всякого плена. Заряд надежды расширяет возможности человека, а не ограничивает их*³¹⁵.

Речь идет не о том, чтобы уничтожить страх. Страх будет всегда, ведь в жизни всегда есть вещи, *имеющие для нас значение*. Страх возникает, когда существует та или иная угроза желаемому, касается ли это собственной жизни или жизни других. Философ Ф.Г. Брэдли писал: «Перестает бояться тот, кого уже ничто не беспокоит»³¹⁶. Однако страх также может стать всеобъемлющим, и тогда он разрушает многое из того, что имеет для нас значение в жизни, тогда мы чувствуем его гнет. Надежда, напротив, вселяет оптимизм, наполняет доверием, надеяться – значит иметь активную позицию, надежда освобождает. Надежда может поддержать нас, если страх потянет вниз.

Я не стану утверждать, что мы живем в «лучшем из возможных миров», но все могло бы быть намного хуже, кроме того так оно и было на про-

тяжении большей части истории человечества. Если бы мы могли выбирать, в какой период истории человечества хотели бы жить, то, вероятно, именно настоящее стало бы оптимальным выбором. Как уже было сказано, наш страх является побочным эффектом благополучия: наша жизнь стала настолько безопасной, что мы можем позволить себе беспокоиться по поводу многочисленных угроз, которые едва ли станут реальностью, пока мы живы. Разумеется, в наше время также существует целый ряд серьезнейших проблем: бедность, голод, изменение климата, политические и религиозные конфликты и др. То, что нам нужно, – это вера в способность человека пытаться шаг за шагом справляться с этими бедами, учиться на своих ошибках, создать лучший мир, одним словом, – гуманистический оптимизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Две совершенно разные и интересные работы о тревоге с точки зрения психологии и философии см.: *Bjørn Holgermes: Angst i eksistensfilosofisk belysning*, Høyskoleforlaget, Kristiansand 2004 и *Renata Salecl: On Anxiety*, Routledge, London 2004.

2. *Roland Barthes: Lysten ved teksten*, пер. Arne Kjell Haugen, Solum, Oslo 1990. S. 48.

3. См., например: *Frank Furedi: Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. Испр. изд. Continuum, London/New York 2005 и *Joanna Bourke: Fear: A Cultural History*, Virago, London 2005.

4. *Ludwig Wittgenstein: Tractatus logico-philosophicus*, Werkausgabe in 8 Banden, Bd. 1, Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1984, § 6.43.

5. *Jean-Paul Sartre: The Emotions: Outline of a Theory*, пер. B. Frechtman, Citadel Press, New York 1986. S. 87.

6. *Michel de Montaigne: «Forsvarstale for Raymond Sebond»*, в *Essays*. Книга первая, пер. Beate Vibe, Aschehoug, Oslo 2005. S. 220.

7. Первая книга Моисеева Быт., 3:10.
8. Сравни: *Niklas Luhmann: Risk. A Sociological Theory*, пер. Rhodes Barrett, de Gruyter, New York 1993.
9. Количество упоминаний слова «страх» за десятилетие:
1996 1997 1998 1999 2000 2001 2002 2003 2004 2005 2006
3331 3319 3774 3821 4163 5168 4709 4757 4443 5308 5883
Я ограничился временным промежутком с 1996 по 2006 год, поскольку материалы разных газет в разное время были внесены в базу данных, и результаты поиска до 1996 года не могут быть непосредственно сопоставлены с поисковыми результатами, полученными на материале, относящемся к 1996 году и последующим годам. Объем материала, по которому осуществлялся поиск, также варьирует от 1996 до 2006 года. Очевидно, что такой обзор, основанный на количестве упоминаний в a-tekst, не совсем надежен и не дает полной картины, однако по меньшей мере мы можем использовать базу данных, чтобы проследить общую тенденцию развития.
10. *Furedi: Culture of Fear*. S. XII.
11. *Aftenposten* 11 august 2005.
12. Ср. *Paul Slovic: The Perception of Risk*, Earthscan, London 2000, глава 8.
13. *Ibid.* глава 13.
14. См., например: *Cass R. Sunstein: Risk and Reason. Safety, Law and the Environment*, Cambridge University Press, Cambridge 2002. P. 4.
15. См.: *Eric Howeler: «Anxious Architectures: The Aesthetics of Surveillance»*, в *Archis* 3/2002 и *Eric Howeler: «Paranoia Chic: The Aesthetics of Surveillance»*, в *Loud Paper* 3/2004.
16. *Sibylla Brodzinsky: «Bulletproof clothing that's fashionable too»*, в *Business 2.0 Magazine*, 17 august 2006.
17. *Paola Antonelli: Safe: Design Takes on Risk*, The Museum of Modern Art, New York 2005. P. 80.

18. Ibid. P. 10, 118.

19. Ibid. P. 10, 15.

20. *Nan Ellin* (red.): *Architecture of Fear*, Princeton Architectural Press, New York 1997.

21. *Melinda Muse*: *I'm Afraid, You 're Afraid: 448 Things to Fear and Why*, Hyperion, New York 2000.

22. *Jared Dimond*: *Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed*, Viking Press, New York 2004; *James Howard Kunstler*: *The Long Emergency: Surviving the End of Oil, Climate Change, and Other Converging Catastrophes of the Twenty-First Century*, Atlantic Monthly Press 2005. Eugene Linden: *The Winds of Change: Climate, Weather, and the Destruction of Civilizations*, Simon & Schuster, New York 2006.

23. *Matthew Stein*: *When Technology Fails: A Manual for Self-Reliance and Planetary Survival*, Clear Light Books 2000; *Jack A. Spigarelli*: *Crisis Preparedness Handbook: A Complete Guide to Home Storage and Physical Survival*, Cross-Current Pub. 2002.

24. *Henrik Svensen*: *Enden er nær. En bok om naturkatastrofer og samfunn*, Aschehoug, Oslo 2006. S. 15. Сравни S. 172. Курсив авторский.

25. По Интернету циркулировала шутка о будто бы опасном веществе дигидрогенмонооксиде (<http://no.wikipedia.org/wiki/Dihydrogenmonoksid>). Если посмотреть на список вредных воздействий, которые оказывает это вещество, то, несомненно, можно найти основания для беспокойства: 1) Оно ежегодно становится причиной множества случаев с летальным исходом. 2) Зависимость от него велика, а абстинентные симптомы способны убить в считанные дни. 3) Большая доза этого вещества, находящегося в жидкой форме, может вызвать отравление и смерть. 4) Вдыхание небольшого количества вещества может стать причиной опасного для жизни удушья. 5) Контакт с веществом, находящимся в форме газа, может привести к серьезнейшим ожогам. 6) У раковых пациентов вещество часто обнаруживают в опухоли. 7) Вещество является основным ком-

понентом, входящим в химический состав кислотных дождей.

8) Вещество вызывает эрозию почвы и парниковый эффект. Использование вещества, оказывающего такое количество вредных воздействий, вероятно, должно быть строго контролируемо или же вообще запрещено. Поэтому многие люди подписали призыв запретить его использование. Проблема в том, что описываемое вещество было самой обыкновенной водой. Вода обладает всеми перечисленными свойствами. Эта шутка доказывает: все что угодно может быть представлено как серьезная опасность для здоровья, стоит только односторонне и необъективно подать информацию.

26. В связи с 20-летием со дня чернобыльской трагедии многие защитники окружающей среды и экологические организации распространили сенсационную информацию о количестве пострадавших от этой аварии, с целью нас напугать и убедить в том, что лучше вообще отказаться от использования атомной энергетики в качестве источника энергии. Гринпис опубликовала рапорт, согласно которому до сих пор значительно недооценивалось количество летальных исходов и случаев заболевания раком. Гринпис утверждает, что 270 000 человек в Белоруссии могут заболеть раком вследствие трагедии, из них 93 000 могут умереть от болезни. Далее, по оценкам Гринпис, 60 000 россиян умерло вследствие трагедии, также общее количество летальных исходов на Украине и в Белоруссии может возрасти до 140 000 (*The Chernobyl Catastrophe. Consequences on Human Health*. Гринпис, Амстердам 2006, <http://www.greenpeace.org/raw/content/international/press/reports/chernobyl-healthreport.pdf>). Эти цифры практически без всякого разбора были повторены большинством СМИ, несмотря на то, что эти утверждения сильно разнятся с данными Всемирной организации здравоохранения и Международного агентства по атомной энергии, по оценкам которых от 4000 до 9000 человек могут умереть от последствий катастрофы (*Chernobyl's Legacy: Health, Environmental and Socio-Economic Impact*, IAEA, Вена, <http://www.iaea.org/Publications/Booklets/Chernobyl/chernobyl.pdf>). Сразу после аварии погибло около 30 человек, сотни людей уже умерли, но в дальнейшем это количество возрастет до нескольких тысяч. Однако это не сравнимо с цифрами, опубли-

кованными Гринпис, которая имеет незначительное независимое финансирование или же вовсе его не имеет и которая, судя по всему, преувеличением пытается добиться внимания и финансирования. Если оценки Гринпис достоверны, то небольшая доза радиоактивного облучения должна иметь гораздо более серьезные последствия, чем принято считать, а этому не существует никаких подтверждений.

27. *Lee Jones*: «Turning children green with fear», Spiked 12. марта 2007, <http://www.spiked-online.com/index.php?/site/article/2950/>.

28. *Bourke*: *Fear: A Cultural History*. С. 259.

29. Работа, в которой речь идет о серьезности этой угрозы, однако едва ли можно сказать, что эту серьезность удалось убедительно доказать, см. *Graham Allison*: «The ongoing failure of imagination», в *Bulletin of the Atomic Scientists* 62/5 2006.

30. О газовой атаке в токийском метро в марте 1995 г. глазами пострадавших и о том, как изменилась их жизнь после этого см. *Харуки Мураками* *Подземка*, Эксмо, 2006.

31. *Aftenposten* 16 mai 2006.

32. См. *Human Security Centre*: *Human Security Report 2005 – War and Peace in the 21st Century*, Oxford University Press, Oxford 2006.

33. *Furedi*: *Culture of Fear*. S. VII.

34. Масштабное исследование по этой теме, опирающееся в основном на американский материал, см. *David L. Altheide*: *Creating Fear. News and the Construction of Crisis*, de Gruyter, New York 2002.

35. Ср. *George Gerbner*: «Violence and Terror in and by the Media», в *M. Raboy u B. Dagenais* (red.): *Media, Crisis and Democracy: Mass Communication and the Disruption of Social Order*, Sage, London 1992.

36. Весьма интересный анализ различных теорий эмоций, с упором на когнитивистское направление см. *Frode Nyeng*: *Følelser – i filosofi, vitenskap og dagligliv*, Abstrakt forlag, Oslo

2006. Полезным для меня было также чтение *Robert Solomon: The Passions: Emotions and the Meaning of Life*, Hackett Publishing Company, Indianapolis/Cambridge 1993.

37. *Paul Ekman: «An Argument for Basic Emotions» // Cognition and Emotion 6/1992.*

38. Ср. *Andrew Ortony et al.: The Cognitive Structure of the Emotions*, Cambridge University Press, Cambridge 1998. S. 27.

39. Выводы и анализ дискуссии о «basic emotions» см. *Robert Solomon: «Back to Basics: On the Very Idea of 'Basic Emotions'», в Not Passion's Slave: Emotions and Choice*, Oxford University Press, Oxford 2003.

40. *Мерло-Понти М. Феноменология восприятия*. Пер. Д. Калугин, Л. Корягин, А. Марков, А. Шестаков. М.: Ювента; Наука, 1999.

41. Там же. С. 246.

42. Ср.: *Bourke: Fear: A Cultural History*. P. 19.

43. Очень интересное исследование, имеющее такую направленность, см.: *Daniel M. Gross: The Secret History of Emotion. From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science*, The University of Chicago Press, Chicago 2006.

44. Ср.: *William M. Reddy: The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotion*, Cambridge University Press, Cambridge 2001. P. 12.

45. *Монтень М. Опыты*. Книга вторая. О пьянстве. М.: Голос, 1992.

46. *David Hume: A Treatise of Human Nature*, Penguin, London 1984, bok 2.9. S. 491.

47. Ср.: *Antonio Damasio: Følelsen av hva som skjer. Kroppens og emosjonenes betydning for bevisstheten*, overs. Kåre A. Lie, Pax Oslo 2002. С. 68–72.

48. Ср. *Reiner Sprengelmeyer и др.: «Knowing no fear» // Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences*, 1437/1999.

49. *Joseph LeDoux*: The Emotional Brain, Weidenfels & Nicholson, London 1998.
50. Ср.: *Hans Selye*: The Stress of Life, McGraw-Hill, New York 1976.
51. *LeDoux*: The Emotional Brain. P. 302.
52. *Michael Meyer*: Philosophy and the Passions. Towards a History of Human Nature, overs. Robert F. Barsky, Penn State Press, Pennsylvania 2000. P. 1.
53. Ср.: *Mohan Matthen*: «Biological Universals and the Nature of Fear», в The Journal of Philosophy, 3/1998.
54. *Aristoteles*: Den nikomakiske etikk, пер. Øyvind Rabbås и Anfinn Stigen, Bokklubben Dagens Bøker, Oslo 1999. С. 52 (1115a).
55. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В. Бибихин. М.: Наука, 2006.
56. *Кассирер Э.* Опыт о человеке / Пер. А. Муравьева // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 3–30.
57. *Ernest Becker*: Escape from Evil, The Free Press, New York 1975. С. 148.
58. *Thukydides*: Peloponneserkrigen, Første bind, overs. Henning Mørland, Aschehoug, Oslo 1999, bok 1.23. S. 28. Ср.: bok 1.88. S. 61.
59. Исследование по этой теме с фокусом на страхе и тревоге см.: *Isaac M. Marks u Randolph M. Nesse*: «Fear and Fitness: An Evolutionary Analysis of Anxiety Disorders» // Ethology and Sociobiology 15/1994.
60. *Де Ларошфуко Ф.* Максимы и моральные размышления, пер. Э.Л. Линецкой. М.: Наука, 1993.
61. *Тит Лукреций Кар.* О природе вещей // Пер. Ф. Петровского. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1945.
62. *William James*: «What is an Emotion?» // Mind 9/1884. S. 190.

63. *W.B. Cannon*: «The James-Lange theory of emotion: A critical examination and an alternative theory», в *American Journal of Psychology* 39/1927. См. также: *W.B. Cannon*: *Bodily Changes in Pain, Fear and Rage*, Appleton, New York 1929.

64. *Stanley Schachter, Jerome Singer*: «Cognitive, social, and physiological determinants of emotional state», в *Psychological Review* 69/1962.

65. Ср.: *Martha C. Nussbaum*: *Upheavals of Thought. The Intelligence of the Emotions*, Cambridge University Press, Cambridge 2001. P. 35f.

66. Интересный анализ этого вопроса см. *Ronald de Sousa*: «Self-deceptive Emotions», в *Amelie Oksenberg Rorty* (red.): *Explaining Emotions*, University of California Press, Berkeley 1980. P. 283–297.

67. *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения. СПб.: Наука, 1999.

68. Именно вопрос о том, должен ли я фактически верить в существование вымышленных образов, чтобы бояться их, является поводом для дискуссий в специальной литературе. Однако в этой книге я не стану касаться обсуждения этого вопроса. Относительно доступное изложение центральных аспектов проблематики см.: *Noel Carroll*: *The Philosophy of Horror, or Paradoxes of the Heart*, Routledge, London/New York 1990, глава 2.

69. *Канетти Э.* Масса и власть // Тень парфюмера. М.: Алгоритм, 2007, пер. Р. Каралашвили.

70. *Лавкрафт Говард Ф.* Сверхъестественный ужас в литературе в Зверь в подземелье Гудьял-Пресс, 2000, пер. Л. Володарская.

71. *Аристотель.* Никомахова этика // Пер. Нина Брагинской, М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.

72. *Michel de Montaigne*: «Om frykten», в *Essays. Første bok*, overs. Beate Vibe, Aschehoug, Oslo 2004. S. 110.

73. *Edmund Burke*: Philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful, Oxford University Press, Oxford 1998. S. 53.

74. *Heidegger*: Sein und Zeit. S. 342.

75. Ср.: *Damasio*: Følelsen av hva som skjer. S. 68–72.

76. *Аристотель*. Риторика, пер Н. Платоновой, Античные риторики. М., 1978.

77. *Thomas Hobbes*: De Cive, Clarendon Press, Oxford 1983, bok 1.2, S. 58f.

78. *Adam Smith*: The Theory of Moral Sentiments, The Liberty Fund, Indianapolis 1982 (1759). S. 30.

79. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе пер. С. Церетели. М.: Канон, 1995.

80. *Аристотель*. Риторика пер Н. Платоновой // Античные риторики. М., 1978. Надо заметить, что Аристотель не совсем последователен, коль скоро он также пишет: «Действительно, страдая, трус легко теряет надежду: ведь ему все страшно» (Никомахова этика, перевод: Нина Брагинская, М.: ЭКСМО-Пресс, 1997).

81. *Thomas Aquinas*: Orden og mysterium (overs. Vegard Skånland), Dreyer Oslo 1964. S. 90, nr. 310.

82. *Aquinas*: Orden og mysterium. S. 90, nr. 311.

83. Доступный и информативный анализ отваги см.: *William Ian Miller*: The Mystery of Courage, Harvard University Press, Cambridge, MA/London 2000.

84. *Aristoteles*: On generation and corruption, в The Complete Works of Aristotle, Princeton University Press, Princeton NJ 1985, 323blff. См. также: *Metaphysics*, в The Complete Works of Aristotle, Princeton University Press, Princeton NJ 1985, 1002bl5.

85. Статья, в которой утверждается, что мы не полностью отданы во власть своих чувств, что чувства не являются чем-то,

что мы всего-навсего «принимаем», см.: *Robert Solomon*: «On the Passivity of the Passions», в *Not Passion's Slave: Emotions and Choice*, Oxford University Press, Oxford 2003.

86. *Heidegger*: *Sein und Zeit*. S. 141.

87. *Ibid.* S. 137.

88. *Martin Heidegger*: *Nietzsche, Erster Band*, Neske, Pfullingen 1989. S. 119.

89. *Хайдеггер М.* Ницше 1 том, Владимир Даль, 2006, пер. А. Шурбелев.

90. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? пер. В. Бибихин Академический проект, 2007.

91. *Heidegger*: *Sein und Zeit*. S. 140.

92. *Ibid.* S. 141.

93. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Наука, 2006, пер. В. Бибихин.

94. *Jean-Paul Sartre*: *Erfaringer med de Andre*, пер. Dag Østerberg и Halvor Roll, Gyldendal, Oslo 1980. S. 146.

95. *Sartre*: *The Emotions: Outline of a Theory*. S. 63.

96. *Ibid.* S. 52ff.

97. *Ibid.* S. 78f, 84.

98. *G.W.F. Hegel*: *Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften I*, *Werke* Bd. 8, Suhrkamp, Frankfurt a.M. 1986, § 410. См. также: *Aristoteles*: *Den nikomakiske etikk*, 1152a25 и далее.

99. Как формулирует это Морис Мерло-Понти: «Мы можем сказать, что тело усвоило навык, что он приобретен, если тело прониклось каким-то новым значением, ассимилировало в себя новое сигнификативное ядро». (*Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. М.: Ювента, Наука, 1999.)

100. Ср.: *Isaac Marks*: *Living with Fear: Understanding and Coping with Anxiety*, McGraw-Hill, Maidenhead 2005.

101. *Brian Massumi*: «Everywhere You Want to Be: Introduction to Fear» // Brian Massumi (red.): *The Politics of Everyday Fear*, University of Minnesota Press, Minneapolis/London 1993. S. 24. См. также: *Brian Massumi*: «Fear (The Spectrum Said)» // *Positions* 13/1 2005.

102. *Zygmunt Bauman*: *Liquid Fear*, Polity Press, Cambridge 2006. P. 3.

103. *Anthony Giddens*: *Modernity and Self-Identity. Self and Identity in the Late Modern Age*, Polity Press, Cambridge 1991. P. 3.

104. *Ulrich Beck*: *Risk Society: Towards a New Modernity*, Sage, London 1992. S. 96.

105. *Деллило Д.* Белый шум. М.: Эксмо, 2003, пер. В. Коган. С. 66.

106. Там же. С. 40.

107. Там же. С. 331, 332.

108. Там же. С. 212.

109. Там же. С. 363.

110. См.: *Mary Douglas*: *Risk and Blame. Essays in Cultural Theory*, Routledge, London 1992.

111. Те, кто имеет реалистичный взгляд на риск, считают, что действительность превосходит наши представления о ней и что риск – это объективный факт. Социальные конструктивисты считают, что риск в основе своей является социальной величиной, что он формируется социальным окружением субъектов. С точки зрения социального конструктивизма знания о риске не являются объективно относящимися к независимой, внешней действительности, а, скорее, они связаны с социальными группами, которые их формулируют. Я не буду здесь касаться обсуждения этого вопроса и займу умеренную промежуточную позицию. Я придерживаюсь того же мнения, что и, скажем, Ульрих Бек, который видит сильные и слабые стороны в обеих позициях, ведь одна из них отражает объективные и измеримые аспекты риска, но не учитывает того,

что они всегда включены в культурный и политический контекст, согласно другой позиции все происходит с точностью до наоборот. (Он ясно выражает свое мнение по этому поводу в: *Ulrich Beck: Ecological Politics in an Age of Risk*, Polity Press, London 1995.)

112. Мэри Дуглас вместе с Аароном Вильдавски рассказывают о народе леле, которому угрожает множество болезней и опасных явлений природы, однако леле в своих оценках риска особенно выделяют удар молнии, инфертильность и бронхит. Другие группы и народности выделяют другие опасности (*Mary Douglas, Aaron Wildavsky: Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers*, University of California Press, Berkeley/Los Angeles/London 1982. S. 7).

113. Ibid.

114. *Beck: Risk Society*. S. 176.

115. *Douglas: Risk and Blame*. S. 26.

116. *Altheide: Creating Fear*. S. 147.

117. Cp.: *Furedi: Culture of Fear*. S. 99.

118. Cp.: *Peter N. Stearns, Timothy Haggerty: «The Role of Fear: Transitions in American Emotional Standards for Children, 1850–1950» // American Historical Review 96/ 1991.*

119. Cp.: *Bourke: Fear: A Cultural History*. S. 87 и далее.

120. Cp.: *Slovic: The Perception of Risk*. S. 106f.

121. *Garric Blalock* и др.: «The Impact of 9/11 on Driving Fatalities: The Other Lives Lost to Terrorism», <http://www.news.cornell.edu/stories/March05/Septlldriving.pdf>. Сейчас нам часто сообщают об опасностях, связанных с поездкой на автомобиле, однако вывод, который можно сделать на основании исследований, заключается в том, что самым опасным видом транспорта является самый древний: ходьба (cp.: *Michelle Ernst: Mean Streets 2004, Surface Transportation Policy Project 2004*). «Надежного» транспорта с этой точки зрения быть не может.

122. *Slovic*: The Perception of Risk, kap. 16.
123. Cp. *Sunstein*: Laws of Fear. S. 82.
124. *Slovic*: The Perception of Risk. S. 323.
125. На это можно возразить, что те, кто умирает от обычного гриппа, в значительной мере являются людьми преклонного возраста со слабым здоровьем и что они, если основываться на статистических данных, так или иначе могли бы умереть в скором времени. С этой точки зрения это сравнение не совсем корректно.
126. По этой теме см.: *Jan Brøgger sr., Epidemier*: En natur – og kulturhistorie, Damm, Oslo 2002.
127. Kreft i Norge 2004, Kreftregisteret, Institutt for populasjonsbasert kreftforskning, Oslo 2006. S. 18.
128. http://www.pfizer.no/templates/NewsPage_____1217.aspx.
129. Dagbladet 23 juni 2006.
130. *AJ. Wakefield et al.*: «Ileal-lympboid-nodular hyperplasia, non-specific colitis, and pervasive developmental disorder in children», в *The Lancet*, Vol. 351, Nr. 9103, 1998.
131. Подробнее о деле Уэйкфилда см.: *Michael Fitzpatrick*: «The MMR Story» // Stanley Feldman и Vincent Marks (red.): *Panic Nation*, John Blake, London 2005.
132. См.: *Ståle Fredriksen*: *Bad Luck and the Tragedy of Modern Medicine*, Det medisinske fakultet, Universitetet i Oslo 2005.
133. См.: *Michel Foucault*: *The Birth of the Clinic. An Archeology of Medial Perception*, overs. A.M. Sheridan, Routledge, London 1997, особенно глава 9.
134. *Zygmunt Bauman*: *Flytende modernitet*, overs. Mette Nygård, Vidarforlaget, Oslo 2001. S. 95.
135. Обсуждение этой проблемы см.: *Ivan Illich*: *Medisinsk nemesis*, overs. Truls Hoff, Gyldendal, Oslo 1975.

136. Удивительно, но это оказало относительно небольшое влияние на уровень доверия со стороны норвежских потребителей к норвежским продуктам питания. См.: *Lisbet Berg*: Trassig tillit. Forbrukertillit under e. coli-skandalen, SIFO, Oslo 2006.

137. *Verdens Gang*. 21 mai 2006.

138. *John Krebs*: «Why natural may not equal healthy» // *Nature* 415/2002. S. 117.

139. Ср.: *Lakshman Karalliedde*: «Pesticides in food» // Stanley Feldman и Vincent Marks (red.): *Panic Nation*, John Blake, London 2005.

140. Доступно изложенный анализ научных исследований в этой области, вывод из которого заключается в том, что оснований для предпочтения экологического подхода к сельскому хозяйству традиционному подходу не существует, см.: *Alex Avery*: *The Truth About Organic Foods*, Henderson Communications L.L.C., Chesterfield, MO 2006.

141. Ср.: *Furedi*: *Culture of Fear*. S. 57.

142. *Ronald M. Davis u Barry Pless*: «BMJbans 'accidents'» // *British Medical Journal* 322/2001. S. 1320f.

143. *Fredriksen*: *Bad luck and the tragedy of modern medicine*.

144. См.: *Christopher Frayling*: *Mad, Bad and Dangerous? The Scientist and the Cinema*. Reaktion, London 2005.

145. *Beck*: *Risk Society*. S. 183.

146. *Lubmann*: *Risk*. S. 44.

147. *Hans Jonas*: *Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*, Suhrkamp, Frankfurt a.M., 1979. S. 63.

148. *Ibid.* S. 391.

149. *Harvey Scodel*: «An Interview with Professor Hans Jonas» // *Social Research* 2/2003. S. 367.

150. Нижеследующее обсуждение принципа предотвращения во многом основано на: *Cass R. Sunstein: Laws of Fear. Beyond the Precautionary Principle*, Cambridge University Press, Cambridge 2005.

151. Soria Moria-erklæringen, глава 12: «Norge som miljønasjon», <http://www.dna.no/index.gan?id=46463&subid=0>.

152. Некоторые теоретики также связывают принцип предупреждения с так называемым максиминным принципом, согласно которому все возможные альтернативы должны быть ранжированы по критерию их наилучшего исхода, худшие из худших должны быть исключены, таким образом останется альтернатива, реализация которой в худшем случае не будет так плоха, как наилучшие исходы прочих альтернатив. Проблема максиминного принципа заключается в том, что он не учитывает фактора вероятности, а только наилучший исход. Кроме того, это может привести к абсурду, вроде того, что не следует делать попыток борьбы с глобальным потеплением, поскольку это будет дорого стоить и может не оправдаться, а серьезные затраты и при этом нерешенная проблема глобального потепления – это исход худший, по сравнению с тем, чтобы иметь проблему глобального потепления, но не задействовать серьезные ресурсы.

153. *Sandy Starr*: «Science, risk and the price of precaution» <http://www.spiked-online.com/articles/00000006DD7A.htm>.

154. *C. Anderson*: «Cholera epidemic traced to risk miscalculation» // *Nature* 354/1991. S. 255. Некоторые утверждали, что вспышка холеры не может быть однозначно объяснена прекращением хлорирования воды, когда имеются более сложные причинно-следственные отношения, чем это. См.: *Joel Tickner, Tami Gouveia-Vigeant*: «The 1991 Cholera Epidemic in Peru: Not a Case of Precaution Gone Awry» // *Risk Analysis* 3/2005. S. 495ff.

155. Литературы о ДДТ и малярии становится все больше. Довольно просто написанный, но в то же время основательный анализ и обсуждение темы см.: *Richard Tren u Roger Bate*: «Malaria and the DDT Story», IEA Occasional Paper 117/2001.

156. *Frank Furedi*: Politics of Fear, Continuum, London/New York 2005. S. 10.
157. Ibid. S. 11.
158. *Francois Ewald*: «Two Infinities of Risk» // Brian Massumi (red.): The Politics of Everyday Fear, University of Minnesota Press, Minneapolis/London 1993. S. 221f.
159. Ibid. S. 227f.
160. *Friedrich Nietzsche*: Morgenrote, Kritische Studienausgabe, Bd. 3, dtv/de Gruyter, Munchen/Berlin/New York 1988, §551.
161. Простой обзор истории готического жанра см.: *Richard Davenport*: Gothic: 400 Years of Excess, Horror, Evil and Ruin, Fourth Estate, London 1998.
162. *Oscar Wilde*: Complete Works of Oscar Wilde, Collins, London 1966. S. 1038.
163. Cp.: *Gerard Jones*: Drep monstrene. Barns behov for fantastiske forestillinger, superhelter og liksom-vold, overs. Sigrid Salen, Andresen & Butenschøn, Oslo 2004.
164. *Jean Genet*: Tyvens dagbok, overs. Herbert Svenkerud, Cappelen, Oslo 1986. S. 7.
165. Ibid. S. 194.
166. Ibid. S. 18f.
167. *Жене Ж.* Дневник вора. М.: Текст, 2005, пер. Н. Паниной. S. 159–160.
168. Цит. по: *Hagerup*: «Etterord», в Charles Baudelaire: Spleen og ideal, overs. Haakon Dahlen, Bokvennen, Oslo 1999. S. 142.
169. *Baudelaire*: «Hymne til venleiken» // Spleen og ideal. S. 41f.
170. *Baudelaire*: «Til lesaren» // Spleen og ideal. S. 11.
171. *Charles Baudelaire*: Dagbøker, overs. Tore Stubberud, Solum, Oslo 1975. S. 33.

172. Это эссе и другие тексты Де Квинси на ту же тему собраны в: *Thomas De Quincey: On Murder*, Oxford University Press, Oxford 2006. Последующее изложение взглядов Де Квинси во многом основано на: *Joel Black: The Aesthetics of Murder. A Study in Romantic Literature and Contemporary Culture*, The Johns Hopkins University Press, Baltimore/London 1991.

173. *De Quincey: On Murder*. S. 11.

174. *Burke: Philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful*. S. 43.

175. Ibid. S. 44.

176. Ibid. S. 36, 79.

177. Ibid. S. 54.

178. Ibid. S. 42.

179. *Rainer Maria Rilke: Duineser Elegien*, dtv, München 1997.

180. *Immanuel Kant: Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen // Kants gesammelte Schriften*. Bd. II, de Gruyter, Berlin/New York 1902. См. также: *Immanuel Kant: Bemerkungen zu den Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen // Kants gesammelte Schriften*. Bd. XX, de Gruyter, Berlin/New York 1902.

181. *Immanuel Kant: Kritik av dømmekraften*, over. Espen Hammer, Pax, Oslo 1995 §23. S. 118.

182. *Кант И.* Сочинения в 6 т., М.: Мысль, 1966. Т. 5. S. 268–269.

183. *Burke: Philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful*. S. 53.

184. *Кант И.* Указ. соч. S. 268–269.

185. *Кант И.* Указ. соч. S. 277–278.

186. *Immanuel Kant: Kritik av dømmekraften* §28. S. 135.

187. *Кант И.* Указ. соч. S. 270–271.

188. Цит. по: *Paul Oppenheimer: Evil and the Demonic: A New Theory of Monstrous Behaviour*, New York University Press, New York 1996. S. 79.

189. *Kant*, Kritik av dømmekraften §26. C. 127.

190. *Делилло Д.* Белый шум. С. 239–240.

191. *Friedrich Nietzsche: Nachgelassene Fragmente 1884–1885 // Kritische Studienausgabe. Bd. 11* (dtv/de Gruyter, München/Berlin/New York 1988). S. 267f.

192. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы, пер. В. Наумов под редакцией Ирины Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999.

193. *John Gay: The Beggar's Opera*, Penguin, London 1987. Akt I, Scene 4. S. 12.

194. *Friedrich von Schiller: «Gedanken über den Gebrauch des Gemeinen und Niedrigen in der Kunst»* (1802), i *Samtliche Werke in fünf Banden*, Bd. 5, Dtv, München 2004.

195. Надо заметить, что Бёрк 30-ю годами позже в «*Reflections on the Revolution in France*» взял назад свои слова о возвышенном, и старший Бёрк не счел бы нападение террористов возвышенным. Об этом см.: *Christine Battersby: «Terror, terrorism and the sublime: rethinking the sublime after 1789 and 2001» // Postcolonial Studies* 1/2003. S. 70f.

196. *De Quincey: On Murder*. S. 12f.

197. *Ibid.* S. 30.

198. *Benjamin, Walter: Kunstverket i reproduksjonsalderen*, overs. Torodd Karlsten, Gyldendal, Oslo 1991.

199. *Karl Rosenkranz: Ästhetik des Häßlichen*, Reclam, Leipzig 1990.

200. *Burke: Philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful*. S. 109.

201. *Аристотель*. Поэтика. Происхождение поэзии и ее познавательная функция пер. В. Аппельрота, Хрестоматия по античной литературе. В 2 т. Т. 1. М.: Просвещение, 1965.
202. Там же. Определение трагедии как жанра, развитие ее.
203. *Aristoteles*: Den nikomakiske etikk. S. 1104b13.
204. *De Quincey*: On Murder. S. 32.
205. Об этом см. *Carroll*: The Philosophy of Horror, kap. 4.
206. Ср.: *Inngard Lereim*: Idrettsskader i Norge: en studie over forekomst, fordeling og endringer av idrettsskader behandlet ved norske sykehus i perioden 1989 til 1997, Norges idrettsforbund og olympiske komite 1999.
207. Ср.: *David Le Breton*: «Playing Symbolically with Death in Extreme Sports» // *Body & Society* 1/2000. S. 2.
208. Ibid. S. 7.
209. Ср.: *Maurice Merleau-Ponty*: Øyet og ånden, overs. Mikkel B. Tin, Pax, Oslo 2000.
210. Об этом см. *Richard Shusterman*: «Sornaesthetics and Burkes Sublime», в *British Journal of Aesthetics* 4/2005.
211. *Паланик Ч.* Бойцовский клуб пер. И. Кормильцев. М.: АСТ, 2002.
212. Там же.
213. *John Locke*: An Essay Concerning Human Understanding, Clarendon Press, Oxford 1975, bok II, kap. 21.34.
214. *Jean Delumeau*: Sin and Fear. The Emergence of Western Guilt Culture 13th – 18th Centuries, overs. Eric Nicholson, St. Martins Press, New York 1990. C. 555.
215. *Knud Ejler Løgstrup*: Den etiske fordring, Gyldendal, København 1956. S. 17f.
216. [Http://odin.dep.iio/fflarkiv/249899/Persnovernundersokelsen__faktaark.pdf](http://odin.dep.iio/fflarkiv/249899/Persnovernundersokelsen__faktaark.pdf).

217. *Ulrich Beck*: Weltrisikogesellschaft. Auf der Suche nach der Verlorenen Sicherheit, Suhrkamp Frankfurt a. M. 2007. S. 335.
218. *Gavin de Becker*: The Gift of Fear. Survival Signals That Protect Us From Violence, Dell Publishing, New York 1997.
219. Ibid. S. 66.
220. Ibid. S. 80.
221. Де Беккер также предлагает пространные обобщения о полах, о том, чего мы больше всего боимся: «В глубине души мужчины боятся быть осмеянными женщинами, а женщины в глубине души боятся быть убитыми мужчинами» (Там же. С. 77).
222. Социологический анализ этого подхода к зависимости см.: *Anthony Giddens*: The Transformations of Intimacy, Polity Press, Oxford 1992, кап. 6.
223. *Francis Fukuyama*: Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity, Free Press, New York 1996.
224. Ср.: *Niklas Luhmann*: Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität, Lucius & Lucius, Stuttgart 2000.
225. *Fukuyama*: Trust. S. 27, 152f.
226. *Løgstrup*: Den etiske fordring. S. 28.
227. *Ernst Febr og Bettina Rockenbach*: «Detrimental effects of sanctions on human altruism» // Nature 422/2003. S. 137–140.
228. *Andreas Olsson et al.*: «The Role of Social Groups in the Persistence of Learned Fear» // Science 309/2005.
229. *Arne Obman*: «Conditioned Fear of a Face: A Prelude to Ethnic Enmity?» // Science 309/2005.
230. *Svein Blom*: «Holdninger til innvandrere og innvandring 2006. Med komparative data fra Den europeiske samfunnsundersøkelsen», Notat 2006/77, Statistisk sentralbyrå, Oslo 2006, http://www.ssb.no/emner/02/notat_200677/notat_200677.pdf.

231. *Robert C. Solomon, Fernando Flores: Building Trust in Business, Politics, Relationships, and Life*, Oxford University Press, Oxford/ New York 2001. S. 22.

232. *Georg Simmel: Philosophie des Geldes, Gesamtausgabe Band 6*, Suhrkamp, Frankfurt a.M. 1989. S. 215.

233. *Georg Simmel: Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung, Gesamtausgabe Band 11*, Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1989. S. 393.

234. Ibid.

235. *Simmel: Philosophie des Geldes*. S. 215.

236. *Бонхейффер Д. Соппротивление и покорность*. М.: Прогресс, 1994.

237. Следующее разделение на наивное доверие, глупое доверие и продуманное доверие во многом сопоставимо с «simple trust», «blind trust» и «authentic trust», см. в: *Solomon, Flores: Building Trust in Business, Politics, Relationships, and Life*. S. 37f., 64f., 91–103.

238. *Slovic: The Perception of Risk*, кап. 19.

239. Исследование, углубляющее такую позицию см.: *Elemer Hankiss: Fears and Symbols – An Introduction to the Study of Western Civilisation*, Central European University Press, Budapest 2001.

240. *Giambattista Vico: The New Science*, Cornell University Press, Ithaca 1984, § 379–391.

241. *Hobbes: De Give*, кап. 2.

242. *Макиавелли Н. Сочинения, Рассуждения о первой декаде Тита Ливия*. Книга 1, глава 3, перевод Р. Хлодовский, СПб.: Кристалл, 1998.

243. Обсуждение вопроса о том, является ли человек по своей сути благим, злым или же и благим и злым см.: *Свендсен Л. Философия зла* Прогресс-Традиция, 2008.

244. *Макиавелли М.* Государь пер. Г. Муравьевой. М.: Азбука-классика, 2009.
245. Там же.
246. *Niccolo Machiavelli: Fyrsten*, overs. Jon Bingen, Aventura, Oslo 1988, kap. 17.1. S. 88.
247. *Макиавелли Н.* Государь.
248. *Niccolo Machiavelli: Fyrsten*, пер. Jon Bingen, Aventura, Oslo 1988, глава 17.1. С. 87.
249. *Макиавелли Н.* Государь.
250. *Thomas Hobbes: Leviathan*, Cambridge University Press, Cambridge 1991, kap. 14. S. 99.
251. *Hobbes: De Cive*. S. 58f. *Hobbes: Leviathan*, kap. 13. S. 89.
252. *Hobbes: Leviathan*, kap. 13.
253. *Ibid.* kap. 13. S. 88f.
254. «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского». Сочинения в 2 томах. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
255. *Hobbes: Leviathan*, kap. 27. S. 206.
256. *Ibid.* kap. 13. S. 90.
257. *Immanuel Kant: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten* // *Kants gesammelte Schriften*, Bd. IV, de Gruyter, Berlin/New York 1902. S. 401n. Общая критика политической философии Гоббса см.: *Immanuel Kant: Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein, taugt aber nicht für die Praxis* // *Kants gesammelte Schriften*, Bd. VIII, de Gruyter, Berlin/New York 1902, del 2. S. 289–306.
258. *Hobbes: Leviathan*, kap. 21. S. 146.
259. *Ibid.* kap. 30.
260. Cp.: *Gregory S. Kavka: «Rule by Fear»* // *Nous* 4/1983.

261. *Alexis de Tocqueville*: Om demokratiet i Amerika, over. Birgit Tønnesson, Gyldendal, Oslo 1995.
262. *Michael Ignatieff*: The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience, Henry Holt and Company, New York 1997. S. 18.
263. *Judith N. Shklar*: Political Thought and Political Thinkers, The University of Chicago Press, Chicago 1998, kap. 1.
264. Ср.: *Tom Pyszczynski*: «What Are We So Afraid Of? A Terror Management Perspective on the Politics of Fear» // Social Research 4/2004. S. 837f.
265. *Ralph Waldo Emerson*: «Self-Reliance» // The Essential Writings of Ralph Waldo Emerson, The Modern Library, New York 2000.
266. Более подробно об этом см.: *Свендсен Л.* «Ondskapens retorikk» // Morgenbladet. 13 сентября 2002.
267. Ср.: *Francois Debrix*: «Tabloid realism and the revival of American security culture» // Geopolitics 3/2003.
268. *Хантингтон С.М.* «Столкновение цивилизаций». М.: АСТ, 2003. С. 496. Пер. Ю. Новикова, под редакцией Е. Кривцовой и Т. Велимеева, под общей редакцией К. Королева.
269. *Zbigniew Brzezinski*: Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century, Macmillan, New York 1993 и The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostratic Imperatives, Basic Books, New York 1997; *Robert D. Kaplan*: The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War, Random House New York 2000.
270. См., например: *John Mueller*: Overblown: How Politicians and the Terrorism Industry Inflate National Security Threats, and Why We Believe Them, Free Press, New York 2006.
271. См.: *Department of Homeland Security*: Progress in Developing the National Asset Database, Washington, juni 2006.
272. [Http://www.usdoj.gov/oig/reports/plus/a0720/final.pdf](http://www.usdoj.gov/oig/reports/plus/a0720/final.pdf).

273. *Макиавелли* Государь.

274. *Robb Willer*: «The Effects of Government-Issued Terror Warnings on Presidential Approval Ratings» // Current Research in Social Psychology 10/2004.

275. *George W. Bush*: «Presidenlens tale om rikets tilstand» // Morgenbladet – bilag om Irak-krisen, 14 mars 2003. S. 26–28.

276. Cp.: *Eric Alterman*: «Fear: What Is It Good For?», Social Research 4/2004. S. 1008.

277. Cp.: *Max Rodenbeck*: «How Terrible Is It?» // The New York Review of Books 19/2006.

278. <http://www.angus-reid.com/polls/index.cfm/fuseaction/view-Item/itemID/14948>.

279. Этот вопрос обсуждался также в эпилоге ко второму изданию моей книги «Философия зла» (2002).

280. *Mark Mazzetti*: «Spy Agencies Say Iraq War Worsens Terror Threat» // New York Times 24 september 2006.

281. National Strategy for Combating Terrorism. S. 1.

282. Ibid. S. 1, 30.

283. Ibid. S. 1.

284. [Http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/06/20020601-3.html](http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/06/20020601-3.html).

285. *Michael Ignatieff*: The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror, Princeton University Press, Princeton 2004.

286. Cp.: *Yaseen Noorani*: «The Rhetoric of Security» // CR: The New Centennial Review 1/2005.

287. *Ulrich Beck*: «The Silence of Words: On Terror and War» // Security Dialogue 3/2003. C. 263.

288. *Carl Schmitt*: Der Begriff des Politischen, Duncker & Humblot, Berlin (1932) 1996. S. 37.

289. Наиболее радикальное предложение было разработано в: The Domestic Security Enhancement Act (http://www.publicintegrity.org/docs/PatriotAct/story_01_020703_doc_1.pdf) В этом документе излагалось положение, согласно которому всякий гражданин Америки, поддерживающий деятельность организации, которую американские власти считают террористической, может лишиться гражданства. Одним словом, это решение предполагает, что гражданин может быть депортирован, если его пребывание в США расценивается как противоречащее национальным интересам. Информация об этом законопроекте министерства юстиции США просочилась в феврале 2003 года, он не был представлен на официальное рассмотрение, однако стоит заметить, что фактически разработка этого документа была доведена до полноценного законопроекта. Столь радикальное предложение в любом случае имело незначительные шансы на утверждение, однако оно вполне поддерживается логикой других нарушений свободы личности.

290. К примеру, многие действия администрации Буша были направлены на то, чтобы подорвать принцип разделения власти и значительно расширить полномочия исполнительной власти (президента), что противоречит принципу разделения власти. См.: *Elizabeth Drew: «Power Grab» // The New York Review of Books 11/2006.*

291. Цит. по: *Louise Richardson: What Terrorists Want*, Random House, New York 2006. S. 205.

292. *Richardson: What Terrorists Want*. S. 5ff.

293. Легко читаемое и информативное исследование понятия «террорист», а также о проблемах, связанных с его определением см.: *Phil Rees: Dining with Terrorists*, 2. utg. Macmillan, London 2005.

294. См.: *Свендсен. Философия зла. Прогресс-Традиция*, 2008.

295. Я пытался это сделать в «Философии зла» (С. 268–290). Обсуждение этой темы см., например: *John Keane: Reflections on Violence*, Verso, London/New York 1996.

296. Cp.: *Chris Sparks*: «Liberalism, Terrorism and the Politics of Fear», в *Politics* 3/2003.
297. *Richardson*: What Terrorists Want. S. 142.
298. *Michael Walzer*: «On Negative Politics» // Bernard Yack (red.): *Liberalism without Illusions*, Chicago, University of Chicago Press 1996.
299. *Adam Phillips*: *Terror and Experts*, Harvard University Press, Cambridge MA 1997. S. 46.
300. Cp.: *Eric A. Posner* og *Adrian Vermule*: «Accomodating Emergencies», *Stanford Law Review* 56/2003.
301. *Giorgio Agamben*: «The State of Emergency», <http://www.generation-online.org/p/fpagambenschmitt.htm>.
302. *Wole Soyinka*: *Climate of Fear*, Profile Books, London 2004. S. 46.
303. [Http://news.bbcxo.uk/1/hi/world/americas/4292114.stm](http://news.bbcxo.uk/1/hi/world/americas/4292114.stm).
304. Cp.: *Furedi*: *Culture of Fear*. S. 53.
305. *Soyinka*: *Climate of Fear*. S. 5.
306. *Монтень*. Опыты. Избранные произведения в 3 т. Т. 3. М.: Голос, 1992.
307. *Конрад Д.* Аванпост прогресса, пер. Александры В. Кривцовой. СПб.: Лениздат, 1961.
308. *Huxley, Aldous*: *Vidunderlige nye verden*, Aschehoug, Oslo 1982. S. 181.
309. *Ballard J.G.* *Running Wild, Flamingo*, London 1997.
310. Начиная с девяностых годов стали появляться сведения о том, что родительская сверхопека приводит к возникновению у детей «adventure deficit disorder», т. е. дети страдают от нехватки острых ощущений в жизни (ср.: *Salecl*: *On Anxiety*. S. 3). Отнесение этого явления в категорию психических рас-

стройств прежде всего является проявлением общего злоупотребления, характерного для этой сферы, но в то же время показывает, что нам плохо, когда наша жизнь оберегается сверх меры.

311. *Паланик Ч.* Невидимки. М.: АСТ; Люкс, 2007, пер. Ю. Волковой.

312. О пессимизме как об образе мыслей см., например: *Joe Bailey*: Pessimism, Routledge, London/New York 1988; *Oliver Bennett*: Cultural Pessimism: Narratives of Decline in the Post-modern World, Edinburgh University Press, Edinburgh 2001; *Michael Pauen*: Pessimismus: Geschichtsphilosophie, Metaphysik und Moderne von Nietzsche bis Spengler, Akademie Verlag, Berlin 1997.

313. О логике и истории прогрессивного мышления см.: *Friedrich Rapp*: Fortschritt: Entwicklung und Sinngehalt einer philosophischen Idee, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 1992; *Robert Nisbet*: History of the Idea of Progress, Transaction Publishers 1994.

314. *Bauman*: Flytende Modernitet. S. 153.

315. *Ernst Bloch*: Das Prinzip Hoffnung, Bd. 1, Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1985. S. 1.

316. *Francis Herbert Bradley*: Aphorisms, Clarendon Press, Oxford 1930, § 63.

* НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ ЦИТАТЫ ДАНЫ В ПЕРЕВОДЕ
С АНГЛИЙСКОГО А.Г. АБИЛЬСИИТОВА

к стр. 14

*Филип Ларкин: «Жизнь – это прежде скука, а потом страх»

к стр. 21

*Хорошенький опыт – жить в страхе, правда?

Вот это и значит быть рабом.

** Ох, Малыш, снова приходит страх.

Конец снова близок.

к стр. 28

*Параноидальный шик.

к стр. 56

* Мы ненавидим, когда наши друзья добиваются успеха.

к стр. 87

* Это все равно что риск против награды, детка.

к стр. 133

* Пугающий мир –

Это мир, в котором интересно находиться

В Запретном Городе.

Или на крыше мира

Или в конце

Девятичасовых новостей.

Как вы на это ни посмотрите

Вы можете обнаружить страх там, где выберете.

к стр. 165

*Максимус:

Ты помнишь, что

Значит иметь доверие, Проксимо?

Проксимо: Доверие?

**Кто собрал эту вещь?

Я, вот кто! Кому я доверяю? Мне!

к стр. 185

*Страх. Это древнейшее орудие власти.

**Картман: Я использую страх, чтобы заставлять людей делать то, что я требую.

Барт Симпсон: Ух, разве это не как терроризм?

Картман: Чувак, это не как терроризм!

Это терроризм!

к стр. 223

*Страх – это главный источник предрассудков и один из главных источников жестокости. Победа над страхом – это начало мудрости при поисках истины, попытка после достойного образа жизни.

Список литературы

Agamben, Giorgio: «The State of Emergency», [http:// www.generation-online.org/p/fpagambenschmitt.htm](http://www.generation-online.org/p/fpagambenschmitt.htm).

Allison, Graham: «The ongoing failure of imagination» // Bulletin of the Atomic Scientists 62/5 2006.

Alterman, Eric: «Fear: What Is It Good For?» // Social Research 4/2004.

Altheide, David L.: Creating Fear. News and the Construction of Crisis, de Gruyter, New York 2002.

Anderson, C: «Cholera epidemic traced» Nature 354/1991.

Antonelli, Paola: Safe: Design Takes on Risk, The Museum of Modern Art, New York 2005.

Aristoteles: Metafysikken // The Complete Works of Aristotle, Edinburgh University Press, Edinburgh 2001.

- Aristoteles*: On generation and corruption // The Complete Works of Aristotle, Princeton University Press, Princeton NJ 1985.
- Aristoteles*: Ot diktekunsten, overs. Sam Ledsaak, Dreyer, Oslo 1989.
- Aristoteles*: Den nikomakiske etikk, overs. Øyvind Rabbås og Anfinn Stigen, Bokklubben Dagens Bøker, Oslo 1999.
- Aristoteles*: Retorikk, overs. Tormod Eide, Vidarforlaget, Oslo 2006.
- Aquinas, Thomas*: Orden og mysterium, overs. Vegård Skanland, Dreyer Oslo 1964.
- Avery, Ajex*: The Truth About Organic Foods, Henderson Communications L.L.C., Chesterfield, MO 2006.
- Bailey, Joe*: Pessimism, Routledge, London/New York 1988.
- Ballard, J.G.*: Running Wild, Flamingo, London 1997.
- Barihes, Roland*: Lysten ved teksten, overs. Arne Kjell Haugen, Solum, Oslo 1990.
- Battersby, Christine*: «Terror, terrorism and the sublime: rethinking the sublime after 1789 and 2001» // Postcolonial Studies 1/2003.
- Baudelaire, Charles*: Dagbøker, overs. Tore Stubberud, Solum, Oslo 1975.
- Baudelaire, Charles*: Spleen og ideal, overs. Haakon Dahlen, Bokvennen, Oslo 1999.
- Bauman, Zygmunt*: Flytende modernitet, overs. Mette Nygard, Vidarforlaget, Oslo 2001.
- Bauman, Zygmunt*: Liquid Fear, Polity Press, Cambridge 2006.

- Beck, Ulrich: Risk Society: 'Towards a New Modernity, Sage, London 1992.*
- Beck, Ulrich: Ecological Politics in an Age of Risk, Polity Press, London 1995.*
- Beck, Ulrich: «The Silence of Words: On Terror and War» // Security Dialogue 3/2003.*
- Beck, Ulrich: Weltrisikogesellschaft. Aufder Suche nach der Verlorenen Sicherheit, Suhrkamp Frankfurt a. M. 2007.*
- Becker, Ernest: Escape from Evil, The Free Press, New York 1975.*
- Becker, Gavin de: The Gift of Fear. Survival Signals That Protect Us From Violence, Dell Publishing, New York 1997.*
- Benjamin, Walter: Kunstverket i reproduksjonsalderen, overs. Torodd Karlsten, Gyldendal, Oslo 1991.*
- Bennett, Oliver: Cultural Pessimism: Narratives of Decline in the Post-modern World, Edinburgh University Press, Edinburgh 2001.*
- Berg, Lisbet: Trassig tillit. Forbrukertillit under e. coli-skandalen, SIFO, Oslo 2006, http://www.sifo.no/files/file64929_oppdrag-srapport_7-2006_web2.pdf.*
- Black, Joel: The Aesthetics of Murder. A Study in Romantic Literature and Contemporary Culture, The Johns Hopkins University Press, Baltimore/London 1991.*
- Blalock, Garric et al.: «The Impact of 9/11 on Driving Fatalities: The Other Lives Lost to Terrorism», [http:// www.news.cornell.edu/stories/March05/Septlldriving.pdf](http://www.news.cornell.edu/stories/March05/Septlldriving.pdf).*
- Bloch, Ernst: Das Prinzip Hoffnung, bind 1, Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1985.*

- Blom, Svein*: «Holdninger til innvandrere og innvandring 2006. Med komparative data fra Den europeiske samfunnsundersøkelsen», Notat 2006/77, Statistisk sentral-byrå, Oslo 2006, http://www.ssb.no/emner/02/notat_200677/notat_200677.pdf.
- Bonhoeffer, Dietrich*.: Motstand og hengivelse. Brev og opptegnelser fra fengselet, overs. Svein Hanssen-Bauer, Gyldendal, Oslo 2000.
- Bourke, Joanna*: Fear: A Cultural History, Virago, London 2005.
- Bradley, Francis Herbert*: Aphorisms, Clarendon Press, Oxford 1930.
- Breton, David Le*: «Playing Symbolically with Death in Extreme Sports» // Body & Society 1/2000.
- Brodzinsky, Sibylla*: «Bulletproof clothing that's fashionable too», i Business 2.0Magazine, 17 august 2006, http://mo-ney.cnn.com/magazines/business2/business2_archive/2006/08/01/8382235/index.htm.
- Brzezinski, Zbigniew*: Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century, Macmillan, New York 1993.
- Brzezinski, Zbigniew*: The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostratk Imperatives, Basic Books, New York 1997.
- Brugger sr., Jan*: Epidemier: En natur-og kulturhistorie, Damm, Oslo 2002.
- Burke, Edmund*: Philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and the Beautiful, Oxford University Press, Oxford 1998.
- Bush, George W.*: «Presidentens tale om rikets tilstand» // Morgenbladet – bilag om Irak-krisen, 14 mars 2003.

- Canetti, Elias*: Masse og makt, overs. Niels Magnus Bugge, Solum, Oslo 1995.
- Cannon, W.B.*: «The James-Lange theory of emotion: A critical examination and an alternative theory» // *American Journal of Psychology* 39/1927.
- Cannon, W.B.*: *Bodily Changes in Pain, Fear and Rage*, Appleton, New York 1929.
- Carroll, Noel*: *The Philosophy of Horror, or Paradoxes of the Heart*, Routledge, London/New York 1990.
- Cassirer, Ernst*: *Et essay om mennesket*, overs. Eva Wyller, Aschehoug. *Chernobyl's Legacy: Health, Environmental and Socio-Economic Impact*, IAEA, Wien, <http://www.iaea.org/Publications/Booklets/Chernobyl/chernobyl.pdf>.
- Conrad, Joseph*: «An Outpost of Progress» // «Heart of Darkness» and Other Tales, Oxford, Oxford University Press 1990.
- Damasio, Antonio*: *Følelsen av hva som skjer. Kroppens og emosjonens betydning for bevisstheten*, overs. Kare A. Lie, Pax, Oslo 2002.
- Davenport, Richard*: *Gothic: 400 Years of Excess, Horror, Evil and Ruin*, Fourth Estate, London 1998.
- Davis, Ronald M., Barry Pless*: «BMJ/bans 'accidents'» // *British Medical Journal* 322/2001.
- Debrix, Francois*: «Tabloid realism and the revival of American security culture» // *Geopolitics* 3/2003.
- DeLillo, Don*: *Hvit støy*, overs. Erik Nasshagen, Gyldendal, Oslo 1985.
- Delumeau, Jean*: *Sin and Fear. The Emergence of Western Guilt Culture 13th – 18th Centuries*, overs. Eric Nicholson, St. Martins Press, New York 1990.

Department of Homeland Security: Progress in Developing the National Asset Database, Washington, juni 2006, http://www.nytimes.com/packages/pdf/poiitics/20060711_DHS.pdf.

Diamond, Jared: Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed, Viking, New York 2004.

Douglas, Mary: Risk and Blame. Essays in Cultural Theory, Routledge, London 1992

Douglas, Mary og Aaron Wildavsky: Risk and Culture. An Essay on the Selection of Technological and Environmental Dangers, University of California Press, Berkeley/Los Angeles/London 1982.

Drew, Elizabeth: «Power Grab» // The New York Review of Books 11/2006.

Ekman, Paul: «An Argument for Basic Emotions» // Cognition and Emotion 6/1992.

Ellin, Nan (red.): Architecture of Fear, Princeton Architectural Press, New York 1997.

Emerson, Ralph Waldo: «Self-Reliance» // The Essential Writings of Ralph Waldo Emerson, The Modern Library, New York 2000.

Ernst, Michelle: Mean Streets 2004, Surface Transportation Policy Project 2004, http://www.transact.org/library/reports_html/ms2004/pdf/Final_Mean_Streets_2004_4.pdf.

Ewald, Francois: «Two Infinities of Risk» // Brian Massumi (red.): The Politics of Everyday Fear, University of Minnesota Press, Minneapolis/London 1993.

Febr, Ernst u Bettina Rockenbach: «Detrimental effects of sanctions on human altruism» // Nature 422/2003.

- Fitzpatrick, Michael*: «The MMR Story» // Stanley Feldman og Vincent Marks (red.): Panic Nation, John Blake, London 2005.
- Foucault, Michel*: Det moderne fengsels historie, overs. Dag Østerberg, Gyldendal, Oslo 1977.
- Foucault, Michel*: The Birth of the Clinic. An Archeology of Medical Perception, overs. A.M. Sheridan, Routledge, London 1997.
- Frayling, Christopher*: Mad, Bad and Dangerous? The Scientist and the Cinema. Reaktion, London 2005.
- Fredriksen, Stale*: Bad Luck and the Tragedy of Modern Medicine, Det medisinske fakultet, Universitetet i Oslo 2005.
- Fukuyama, Francis*: Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity, Free Press, New York 1996.
- Furedi, Frank*: Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation, rev. utg., Continuum, London/New York 2005.
- Furedi, Frank*: Politics of Fear, Continuum, London/New York 2005.
- Gay, John*: The Beggar's Opera, Penguin, London 1987.
- Genet, Jean*: Tyvens dagbok, overs. Herbert Svenkerud, Cappelen, Oslo 1986.
- Gerbner, George*: «Violence and Terror in and by the Media» // M. Raboy, B. Dagenais (red.): Media, Crisis and Democracy: Mass Communication and the Disruption of Social Order, Sage, London 1992.
- Giddens, Anthony*: Modernity and Self-Identity. Self and Identity in the Late Modern Age, Polity Press, Cambridge 1991.

- Giddens, Anthony*: The Transformations of Intimacy, Polity Press, Oxford 1992.
- Greenpeace*: The Chernobyl Catastrophe. Consequences on Human Health. Greenpeace, Amsterdam 2006, <http://www.greenpeace.org/raw/content/international/press/reports/chernobyl-healthreport.pdf>.
- Gross, Daniel M.*: The Secret History of Emotion. From Aristotle's Rhetoric to Modern Brain Science, The University of Chicago Press, Chicago 2006.
- Hankiss, Elemer*: Fears and Symbols – An Introduction to the Study of Western Civilisation, Central European University Press, Budapest 2001.
- Hegel, G.W.F.*: Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften 1, Werke Bd. 8, Suhrkamp, Frankfurt a.M. 1986.
- Heidegger, Martin*: «Was ist Metaphysik?» // Wegmarken, Gesamtausgabe Bd. 9, Klostermann, Frankfurt a. M. 1976.
- Heidegger, Martin*: Sein und Zeit, Niemeyer, Tübingen 1986.
- Heidegger, Martin*: Nietzsche, Erster Band, Neske, Pfullingen 1989.
- Hobbes, Thomas*: De Givē, Clarendon Press, Oxford 1983.
- Hobbes, Thomas*: Leviathan, Cambridge University Press, Cambridge 1991.
- Holgernes, Bjørn*: Angst i eksistensfilosofisk belysning, Hoyskoleforlaget, Kristiansand 2004.
- Howeler, Eric*: «Anxious Architectures: The Aesthetics of Surveillance» // Archis 3/2002.

- Howeler, Eric*: «Paranoia Chic: The Aesthetics of Surveillance», в LoudPaperS/2004.
- Human Security Centre*: Human Security Report 2005 – War and Peace in the 21st Century, Oxford University Press, Oxford 2006. Раппорт также можно скачать с: <http://www.humansecurityreport.info/index.php?option=content&task=view&id=28&Itemid=63>.
- Hume, David*: A Treatise of Human Nature, Penguin, London 1984.
- Huntington, Samuel*: The Clash of Civilisations and the Remaking of World Order, Touchstone, New York 1996.
- Huxley, Aldous*: Vidunderlige nye verden, overs, Georg Brochmann, Aschehoug, Oslo 1982.
- Ignatieff, Michael*: The Warrior's Honor: Ethnic War and the Modern Conscience, Henry Holt and Company, New York 1997.
- Ignatieff, Michael*: The Lesser Evil: Political Ethics in an Age of Terror, Princeton University Press, Princeton 2004.
- Illich, Ivan*: Medisinsk nemesis, overs. Truls Hoff, Gyldendal, Oslo 1975.
- James, William*: «What is an Emotion?» // Mind 9/1884.
- Jonas, Hans*: Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation, Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1979.
- Jones, Gerard*: Drep monstrene. Barns behov for fantastiske forestillinger, superhelter og liksom-vold, overs. Sigrid Salen, Andresen & Butensch0n, Oslo 2004.
- Jones, Lee*: «Turning children green with fear», Spiked 12 mars 2007, <http://www.spiked-online.com/index.php?/site/article/2950/>.

Kant, Immanuel: Bemerkungen zu den Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen // Kants gesammelte Schriften, bind XX, de Gruyter, Berlin/New York 1902.

Kant, Immanuel: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten // Kants gesammelte Schriften, bind IV, de Gruyter, Berlin/New York 1902.

Kant, Immanuel: Beobachtungen über das Gefühl des Schönen und Erhabenen // Kants gesammelte Schriften, bind II, de Gruyter, Berlin/New York 1902.

Kant, Immanuel: Über den Gemeinspruch: Das mag in der Theorie richtig sein taugt aber nicht für die Praxis // Kants gesammelte Schriften, bind VIII, de Gruyter, Berlin/New York 1902.

Kant, Immanuel: Kritik av dømmekraften, overs. Espen Hammer, Pax, Oslo 1995.

Kant, Immanuel: Hva er mennesket? Antropologi i pragmatisk perspektiv, overs. Øystein Skar, Pax, Oslo 2002.

Kaplan, Robert D.: The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War, Random House, New York 2000.

Karalliedde, Lakshman: «Pesticides in food» // Stanley Feldman og Vincent Marks (red.): Panic Nation, John Blake, London 2005.

Kavka, Gregory S.: «Rule by Fear» // *Nous* 4/1983.

Keane, John: Reflections on Violence, Verso, London/New York 1996.

Krebs, John: «Why natural may not equal healthy», i *Nature* 415/2002.

Kreft i Norge 2004, Kreftregisteret, Institutt for populasjonsbasert kreftforskning, Oslo 2006.

Kunstler, James Howard: The Long Emergency: Surviving the End of Oil, Climate Change, and Other Converging Catastrophes of the Twenty-First Century, Atlantic Monthly Press 2005.

LeDoux, Joseph: The Emotional Brain, Weidenfels & Nicholson, London 1998.

Lereim, Inngard: Idrettsskader i Norge: en studie over forekomst, fordeling og endringer av idrettsskader behandlet ved norske sykehus i perioden 1989 til 1997, Norges idrettsforbund og olympiske komite 1999.

Linden, Eugene: The Winds of Change: Climate, Weather, and the Destruction of Civilizations, Simon & Schuster, New York 2006.

Locke, John: An Essay Concerning Human Understanding, Clarendon Press, Oxford 1975.

Lovecraft, HP.: «Supernatural Horror in Literature» // At the Mountains of Madness, The Modern Library, New York 2005.

Lucretius: Ot tingenes natur, overs. Trygve Sparre, Aschehoug, Oslo 1978.

Luhmann, Niklas: Risk. A Sociological Theory, overs. Rhodes Barrett, de Gruyter, New York 1993.

Luhmann, Niklas: Vertrauen. Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität, Lucius & Lucius, Stuttgart 2000.

Løgstrup, Knud Ejler: Den etiske fordring, Gyldendal, København 1956.

Machiavelli, Niccolo: Fyrsten, overs. Jon Bingen, Aventura, Oslo 1988.

Machiavelli, Niccolo: Discorsi. En drøjtelse av Titus Livius' ti første bøker, 3 bind, overs. Jon Bingen, Cappelen Akademisk Forlag, Oslo 2004.

- Marks, Isaac M.*: Living with Fear: Understanding and Coping with Anxiety, McGraw-Hill, Maidenhead 2005.
- Marks, Isaac M. og Randolph M. Nesse*: «Fear and Fitness: An Evolutionary Analysis of Anxiety Disorders» // Ethology and Sociobiology 15/1994.
- Massumi Brian*: «Everywhere You Want to Be: Introduction to Fear» // Brian Massumi (red.): The Politics of Everyday Fear, University of Minnesota Press, Minneapolis/ London 1993.
- Massumi, Brian*: «Fear (The Spectrum Said)» // Positions 13/1 2005.
- Matthen, Mohan*: «Biological Universals and the Nature of Fear» // The Journal of Philosophy, 3/1998.
- Mazzetti, Mark*: «Spy Agencies Say Iraq War Worsens Terror Threat» // New York Times 24. September 2006.
- Merleau-Ponty, Maurice*: Kroppens fenomenologi, overs. Bjørn Nake, Pax, Oslo 1994.
- Merleau-Ponty, Maurice*: Øyet og ånden, overs. Mikkel B. Tin, Pax, Oslo 2000.
- Meyer, Michael*: Philosophy and the Passions. Towards a History of Human Nature, overs. Robert F. Barsky, Penn State Press, Pennsylvania 2000.
- Miller, William Ian*: The Mystery of Courage, Harvard University Press, Cambridge, MA/London 2000.
- Montaigne, Michel de*: «Om erfaring» // Essays, overs. Beate Vibe, Aschehoug, Oslo 1996.
- Montaigne, Michel de*: «Om frykten» // Essays. Første bok, overs. Beate Vibe, Aschehoug, Oslo 2004.

- Montaigne, Michel de:* «Forsvarstale for Raymond Sebond» // Essays. Første bok, overs. Beate Vibe, Aschehoug, Oslo 2005.
- Montaigne, Michel de:* «Om drukkenskap», d Essays. Annen bok, overs. Beate Vibe, Aschehoug, Oslo 2005.
- Mueller John:* Overblown: How Politicians and the Terrorism Industry Inflate National Security Threats, and Why We Believe Them, Free Press, New York 2006.
- Murakami, Haruki:* Underground. The Tokyo Gas Attack and the Japanese Psyche, overs. Alfred Birnbaum, Philip Gabriel, Vintage, London 2003.
- Muse, Melinda:* I'm Afraid, You're Afraid: 448 Things to Fear and Why, Hyperion, New York 2000.
- National Strategy for Combating Terrorism,* http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/02/counter_terrorism/counter_terrorism_strategy.pdf.
- Nietzsche, Friedrich:* Morgenröte, Kritische Studienausgabe, Bd. 3, dtv/de Gruyter, München/Berlin/New York 1988.
- Nietzsche, Friedrich:* Nachgelassene Fragmente 1884–1885 // Kritische Studienausgabe, Bd. 11, dtv/de Gruyter, München/Berlin/New York 1988.
- Nisbet, Robert:* History of the Idea of Progress, Transaction Publishers 1994.
- Noorani, Yaseen:* «The Rhetoric of Security» // CR: The New Centennial Review 1/2005.
- Nussbaum, Martha C.:* Upheavals of Thought. The Intelligence of the Emotions, Cambridge University Press, Cambridge 2001.

- Nyeng, Frode*: Følelser – i filosofi, vitenskap og dagligliv, Abstrakt forlag, Oslo 2006.
- Olsson, Andreas et al.*: «The Role of Social Groups in the Persistence of Learned Fear» // *Science* 309/2005.
- Oppenheimer, Paul*: *Evil and the Demonic: A New Theory of Monstrous Behaviour*, New York University Press, New York 1996.
- Ortony, Andrew et al.*: *The Cognitive Structure of the Emotions*, Cambridge University Press, Cambridge 1988.
- Palabniuk, Chuck*: *Fight Club*, Henry Holt and Company, New York 1997.
- Palabniuk, Chuck*: *Invisible Monsters*, Vintage, London 2003.
- Pauen, Michael*: *Pessimismus: Geschichtsphilosophie, Metaphysik und Moderne von Nietzsche bis Spengler*, Akademie Verlag, Berlin 1997.
- Phillips, Adam*: *Terror and Experts*, Harvard University Press, Cambridge MA 1997.
- Posner, Eric A. u Adrian Vermule*: «Accommodating Emergencies», *Stanford Law Review* 56/2003.
- Pyszcynski, Tom*: «What Are We So Afraid Of? A Terror Management Perspective on the Politics of Fear», *Social Research* 4/2004.
- Quincey, Thomas De*: *On Murder*, Oxford University Press, Oxford 2006.
- Rapp, Friedrich*: *Fortschritt: Entwicklung und Sinngehalt einer philosophischen Idee*, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt 1992.

- Reddy, William M.*: The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotion, Cambridge University Press, Cambridge 2001.
- Rees, Phil.*: Dining with Terrorists. 2. utg. Macmillan, London 2005.
- Richardson, Louise.*: What Terrorists Want, Random House, New York 2006.
- Rilke, Rainer Maria.*: Duineser Elegien, dtv, München 1997.
- Rochefoucauld, Francois de La.*: Maksimer, overs. Anne-Lisa Amadou, Gyldendal, Oslo 2004.
- Rodenbeck, Max.*: «How Terrible Is It?» // The New York Review of Books 19/2006.
- Rosenkranz, Karl.*: Ästhetik des Häßlichen, Reclam, Leipzig 1990.
- Salecl, Renata.*: On Anxiety, Routledge, London 2004.
- Sartre, Jean-Paul.*: Erfaringer med de Andre, overs. Dag Østerberg og Halvor Roll, Gyldendal, Oslo 1980.
- Sartre, Jean-Paul.*: The Emotions: Outline of a Theory, overs. B. Frechman, Citadel Press, New York 1986.
- Schachter, Stanley u. Jerome Singer.*: «Cognitive, social, and physiological determinants of emotional state» // Psychological Review 69/1962.
- Schiller, Friedrich von.*: «Gedanken über den Gebrauch des Gemeinen und Niedrigen in der Kunst» (1802), i Sämtliche Werke in fünf Bänden, Bind 5, dtv, München 2004.
- Schmitt, Carl.*: Der Begriff des Politischen, Duncker & Humblot, Berlin (1932) 1996.

- Scodel, Harvey*: «An Interview with Professor Hans Jonas» // Social Research 2/2003.
- Selye, Hans*: The Stress of Life, McGraw-Hill, New York 1976.
- Sbklar, Judith N.*: Political Thought and Political Thinkers, The University of Chicago Press, Chicago 1998.
- Shusterman, Richard*: «Somaesthetics and Burke's Sublime» // British Journal of Aesthetics 4/2005.
- Siegel, Marc*: False Alarm. The Truth About The Epidemic of Fear, John Wiley & Sons, Hoboken 2005.
- Simmel, Georg*: Philosophie des Geldes, Gesamtausgabe Band 6, Suhrkamp, Frankfurt a.M. 1989.
- Simmel, Georg*: Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung, Gesamtausgabe Band 11, Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1989.
- Slovic, Paul*: The Perception of Risk, Earthscan, London 2000.
- Smith, Adam*: The Theory of Moral Sentiments, The Liberty Fund, Indianapolis 1982 (1759).
- Solomon, Robert C.*: The Passions: Emotions and the Meaning of Life, Hackett Publishing Company, Indianapolis/ Cambridge 1993.
- Solomon, Robert C. og Fernando Flores*: Building Trust in Business, Politics, Relationships, and Life, Oxford University Press, Oxford/ New York 2001.
- Solomon, Robert C.*: «Back to Basics: On the Very Idea of 'Basic Emotions'» // Not Passion's Slave: Emotions and Choice, Oxford University Press, Oxford 2003.

- Solomon, Robert C.*: «On the Passivity of the Passions» // Not Passion's Slave: Emotions and Choice, Oxford University Press, Oxford 2003.
- Sousa, Ronald de*: «Self-deceptive Emotions» // Amelie Oksenberg Rorty (red.): Explaining Emotions, University of California Press, Berkeley 1980.
- Soyinka, Wole*: Climate of Fear, Profile Books, London 2004.
- Sparks, Chris*: «Liberalism, Terrorism and the Politics of Fear» // Politics 3/2003.
- Spigarelli, Jack A.*: Crisis Preparedness Handbook: A Complete Guide to Home Storage and Physical Survival, Cross-Current Pub. 2002.
- Sprengelmeyer, Reiner et al.*: «Knowing no fear» // Proceedings of the Royal Society: Biological Sciences, 1437/1999.
- Starr, Sandy*: «Science, risk and the price of precaution», <http://www.spiked-online.com/Articles/00000006DD7A.htm>.
- Stearns, Peter N., Timothy Haggerty*: «The Role of Fear: Transitions in American Emotional Standards for Children, 1850–1950» // American Historical Review 96/ 1991.
- Stein, Matthew*: When Technology Fails: A Manual for Self-Reliance and Planetary Survival, Clear Light Books 2000.
- Strauss, Leo*: The Political Philosophy of Hobbes, The University of Chicago Press, Chicago 1952.
- Sunstein, Cass R.*: Laws of Fear. Beyond the Precautionary Principle, Cambridge University Press, Cambridge 2005.
- Sunstein, Cass R.*: Risk and Reason. Safety, Law and the Environment, Cambridge University Press, Cambridge 2002.

- Svendsen, Lars Fr. H.*: Ondskapens filosofi, Universitetsforlaget, Oslo 2001.
- Svendsen, Lars Fr.H.*: «Ondskapens retorikk» // Morgenbladet 13 September 2002.
- Svensen, Henrik*: Enden er nær. En bok om naturkatastrofer og samfunn, Aschehoug, Oslo 2006.
- Thukydides*: Peloponneserkrigen, Første bind, overs. Henning Møland, Aschehoug, Oslo 1999.
- Tickner, Joel u Tami Gouveia-Vigeant*: «The 1991 Cholera Epidemic in Peru: Not a Case of Precaution Gone Awry» // Risk Analysis 3/2005.
- Tocqueville, Alexis de*: Om demokratiet i Amerika, overs. Birgit Tønnesson, Gyldendal, Oslo 1995.
- Tren, Richard, Roger Bate*: «Malaria and the DDT Story», IEA Occasional Paper 117/2001. Раппорт также можно скачать с: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=677448.
- Vico, Giambattista*: The New Science, Cornell University Press, Ithaca 1984.
- Wakefield, A.J. et al.*: «Ileal-lymphoid-nodular hyperplasia, non-specific colitis, and pervasive developmental disorder in children» // The Lancet, Vol. 351/9103 1998.
- Walzer, Michael*: «On Negative Politics» // Bernard Yack (red.): Liberalism without Illusions, Chicago, University of Chicago Press 1996.
- Wilde, Oscar*: Complete Works of Oscar Wilde, Collins, London 1966.

Wilier, Robb: «The Effects of Government-Issued Terror Warnings on Presidential Approval Ratings» // *Current Research in Social Psychology* 10/2004.

Wittgenstein, Ludwig: *Tractatus logico-philosophicus*, Werkausgabe in 8 Bänden, Bd. 1, Suhrkamp, Frankfurt a. M. 1984.

Obman, Arne: «Conditioned Fear of a Face: A Prelude to Ethnic Enmity?» // *Science* 309/2005.

Сейчас, когда Вы внимательно

прочли эту книгу, Ваш СТРАХ,

ЕСЛИ И НЕ ИСЧЕЗ ОКОНЧАТЕЛЬНО,

ТО СТАЛ СОВСЕМ крошечным, вот таким:

